

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5
1977

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

Главное событие XX века	3
<i>Яжборовская И. С.</i> Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	10
<i>Михта Норберт</i> (ПНР). Значение Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши	33
<i>Грушковиц Михал</i> (ЧССР). Великая Октябрьская революция и Чехословакия	44
<i>Славин Г. М.</i> Как трудящиеся Югославии праздновали годовщины Великого Октября	51
<i>Ярош Б.</i> Научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Польской Народной Республики (1947—1977)	65
<i>Хорев В. А.</i> Октябрьская революция и становление социалистического реализма в польской литературе в 20-е годы	75
<i>Цанев Георгий</i> (НРБ). Русская классическая и советская литература в моей жизни	95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Копылов В. Р.</i> «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Сборник документов и материалов	107
<i>Калениченко П. М., Колесник В. П.</i> «ZSSR — Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna»	110
<i>Молок Ф.</i> «KSC a naše priateľstvo a spojenectvo so ZSSR»	113
<i>Мельцер Д. Б.</i> Ценное издание по истории советско-болгарских отношений	114
<i>Горский И. К.</i> «Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза начала 70-х годов»	117

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976—1977 гг. (продолжение)	120
Содержание иностранных журналов	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА

7 ноября 1977 года исполняется шестьдесят лет Великой Октябрьской социалистической революции.

Шестидесятилетие Октября является важной вехой в жизни советского народа, в развитии всего мирового освободительного движения. Наша страна, все прогрессивное человечество встречают эту знаменательную дату под знаком новых побед социализма, учения Маркса, Энгельса, Ленина, идей пролетарского интернационализма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу.

Огромным морально-политическим подъемом, новыми патриотическими делами, воплощая в жизнь исторические решения XXV съезда родной Коммунистической партии, отмечают советские люди славный юбилей Октября.

Шесть десятилетий назад героический пролетариат России под руководством партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным поднялся на решительный штурм буржуазно-помещичьего строя и сокрушил его. Впервые в истории борьба трудящихся против эксплуатации, социального и национального гнета завершилась их полной победой.

Победа Октября — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма. В результате ее победы возникло первое в мире социалистическое государство.

Советская власть указала всем народам земли единственно правильный выход из кровавого хаоса войн, в которые ввергал их эксплуататорский строй. Первым государственным актом утвердившейся новой власти стал ленинский Декрет о мире, провозгласивший ясную и четкую программу борьбы за справедливый, демократический, всеобщий мир. Великий Октябрь открыл новую эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, эпоху борьбы «за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм» (Ленин).

...Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны успешно справились с самой главной и самой сложной задачей социалистической революции — созидательной. Был претворен в жизнь ленинский план строительства социализма, охватывающий все основные сферы жизни общества. Эту задачу советскому народу пришлось решать в невероятно трудной обстановке, находясь во враждебном капиталистическом окружении. Низкий уровень развития производительных сил

и культуры, унаследованный от царской России, преобладание мелко-товарного сельского хозяйства, разорительные последствия мировой и гражданской войн, а также иностранной интервенции — в таких условиях началось строительство нового общества в нашей стране.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, справедливое решение национального вопроса превратили в исторически кратчайший срок нашу Родину в могучую социалистическую державу.

Вероломное нападение фашистской Германии прервало мирный труд советского народа. В длительной, самой тяжелой из войн в истории нашей Родины советский народ совершил подвиг, равного которому еще не знало человечество. Он сумел не только отстоять свою свободу и независимость, но и внес решающий вклад в дело спасения европейской и мировой цивилизации от уничтожения фашистскими варварами.

Совершив беспрецедентный подвиг в годы Великой Отечественной войны, советский народ продемонстрировал массовый героизм и в мирном труде по восстановлению разрушенных городов и сел, фабрик и заводов.

Достижения родины Октября за шесть десятилетий являются убедительным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества.

...Важнейшим итогом самоотверженного труда советского народа стало построенное в нашей стране общество развитого социализма.

Развитое социалистическое общество — закономерный этап в становлении коммунистической формации. На этом этапе социализм, развиваясь уже на собственной основе, все более полно раскрывает свои творческие возможности, свою глубоко гуманистическую сущность. Развитой социализм характеризуется соединением достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики, качественно новым уровнем и масштабами производства, позволяющими непосредственно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся, добиваться важных успехов в экономическом соревновании с капитализмом.

Развитый социализм знаменует высокую степень зрелости всей системы общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические. Ему присущи нерушимая идейно-политическая и социальная сплоченность трудящихся, их беззаветная преданность благородным идеалам Коммунистической партии, верность принципам марксизма-ленинизма. Развитой социализм — это сегодня высшее достижение социального прогресса.

...Все развитие советского общества проходит сейчас под нарастающим воздействием идей XXV съезда КПСС. Это съезд нерушимого единства партии и народа, вдохновляющих перспектив и целеустремленной деловитости. В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду товарищ Л. И. Брежнев с позиций творческого марксизма-ленинизма дал глубокий анализ всех основных сторон деятельности партии и жизни общества развитого социализма, научно обобщил огромный практический опыт, поставил задачи на будущее, раскрыл ключевые проблемы общественного развития как внутреннего, так и международного характера.

Политический курс партии, намеченный XXV съездом, обеспечивает непрерывное укрепление и развитие экономического и оборонного могущества СССР, совершенствование социалистических общественных отношений, дальнейшее продвижение нашей Родины к коммунизму. Установ-

ки съезда нашли свое конкретное воплощение в плане десятой пятилетки, пятилетки эффективности и качества, огромных масштабов и больших возможностей. Революционный творческий дух, идеи XXV съезда живут в повседневных делах нашей партии, нашего народа. Будучи поняты и восприняты миллионными массами, они все более становятся материальной силой, могучим ускорителем всего нашего развития. Советские люди хорошо знают — чем добросовестнее и эффективнее их труд, тем крепче могущество социалистического Отечества, тем лучше и краше наша жизнь...

Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». «Правда», 1977, 1 февраля

...Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало коренным революционным преобразованиям в мире. Родина Октября стала мощной базой, решающим фактором развития и исторических побед мирового революционного движения.

...Болгарская коммунистическая партия выросла и закалилась как революционный авангард в самом тесном взаимодействии с русским революционным движением, плечом к плечу с Коммунистической партией Советского Союза. Основоположник нашей партии Димитр Благоев был олицетворением живой связи между русским и болгарским революционным движением. Октябрьская революция еще теснее сплотила революционные силы двух наших братских стран. Болгарские тесняки восторженно приветствовали победу Октябрьской революции, горячо поддержали русский пролетариат, большевиков, В. И. Ленина. Под руководством бессмертного вождя и учителя нашего народа Георгия Димитрова Болгарская коммунистическая партия вооружилась идейными, организационными и тактическими принципами ленинизма, богатым революционным опытом КПСС, выросла и закалилась как партия нового ленинского типа. Именно благодаря последовательной ленинизации партия сумела возглавить антикапиталистическую и антифашистскую борьбу болгарского народа и довести ее до победного конца. Революция 9 сентября 1944 г. в Болгарии, победившая при решающей помощи Советской Армии, в главном, основном является повторением и продолжением Великой Октябрьской социалистической революции.

Под знаменем Октября, беззаветно верная и преданная принципам марксизма-ленинизма, вдохновленная великим примером Советского Союза и при его братской поддержке наша партия повела Болгарию по широкому пути социализма. Применяя принципы марксизма-ленинизма к конкретным историческим условиям страны, Болгарская коммунистическая партия творчески решила ряд крупных проблем социалистического строительства, вносила и вносит свой вклад в развитие и обогащение нашего интернационального революционного учения.

Болгарский народ заслуженно гордится замечательными успехами, достигнутыми в социалистическом строительстве. В Народной Республике Болгарии социализм победил бесповоротно и сейчас в стране успешно строится зрелое социалистическое общество. Народное хозяйство развивается высокими и стабильными темпами по пути интенсификации и научно-технического прогресса. Наряду с экономикой постоянно по восходящей линии развиваются социалистическая культура и искусство, наука и образование. Постоянно растут материальные благосостояние и культурный уровень трудящихся, все более укрепляется социально-политическое единство народа, развиваются социалистическая демократия, социалистический образ жизни.

Трудящиеся Народной Республики Болгария встречают славный юбилей Октябрьской революции с оптимизмом и знаменуют его новыми вдохновенными делами по претворению в жизнь решений XI съезда БКП. Все шире разворачивается социалистическое соревнование по выполнению выдвинутого XI съездом стратегического лозунга борьбы за высокое качество и высокую эффективность производства, всей общественной деятельности.

С чувством высокой ответственности за интернациональную миссию реального социализма БКП вместе с КПСС и другими братскими партиями самоотверженно трудится над укреплением сплоченности, экономической и оборонной мощи мирового социалистического содружества на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Народная Республика Болгария вносит и впредь будет вносить свой вклад в углубление и расширение разрядки в международной жизни, в дальнейшее утверждение ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, за укрепление мира и сотрудничества между народами на Балканах, в Европе и во всем мире.

Все наши успехи в строительстве социализма являются убедительным подтверждением жизненной силы бессмертных идей марксизма-ленинизма, Великой Октябрьской социалистической революции, ее идей. Они являются плодом ленинской идейной сущности генеральной линии Болгарской коммунистической партии, выработанной Апрельским пленумом 1957 г. — всей своей деятельностью партия доказала, что для нее нет других интересов, кроме интересов трудового болгарского народа. Наши успехи неразрывно связаны с животворной болгаро-советской дружбой, ставшей судьбой всего болгарского народа, великой материальной силой нашего социалистического развития...

Из решения Политбюро ЦК БКП «О чествовании 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». «Работническо дело», 25 II 1977

...Великая Октябрьская социалистическая революция, являясь следствием общественного развития и классовой борьбы в условиях империализма, стала решающим фактором всего революционного процесса и социального прогресса в мире, где ныне социализм определяет главный путь развития человечества. Победа Октябрьской революции является неопровержимым доказательством правильности марксистской теории исторического процесса. Экономические и общественно-политические преобразования, начатые в знаменательные дни Октября 1917 г. и осуществляемые в иных исторических условиях в постоянно обогащающихся формах, определяют картину происходящих в мире прогрессивных перемен.

...С Октябрьской революцией связаны основные этапы современной истории нашего народа: восстановление независимости в 1918 г., освобождение от ига гитлеровской оккупации и вступление Польши на путь социализма.

Исторический декрет Советской власти, принятый по инициативе Ленина и подписанный им, аннулировал договоры царизма о разделех Польши. В огне Октябрьской революции закалялись интернационалистические узы, всегда связывавшие польское и российское революционное рабочее движение. За победу Октябрьской революции и упрочение Советской власти боролись тысячи польских революционеров... Польский пролетариат в многочисленных выступлениях солидаризировался с борь-

бою, которую вели рабочие Европы в защиту революции под лозунгом «Руки прочь от Страны Советов».

Победоносная Октябрьская революция решительно повлияла на радикализацию пролетариата, крестьянства и интеллигенции, на дальнейшее развитие революционного рабочего движения в нашей стране.

В годы второй мировой войны фундаментальная идея союза со Страной Советов, выдвинутая Польской рабочей партией, Союзом польских патриотов в СССР, а также связанными с ними левыми демократическими силами, приобрела решающее значение для нашего национального существования. Воодушевленные этой идеей польские коммунисты боролись на всех фронтах Европы с фашизмом. Союз и дружба с Советским Союзом, а также борьба народного Войска Польского плечом к плечу с Советской Армией принесли нашему народу свободу и независимость...

Польский народ навсегда сохранит благодарную память о неограниченной помощи СССР как в деле возвращения Польше древних пясцовских земель по Одре, Нысе и на Балтике, так и в восстановлении уничтоженной в результате войны нашей экономики. Всесторонняя и бескорыстная помощь, которую оказала Польше Страна Советов в этот наиболее трудный для нас период, стала решающим фактором социально-экономического развития страны.

Союз между Польшей и Советским Союзом, дружба и сотрудничество между ними являются решающим фактором независимости и развития народной Польши, краеугольным камнем политики нашей партии и государства, ключевой предпосылкой безопасности нашей Родины и укрепления ее международных позиций.

С каждым годом польско-советское сотрудничество во всех областях становится все более эффективным. Крепнут экономические связи, особенно специализация и кооперация в промышленности. Растут взаимные поставки сырья, инвестиционного оборудования и машин. Мы осуществляем все больше и больше совместных инвестиций в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества. Успешно развивается идеологическое, политическое, научно-техническое и культурное сотрудничество.

Примером нового, высшего этапа современного экономического сотрудничества обеих братских стран является металлургический комбинат «Катовице» — символ братского сотрудничества польских и советских рабочих, инженеров и техников, научных и хозяйственных работников, символ связи наших народов и наших партий.

Историческое значение для углубления этих интернациональных связей имели визиты в Польшу Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в связи с празднованием тридцатилетия народной Польши и VII съездом ПОРП, а также визит дружбы в Советский Союз партийно-правительственной делегации ПНР во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Эдвардом Герекем в ноябре 1976 г. Эти визиты явились демонстрацией тех братских отношений, которые ныне связывают наши народы, наши партии, обе наши страны. Они открыли новые возможности и перспективы польско-советского сотрудничества во всех областях. Это сотрудничество мы будем неустанно развивать и обогащать, мы будем стремиться к углублению наших идеологических, политических, экономических, научно-технических и культурных связей, поднимая их на все более высокий уровень.

Сознавая, какое влияние на судьбы нашего народа оказала Октябрьская революция и какое значение для дальнейшего успешного развития нашей социалистической родины и повышения ее роли и авторитета в мире имеет тесное сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, мы будем праздновать шестидесятую годовщину Великого Ок-

тября, выражая сердечные чувства и горячие пожелания партии рабочего класса и всего нашего народа по этому случаю советским друзьям...

Из решения Политбюро ЦК ПОРП «Шестидесятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». «Nowe Drogi», 1977, № 3, s. 7, 11—12

...Вместе с народами Советского Союза и всем прогрессивным человечеством народы нашей страны приветствуют годовщину славного Октября как свой великий праздник.

Победоносные идеи Октября стали вдохновляющей и преобразующей силой нашего столетия, коренным образом изменившей ход истории. Был создан Советский Союз, который благодаря мудрой ленинской политике КПСС, самоотверженности и героизму советских людей в исторически короткий срок превратился в могущественную социалистическую страну, ставшую прочной опорой революционных сил, всех борцов за социальный прогресс и мир.

Под влиянием победных идей Великого Октября осуществлялись глубокие революционные преобразования, которые полностью изменили карту мира. Возникло и упрочилось мировое социалистическое содружество, являющееся самым значительным достижением международного революционного движения. Социализм перенял историческую инициативу и указал путь к свободе и счастью всем эксплуатируемым и угнетенным. Великий Октябрь является источником всех освободительных идей, всех революционных демократических движений и сил, которые определяют общественный прогресс в современную эпоху.

...Новейшая история нашего народа, его борьба за национальное и социальное освобождение, за построение социализма и упрочение международного положения Чехословакии неразрывно связаны с победой Великой Октябрьской социалистической революции и существованием Советского Союза. Под непосредственным воздействием Великого Октября начался подъем национально-освободительной борьбы нашего народа, кульминацией которой явилось создание самостоятельного чехословацкого государства.

По примеру русских большевиков и с их помощью возникла Коммунистическая партия Чехословакии. Опыт КПСС и личная помощь В. И. Ленина в значительной мере способствовали ее формированию в партию нового типа, революционный авангард рабочего класса.

По примеру ленинской КПСС КПЧ полностью поставила себя на службу народу, всегда связывая патриотизм с пролетарским интернационализмом; интересы народа, судьбы наших народов, их свобода, их счастье и благо всегда были для нее превыше всего. Опыт КПСС является неоценимым источником познания в борьбе за свержение господства буржуазии, за установление власти рабочего класса и в социалистическом строительстве.

Благодаря своей самоотверженной деятельности и верности интересам рабочего класса, всех трудящихся и народов нашей страны, КПЧ стала признанной ведущей политической силой нашего общества, нашей социалистической действительности.

В своей деятельности КПЧ последовательно и творчески руководствуется учением марксизма-ленинизма, учится на опыте КПСС и других братских партий. Это было и остается гарантией успешного строительства социализма в нашей стране. Верность марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму наша партия считает решающей предпосылкой дальнейшего успешного выполнения заветов Великого Октября.

Сегодня ЧССР является прочной и активной составной частью великой семьи стран мирового социалистического содружества. Решающая гарантия прочности, силы и безопасности нашего государства — наш союз и всестороннее сотрудничество с СССР, который был и является самым верным другом народов Чехословакии.

Советский Союз был нашим лучшим другом в хорошие и трудные времена. Дружба и союз с СССР, скрепленные совместно пролитой кровью в годы второй мировой войны, стали прочной основой внешнеполитической ориентации нашего государства, надежной гарантией нашей национальной свободы и государственной самостоятельности.

Освобождение Чехословакии Советской Армией создало благоприятные предпосылки для перерастания нашей национально-демократической революции в революцию социалистическую. Славной февральской победой в 1948 г. рабочий класс в союзе с широкими слоями народа под руководством КПЧ завершил борьбу за политическую власть. Началась социалистическая перестройка нашего общества, в ходе которой чехословацко-советские отношения во всех сферах расширились и углубились. Это проявилось в динамичном росте политического, экономического, идеологического, культурного и научно-технического сотрудничества в решении важных задач строительства социализма и коммунизма.

Крупные успехи, достигнутые в период социалистического строительства, связаны с бескорыстной помощью и всесторонней поддержкой, которые оказывал нам Советский Союз. Это убедительно подтвердилось и во время преодоления последствий глубокого кризиса, в который вовлекли нашу страну правые оппортунисты и антисоциалистические силы.

В новых исторических условиях в 1970 г. был заключен новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ЧССР и СССР, который отвечает целям и интересам дальнейшего развития нашего социалистического общества. Он продолжает самые лучшие традиции нашей дружбы, является прочной гарантией безопасности нашего государства и прочной основой дальнейшего углубления дружбы, всестороннего сотрудничества и взаимной помощи между нашими странами.

Мы радуемся тому, что в связи с 60-й годовщиной Великого Октября можем констатировать, что интернациональные и братские связи между народами Чехословакии и Советского Союза сегодня прочны как никогда, и что они неустанно всесторонне развиваются и углубляются...

Из постановления ЦК КПЧ «К 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». «Руде право», 17 III 1977

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Великая Октябрьская революция знаменовала начало современного мирового революционного процесса, основным содержанием которого является переход от капитализма к социализму в мировом масштабе. В ходе развертывания этого процесса через три десятилетия после Великого Октября в странах Центральной и Юго-Восточной Европы утвердилась диктатура пролетариата. За последующее тридцатилетие в этом регионе не только были построены основы социализма, но народы этих стран приступили к строительству развитого социалистического общества. Это был интересный и в высшей мере поучительный путь, анализ которого позволяет выявить его закономерности, обобщить ценный для международного пролетариата богатый опыт борьбы за демократию и социализм в этом регионе.

Как известно, это был регион «второго эшелона» капитализма, где промышленный переворот отодвинулся на вторую половину XIX в. и приблизился к периоду перерастания капитализма в его высшую стадию, где переход к империализму проходил в условиях незавершенности буржуазно-демократических преобразований, где сохранялись значительные пережитки феодализма в экономике и монархическая форма правления в политике, где типичными были многонациональные государства и национальное угнетение.

Объективные предпосылки закономерного наступления пролетарской революции начали складываться в этом регионе с достижением «известной высоты капитализма»¹ в экономическом развитии и с формированием великой силы новой эпохи — современного рабочего класса. Этот процесс шел в более или менее высоких темпах накануне первой мировой войны во всех землях и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В годы войны этим территориям были свойственны как усиление неравномерности развития экономики и ее неустойчивость, так и увеличение эксплуатации рабочего класса, углубление противоречий между трудом и капиталом. Развитие капиталистических отношений было обременено, с одной стороны, наличием значительного груза феодальных пережитков, а с другой — наиболее реакционными тенденциями милитаризации экономики и политики, свойственными воюющим империалистическим державам, в которых особенно быстро развивался общий кризис капитализма.

¹См. «Ленинский сборник XI». М., 1931, с. 397.

Своеобразные объективные условия, свойственные региону, влекли за собой наслаивание разноплановых социально-экономических и политических противоречий. На пути прогрессивного общественного развития ряда наций Центральной и Юго-Восточной Европы мощным препятствием было недемократическое политическое устройство — как Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, так и, хотя в меньшей степени, балканских стран, возникших после освобождения из-под ига оттоманской империи конституционных монархий. Почти везде ведущую роль в политической жизни играли помещики. Конституционные акты, как правило, нарушались в интересах правящей группировки. Демократизация политического режима, связываемая у ряда народов с назревшим требованием национального освобождения, воспринималась массами во всех странах региона как первоочередная задача. Бурно нараставшее крестьянское движение свидетельствовало о необходимости решать аграрный вопрос: почти на всех территориях региона (кроме Болгарии) значительные позиции занимала крупная помещичья собственность, и даже там, где преобладали капиталистические формы ведения хозяйства, сохранялись различные пережитки феодальных форм эксплуатации крестьянина. Всюду, включая Болгарию, крестьянин страдал от земельного голода. Крестьянство было одной из основных движущих сил назревавшего революционного процесса.

Классовые антагонизмы, особенно в деревне, часто переплетались с национальными: борьба за землю, за ликвидацию остатков феодализма одновременно являлась борьбой против господства помещиков угнетающей нации. Хорватского, словенского и боснийского крестьянина угнетал австрийский или венгерский помещик. В Словакии преобладали венгерские магнаты. В польских землях, входивших в состав Германии, помещик был, как правило, немцем. В Чехии значительной частью фольварков владели немцы, в румынских землях — немцы и венгры. На фабриках хозяин и администратор также нередко принадлежали к господствующей нации.

В. И. Ленин учитывал, что все эти назревшие противоречия требовали своего решения. И накануне первой мировой войны, и в ее ходе, и в послеоктябрьский период В. И. Ленин, который призывал последовательно соблюдать марксистский историзм при определении объективных задач, а также при выработке и оценке программ и стратегии рабочих партий², неуклонно выделял этот регион. Он неоднократно указывал, что в силу действия закона неравномерности развития капитализма здесь на первое место выдвигаются демократические задачи, задачи «довершения... буржуазно-демократического преобразования», свержения национального гнета³, решение которых также является составной частью превращения войны империалистической в войну гражданскую⁴. Он подчеркивал, что революционный процесс в этой части Европы будет развиваться сложнее и многоступенчатее, что здесь подход к социалистической революции лежит через необходимость решать в первую очередь задачи демократических преобразований, установления республиканского строя, завоевания политических свобод, национального освобождения и т. д.

В 1916 г. Ленин, представляя себе грядущее развертывание революционного процесса, писал: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариа-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 283; т. 27, с. 260—261; т. 30, с. 88, 111.

⁴ Именно так разъяснялся лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую» на конференции заграничных секций РСДРП, созванной ЦК 14(27) февраля 1915 г. в Берне. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 163.

та с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁵. Указывая, что эпоха империализма «необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии», он отмечал «возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата *против* буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн и т. д.»⁶.

Рабочие партии, по мысли В. И. Ленина, при выработке своего политического курса должны были диалектически исходить из тщательного учета сочетания разных задач, при всей его сложности. Нацеливая на разрешение назревших противоречий, В. И. Ленин вместе с тем всегда призывал учиться у К. Маркса, владевшего умением «нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач», «звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач...»⁷. В новую эпоху этот класс, стоявший накануне реализации своей исторической миссии, должен был последовательно отстаивать свою классовую линию, свою авангардную роль в любом массовом народном движении, в том числе и в назревавших национально-освободительных, демократических революциях. Поэтому Ленин подчеркивал, составляя в январе-феврале 1916 г. для Циммервальдского объединения тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», что непосредственные задачи пролетариата в интересующем нас регионе — национальные (в деле довершения его буржуазно-демократического преобразования) и интернациональные («в деле помощи социалистической революции других стран») — «не могут быть выполнены без отстаивания права наций на самоопределение»⁸. Революционное решение всех этих проблем, развязывание исторической инициативы народных масс, имеющей, по словам В. И. Ленина, и в буржуазной революции огромное значение «для социалистического движения вперед»⁹, коренным образом улучшало условия борьбы пролетариата за реализацию его классовых целей.

Война значительно усилила остроту социальных и национальных конфликтов; военные действия и оккупация территорий противником, реквизиции и террор увеличили хозяйственные трудности. Последний год войны принес с собой голод.

Во всех частях региона складывалась революционная ситуация. Все неукротимее бил живой источник революционной энергии народов. В выступлениях масс, значительно активизировавшихся на заключительном этапе первой мировой войны, протесты против голода (часто принимавшие форму голодных бунтов и демонстраций) сочетались с требованием положить конец милитаризации экономики и ликвидировать связанные с ней формы эксплуатации, а борьба за национальное освобождение приобрела особую напряженность из-за необходимости бороться не только против прежних угнетателей, нередко еще более усугублявших национальный гнет в условиях разгула социал-шовинизма, но и против оккупантов, вновь аннектировавших ряд территорий и использовавших их для выкачивания всех возможных ресурсов для обеспечения своих военных нужд. Все очевиднее становились объективная подготовленность,

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 112.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 134—135.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 374, 375.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260—261.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 374, 377.

необходимость и неизбежность революционного разрешения накопившихся противоречий и общественных антагонизмов. Назревали народные революции — выражение потребностей прогрессивного общественного развития. На всех территориях региона были налицо в 1917 г. все основные признаки революционной ситуации — в обстановке обострения выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов по-старому не хотели жить низы и не могли жить верхи; значительное повышение активности масс, их «экстраординарная активность»¹⁰ были повсеместными.

В. И. Ленин относил значительное повышение активности масс, ее нарастание как признак революционной ситуации к объективным изменениям, не зависящим «не только от воли отдельных групп и партий, но и отдельных классов»¹¹. И в то же время он отнюдь не считал эту экстраординарную активность выражающейся лишь в количественных показателях, а по содержанию — безликой. Он полагал, что она несет в себе в зародыше конкретное решение определенных объективных исторических задач — разумеется, в потенции, а политически оформленная, она превращается в составную часть субъективного фактора, в «способность революционного класса на революционные массовые действия...»¹².

В. И. Ленин выделял по степени зрелости различные типы психологической реакции масс — психологию отчаяния, психологию ненависти к врагу и, наконец, психологию ненависти к капитализму «не только вообще, но к *своему* правительству и буржуазии»¹³. Этот тип психологии еще не был свойствен в 1917—1918 гг. большинству трудящихся Центральной и Юго-Восточной Европы, что было связано с характером объективных задач, разрешаемых на этих территориях и со степенью зрелости рабочего класса. Указывая на эту особенность исторического развития, В. И. Ленин в 1916 г. подчеркивал, что «на всем востоке Европы», как правило, «есть еще *объективно* общенациональные задачи, именно задачи *демократические*, задачи *свержения чужденационального гнета*» и поэтому в ходе развития революционного процесса неизбежно «„действие“ национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации»¹⁴. Собственно, в этом регионе и кризис верхов, как правило, был кризисом правления трех империалистических монархий — национальных угнетателей и оккупантов, а собственные имущие классы в большинстве случаев по-настоящему и правящими еще не были.

Основные черты революционных ситуаций, сложившихся в условиях мировой империалистической войны в различных частях региона, были близки и сходны, революционные перспективы взаимосвязаны. Разумеется, неверно было бы отождествлять эти революционные ситуации между собой, а также с революционными ситуациями в других частях тех же самых многонациональных государств. Они возникли одновременно или хронологически сближенно и взаимовлияли друг на друга, хотя определенные различия в уровне и темпах экономического, политического и культурного развития, в исторических традициях, в расстановке классовых сил и т. п., т. е. и в объективных задачах и в мощности демократического движения, в интенсивности национально-освободительного движения, ус-

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218, 379.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218—219.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 379.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 111—114.

ловиях и уровне классовой борьбы, т. е. в степени активизации масс, сохранялись¹⁵. Иное географическое положение, перемещение линии фронта, характер нового режима, военные условия нередко определяли существенную разницу в темпах развития революционных ситуаций. Например, после Февральской революции, решившей ряд буржуазно-демократических задач, прошло более полутора лет, пока в результате Октябрьской революции появилась возможность решать аналогичные задачи в польских землях, входивших до этого в состав Российской империи и оккупированных австро-германскими войсками. Другой пример. Трудящимся Австрии не надо было бороться за свое национальное освобождение. Иначе обстояло дело в Чехии, в Словакии. Свою специфику имела эта задача в Венгрии, где национальное угнетение никогда не приобрело таких резких форм, или в Финляндии, где национальный гнет был ликвидирован особенно быстро, поскольку это в большей мере зависело от внешней политики революционной России.

Назревание тех или иных объективных факторов не было синхронным. Не было синхронным и решение задач. От взаимоотношения различных революционных потоков зависело и дальнейшее развитие революции.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала решающей предпосылкой и создала самые благоприятные условия для развертывания исторической инициативы масс — прежде всего для успеха национально-освободительных и демократических движений в большинстве земель Центральной и Юго-Восточной Европы. В. И. Ленин, предвидя возникновение «революционных национальных войн» на заключительном этапе первой мировой войны «со стороны маленьких (аннектированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав», полагал, что они развернутся «на востоке Европы» «в большем масштабе», и указывал на те обстоятельства, которые могут им благоприятствовать: «При условии сильного истощения „великих“ держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные»¹⁶. Подчеркивая, что «национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны...*», В. И. Ленин указывал: «...для *успеха* их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран..., либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства империалистских держав их обесилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)»¹⁷. Таким образом, Ленин достаточно точно предвидел развитие последующих событий в исследуемом регионе. После победы Великого Октября сложилось именно это самое благоприятное сочетание условий, и в создании ряда новых национальных государств свою роль сыграли названные В. И. Лениным факторы.

Революционный процесс в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы вступил в фазу непосредственного решения назревших объективно-исторических задач на заключительном этапе первой мировой войны, а в большинстве этих земель — в момент ее завершения, испытывая

¹⁵ См. И. С. М и л л е р. О некоторых вопросах, связанных с понятием «революционная ситуация». В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971.

¹⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6, 8.

¹⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 9.

на себе мощное влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Революционный подъем, наступивший в этом регионе Европы сразу после Великого Октября и под его могучим воздействием, был выражением значительного усиления антиимпериалистической борьбы народных масс. Борьба за прекращение войны, за демократический мир, добитая которого без ломки существующего порядка было невозможно, сочеталась с борьбой за национальную независимость, демократизацию политического строя и экономики, за улучшение положения трудящихся.

Первый удар по обеим воюющим империалистическим группировкам нанес болгарский народ. В разгар отступления на Салоникском фронте 22 сентября 1918 г. 30 тысяч солдат болгарской армии, понявших, что кровавая и грабительская война, в которую их втянул ненавистный представитель немецкой династии Фердинанд Кобург, — не их война, повернули штыки против своих командиров. Они двинулись маршем на Софию, требуя наказать прежних правителей и установить в стране республику. Массовое солдатское восстание (часто именуемое Владайским) вместе с разгромом армии привело к выходу Болгарии из австро-германской коалиции и из войны. Империалистический фронт треснул еще в одном месте. Получив первые известия о грандиозной стихийной попытке болгарских солдат превратить империалистическую войну в войну гражданскую, ВЦИК 30 сентября направил приветственную телеграмму руководству Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков)¹⁸.

Однако развитие в Болгарии революционной ситуации было приостановлено. Объединившиеся силы обеих воюющих группировок помогли правительству жестоко расправиться с восставшими. Попытка объявить страну 27 сентября республикой не увенчалась успехом, хотя это требование повсеместно выдвигалось широкими массами болгарского народа в борьбе против автократического царского режима, не считавшегося с конституцией страны и ее парламентским строем. Временным выходом из политического кризиса было отречение Фердинанда в пользу своего сына, Бориса III. Но и фактически оккупированная по перемирию войсками Антанты страна, революционизируя эти войска, наносила удар «колоссу англо-американского империализма»¹⁹.

Важной составной частью революционного подъема в странах Центральной и Юго-Восточной Европы была борьба масс австро-венгерской монархии, приведшая к ее распаду в результате крайнего обострения классовых и национальных противоречий, связанного с развертыванием общего кризиса капитализма. С 1917 г. империю потрясли голодные волнения и демонстрации, множились антивоенные выступления, быстро активизировал стачечную борьбу рабочий класс, за национальное освобождение энергично выступали многочисленные угнетенные нации «лоскутной монархии». Под благотворным воздействием Великого Октября народные массы в течение 1918 г. созрели для решения объективно-исторических задач. Реализуя в условиях нарастания революционного подъема свое право на самоопределение, югославянские нации еще с лета 1918 г. начали создавать временные органы власти — «народные вече». 29 октября 1918 г. было провозглашено основание Государства словенцев, хорватов и сербов, верховной властью в котором стало образованное 6 октября в Загребе центральное народное вече. Сочетавшаяся со значительным ростом активности выступлений трудящихся за национальные права

¹⁸ «Известия ВЦИК», 3 X 1918. См. также: М. А. Б и р м а н. Отклики в советской печати на Владайское восстание в Болгарии осенью 1918 г. В кн. Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София, 1967.

¹⁹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, с. 160.

и осуществление социальных требований (прежде всего с революционной борьбой крестьянства за землю)²⁰ напряженная внутривнутриполитическая борьба в обстановке оккупации войсками Антанты целого ряда охваченных освободительным движением территорий и угрозы итальянской агрессии завершилась 1 декабря объединением югославских земель под эгидой монархической Сербии. Новое государство получило название Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия).

Важным этапом освободительной борьбы чешского народа стала октябрьская всеобщая политическая стачка 1918 г. Для руководства ею был создан Комитет действия. В проект резолюции митингов трудящихся было внесено требование создания Чехословацкой республики. Войска и полиция подавили выступление рабочих. Однако именно революционное движение оказало решающее воздействие на национальное освобождение и оформление Чехословацкой республики.

28 октября под напором масс Национальный комитет, состоявший из представителей буржуазных партий и социалистов, объявил Чехословакию самостоятельным государством. 14 ноября Временное национальное собрание провозгласило Чехословакию республикой.

Мощное освободительное движение охватило осенью 1918 г. польские земли. Польский народ требовал освобождения и объединения всех своих земель. Провозглашенный Октябрьской революцией лозунг реализации права наций на самоопределение оказал большое влияние на активизацию борьбы польского народа, как и других угнетенных народов региона.

В последние дни октября 1918 г. началось разоружение австрийских солдат. В борьбе «за свободу и независимость» на первое место выдвигался пролетариат²¹. На волне революционно-освободительного движения в ночь на 7 ноября в Люблине было создано «Временное народное правительство» из представителей реформистских партий, без участия революционных партий польского пролетариата. Оно объявило о создании польского государства и проведении широких демократических преобразований. Авангард пролетариата начал создавать органы борьбы за интересы своего класса — Советы рабочих депутатов. Вскоре оккупационный режим перестал существовать.

Принимавшая вместе с Сербией участие в войне на стороне Антанты Румыния, значительную часть которой оккупировали войска Германии и Австро-Венгрии, в осенние месяцы 1918 г. оказалась в особенно тяжелом экономическом положении. Это способствовало росту освободительного движения. В период развала Австро-Венгрии и Ноябрьской революции в Германии бунты румынских матросов, борьба крестьян за землю, массовые забастовки знаменовали развертывание в стране революционной борьбы. Разрешение национальных и социальных задач переплеталось.

Самыми зрелыми классовые противоречия были в Венгрии, где более половины населения принадлежало к пролетариату (вместе с сельскохозяйственным) и где национальный вопрос имел относительно меньшую остроту, что отражалось на сравнительно узком распространении солидаристских концепций среди широких слоев трудящихся.

Рабочий класс Венгрии с января 1918 г., когда он выступил под лозунгом солидарности с программой демократического мира, предложенной Советским правительством, и создал первые Советы рабочих депутатов, наращивал темпы наступления на реакционный режим габсбургской монархии. Ее распад в октябре 1918 г. венгерские трудящиеся, вдохнов-

²⁰ В Хорватии, Словении и Боснии это была борьба против господства австрийских и венгерских помещиков.

²¹ Rewolucja Październikowa a Polska. Warszawa, 1967, s. 73.

ленные примером героической борьбы пролетариата России, встретили солдатскими восстаниями, демонстрациями и митингами с требованием низвержения старого режима, немедленного прекращения войны и объявления республики. Всеобщая стачка, захват оставшими трудящимися важнейших опорных пунктов в Будапеште привели к приходу в стране к власти правительства из представителей либеральной буржуазии, которому пришлось, не дожидаясь решения вопроса о республике Учредительным собранием, провозгласить ее 16 ноября 1918 г.

В то время как буржуазия была озабочена обузданием продолжавшегося революционного подъема и занята внутренней борьбой проанглийской и профранцузской группировок, рабочий класс боролся за продолжение демократических преобразований, сокращение рабочего дня, разрешение вопросов улучшения социального положения и т. д.

Таким образом, национально-освободительные, демократические революции в Австро-Венгрии и в целом на Востоке и Юго-Востоке Европы смели реакционные режимы, способствовали демократизации политического строя. Рабочий класс был авангардом национально-освободительного движения и одной из основных движущих сил национально-освободительных революций. Он играл в них особо активную роль, ибо в условиях империализма такая роль выпала именно этому классу. Он был самым последовательным борцом за интересы всех трудящихся уже на этом этапе революционной борьбы и объективно расчищал почву для дальнейшего развития борьбы классово, хотя вначале ему не хватало силы и организованности. Передовые представители рабочего класса все решительнее стремились к социализму.

В годы первой мировой войны полностью проявилась объективная неравномерность развития рабочего движения. В течение предшествующего ряда лет рабочее движение в этих землях было достаточно мощным и добивалось немалых успехов. В момент острого усиления противоречий империализма, в период мировой войны эти земли стали ареной военных действий, оккупации, принудительного вывоза рабочей силы, застоя и разрухи в промышленности. Результатом этого явилось распыление пролетариата, резкий спад рабочего движения. Рабочий класс, который почти во всем регионе был относительно немногочисленным, более всего пострадал от военной разрухи, безработицы и голода. Тот географический фактор, который В. И. Ленин называл в числе благоприятствующих условий победы Великой Октябрьской социалистической революции (возможность готовить пролетариат, революционную пролетарскую армию в тылах), в условиях существования в этих землях постоянной «фронтальной полосы» или оккупационного режима значительно тормозил развитие рабочего движения.

Сплочение пролетариата как класса также замедлялось вследствие решения общенациональных задач по свержению империалистического ига. В. И. Ленин подчеркивал в 1916 г., что это, естественно, затрудняет развитие пролетарского классового сознания пролетариата, ибо только там, где национальный вопрос давно решен, «возможно *теперь* же „взорвать“ национальную общность, установить общность классовую»²². Решение общенациональных задач создавало благодатную почву для укоренения настроений классового солидаризма, влияния социал-реформистов. Война способствовала внесению в рабочий класс элементов шовинизма, национализма, определенному попятному движению его классового сознания. Это мешало сплачиванию рядов рабочего класса, затрудняло деятельность пролетарского авангарда. В Австро-Венгрии, например,

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 411.

пролетариат был движущей силой буржуазно-демократической революции, «однако, руководимый социал-реформистами, он не смог стать ее гегемоном...»²³, как не стал гегемоном в национально-освободительных, демократических революциях и в других землях региона.

На любом этапе развития революционного движения в 1917 г. ни одна страна так не наращивала его темпов, как Россия, ни одна пролетарская партия не достигла такого органического сочетания революционной теории с практикой, которое обогащает как теорию, так и практику, как ленинская. Марксистская теоретическая мысль в странах Центральной и Юго-Восточной Европы хотя и разработала ряд верных подходов к проблеме развития мирового революционного процесса, не смогла оформить их в цельную научную идейно-политическую концепцию в программных документах партий, быстро выработать ясную и четкую политическую линию, хотя авангард пролетариата в польских, болгарских, сербских землях принадлежал к лучшим, революционным силам международного рабочего движения. Вместе с тем важно отметить, что именно из этого региона вышла значительная часть левого крыла международного социалистического движения, входившего в Циммервальдское объединение. Эти силы в годы войны не изменили решениям Штутгартского конгресса о развертывании революционной активности пролетариата, об использовании порождаемого войной экономического и политического кризиса для ускорения свержения буржуазии.

Левое крыло польского рабочего движения с начала войны взяло курс на превращение войны империалистической в революционную борьбу пролетариата. Означает ли это, что речь всегда шла о непосредственно пролетарской революции? В документах партий этого крыла мы находим наряду с лозунгом-перспективой социалистической (социальной) революции лозунги «социальных завоеваний, полной демократии, национальной свободы», свержения «теперешних правительств (т. е. царского правительства, правителей Австро-Венгрии и кайзеровской Германии. — *И. Я.*) и организации вместо них правительств народных»²⁴. В воззвании Межпартийного рабочего совета от 22 августа 1914 г. наряду с лозунгом пролетарской революции как перспективы было сформулировано требование создания народно-республиканского правительства²⁵, что было созвучно ленинской постановке вопроса о необходимости выдвижения революционной социал-демократией лозунга «республики немецкой, польской, русской и т. д. ...»²⁶. В резолюции совещания редакции социал-демократической «Газеты работничей» (июнь 1915 г.) отмечалось, что перспектива социалистической революции не исключает борьбы за демократизацию политической жизни. Таким образом, в стратегических установках польских революционеров прослеживается представление об этапности назревавшего революционного процесса — и конкретно о демократическом этапе, о решении задач, не решенных в 1905 г. Там же, где революционеры пытались схематизировать, упростить, «спрямить» революционный процесс в своих землях, недооценивали важность решения национального вопроса, задачу проведения демократических преобразований, В. И. Ленин подправлял их позицию, как это было, например, с представителями польских социал-демократов во время работы VII (Апрельской) конференции РСДРП.

²³ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, с. 40.

²⁴ «Sojaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy». Materiały i dokumenty, t. 2. М., 1936, s. 78—79.

²⁵ Ibid., s. 8.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 6.

Последовательными интернационалистами проявили себя левые сербские социал-демократы, неуклонно выступавшие против захватнической политики империалистических держав, за демократический мир, за укрепление циммервальдского движения. Особенно усилилось левое течение в Хорватии²⁷. В связи с празднованием 1 мая 1918 г. Социал-демократическая партия Хорватии записала в резолюции, что пролетариат выступает за демократический мир и «самостоятельное, свободное и независимое государство», за неотложную демократизацию политической жизни. «Вторым главным постулатом всеобщего мира он считает переход от капиталистического общества к обществу социалистическому». Резолюция ориентировала на «победу социализма в Европе»²⁸.

Болгарские тесняки также ждали в годы войны мощного развертывания мирового революционного движения. Д. Благоев еще в начале войны писал: «После общей войны идет общая революция в Европе. Более того, в разгар войны мы можем ожидать революции»²⁹. Он полагал, что революция начнется в России, как и в 1905 г., и что она «может привести к революции в других европейских странах»³⁰. Будучи последовательными сторонниками пролетарской революции, тесняки связывали с развитием этой революции в Европе разрешение различных противоречий на Балканах, установление прочного мира и создание Балканской федеративной республики (т. е. демократизации политической власти, избавления от остатков феодализма)³¹. Стратегия тесняков в этот период не ориентировалась на непосредственную подготовку пролетарской революции в своей стране.

Неясность темпов и перспектив развертывания революционного процесса в каждой стране в годы войны, усложненная расстановка классовых и политических сил, объективно обусловленная слабость и недостаточная организованность рабочего класса, некоторое снижение уровня его сознания, и особенно отсутствие у революционных марксистов собственного политического опыта, умения и возможностей работать в широких массах были серьезным препятствием на пути их политической активизации.

В ходе начатого Великой Октябрьской революцией мирового революционного процесса, а особенно после поражения центральных держав, развала австро-венгерской монархии, Ноябрьской революции в Германии и создания национальных государств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, революционное движение в этих странах ширилось и углублялось. Резко возросла активность рабочего класса как важнейший фактор дальнейшего развития революции. Революционный авангард, вдохновленный примером рабочего класса России, взял курс на ускорение объединения пролетариата под его классовыми знаменами, уточняя программные и стратегические установки, получая боевую политическую закалку в гуще масс. Великая Октябрьская революция способствовала мощному росту пролетарского движения, и, ускорив обострение и обнажение классовых антагонизмов, в известной степени нивелировала различия в его уровне. В. И. Ленин считал восстание «пролетариата одной из крупных держав против буржуазии» (таким восстанием стала Октябрьская революция) решающим событием, открывающим дальнейшие перспективы для развития революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, «первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролета-

²⁷ С. Дмитриевич. Великий Октябрь и революционное движение на югославских территориях (1918—1920 гг.). В кн. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968, с. 476.

²⁸ Ф. Чулипович. Отклики Октября в югославских землях. М., 1967, с. 49.

²⁹ Д. Благоев. Соч., т. 16, с. 401.

³⁰ Д. Благоев. Соч., т. 16, с. 493—494.

³¹ «История Болгарской коммунистической партии», М., 1971, с. 178.

риата»³². Она способствовала взрыву активности самых различных слоев рабочего класса, показала ему новые средства и методы, а также перспективы борьбы. Однако использование ее опыта, сила воздействия зависели от состояния рабочего класса и уровня его борьбы в каждой стране, от способности и готовности перенять в тот момент этот опыт. Сила воздействия Великой Октябрьской социалистической революции на революционную борьбу трудящихся Центральной и Юго-Восточной Европы была обусловлена глубиной внутренних противоречий, накалом революционного движения и зрелостью пролетарского авангарда, широтой соприкосновения с революционной Россией.

В условиях завершающего этапа первой мировой войны многие тысячи трудящихся из всех земель региона оказались на территории бывшей Российской империи. Значительная их часть в той или иной мере приобщилась к революционной борьбе. Интернационалисты — поляки, венгры, югославы, чехи и другие — вернувшись на родину, стали проводниками революционных идей и опыта Великого Октября. Их деятельность стала существенным компонентом революционного подъема 1918—1921 гг. Они внесли большой вклад в дальнейшее развертывание революционной инициативы своих народов, в сплочение и активизацию рабочего класса, в создание коммунистических партий и выработку их политической линии.

Благотворное влияние Великой Октябрьской революции сказалось и на тех трудящихся (преимущественно военнопленных и беженцах), которые не принимали в Советской России непосредственного участия в революционных событиях. Для этих слоев был характерен значительный рост настроений протеста против угнетателей, освобождение от социальных иллюзий, которые связывались с восстановлением национальной государственности, с демократическими реформами и т. д. Многие представители этих слоев на родине влились в ряды участников рабочего и крестьянского движения.

В целом, соприкосновение трудящихся Центральной и Юго-Восточной Европы с революционной Россией оказало существенное и разностороннее воздействие на развитие революционного процесса в этих странах, было мощным стимулом, ускорившим развитие борьбы народных масс за свое социальное и национальное освобождение. В ряде стран крепло массовое движение по созданию Советов рабочих и солдатских депутатов, создавались рабочие комитеты, фабзавкомы, домкомы, революционно настроенные рабочие образовали отряды Красной Гвардии, помогавшие отстаивать их социальные завоевания. Всюду шел, хотя и различными темпами, процесс классового самоопределения пролетариата, создававший условия для перерастания демократической революции в революцию социалистическую. А для такого перерастания, как подчеркивал В. И. Ленин, была необходима сила сознательного и организованного пролетариата³³. Самоопределение пролетариата было непременным условием реализации той закономерности социалистической революции, какой является создание, оформление и созревание марксистской партии нового типа³⁴. В. И. Ленин говорил, что для готовности широких масс трудящихся и угнетенных к практическому революционному действию «нужен собственный политический опыт масс. Таков основной закон всех великих революций...»³⁵. Поэтому, подчеркивал он,

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 9.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 222.

³⁴ См. М. А. Селезнев. Социальная революция. М., 1971, с. 234—235.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 78—79.

важно ускорять не революцию, а подготовку к революции, в первую очередь пролетариата³⁶.

20 ноября 1918 г. революционный авангард венгерского рабочего класса — левые социал-демократы вместе с вернувшимися из Советской России бывшими военнопленными, входившими в состав венгерской группы РКП (б), создали Коммунистическую партию Венгрии. Тем самым у венгерского рабочего класса, у всех трудящихся Венгрии появился тот политический руководитель, который наметил курс на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Позиции коммунистической партии были очень сильными на промышленных предприятиях Будапешта и в районе Шалготаряна, где не только был введен рабочий контроль, но ряд предприятий непосредственно перешел в январе 1919 г. под управление рабочих. Росло влияние КПВ и в деревне, где проходили массовые волнения. В ряде мест крестьяне начали захватывать помещичьи земли. Несмотря на репрессии, в марте 1919 г. коммунисты имели за собой большинство в рабочих, крестьянских и солдатских Советах, в значительной части национальных Советов. В ряде мест власть перешла в руки Советов. В. И. Ленин особо подчеркивал успехи системы Советов в венгерской деревне³⁷. 19 марта 1919 г. в докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б) он отмечал, что венгерская революция нарастает — «и очень быстро»³⁸.

На следующий день — 20 марта — венгерское правительство отказалось от власти. Толчком послужил ультиматум Верховного совета Антанты, ущемлявший суверенитет молодого венгерского государства. Венгрии предлагалось пропускать через свою территорию воинские части как держав Антанты, так и их союзников для участия в антисоветской интервенции. Выполнение таких условий не могло не вызвать взрыва негодования патриотически настроенных широких слоев населения Венгрии и решительного противодействия значительной части трудящихся, выступавших в защиту Страны Советов.

21 марта 1919 г., когда вооруженные рабочие и солдаты во главе с руководящими деятелями ЦК КПВ заняли столицу, социал-демократы, которым было предложено сформировать новый кабинет, провели переговоры с руководством КПВ и вынуждены были согласиться на принятие программы действия коммунистов и сотрудничество на платформе устанавливаемой в стране диктатуры пролетариата. В этот день в Венгрии была мирно провозглашена Советская республика и сформировано Советское правительство. В. И. Ленин придавал особое значение опыту венгерского пролетариата в установлении диктатуры пролетариата мирным путем³⁹.

Революционная власть провозгласила, а затем начала проводить в жизнь коренные преобразования — национализацию промышленности, банков и транспорта, социализацию крупных поместий, введение 8-часового рабочего дня, социального обеспечения и т. д. Все эти преобразования требовали последовательного проведения зрелой политики, такой политики, которая неуклонно укрепляла бы политическую армию пролетарской революции. И если В. И. Ленин придерживался принципа: «Революция — локомотивы истории. Разогнать локомотив и удержать его на рельсах»⁴⁰, то венгерским коммунистам это не всегда и не во всем

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 188; «Ленинский сборник XXXVII», с. 224.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 508.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 163.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 262.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.

удавалось. Они национализировали даже самые мелкие предприятия, в том числе в области торговли, что вызвало определенные экономические и политические затруднения. В. И. Ленин упорно подсказывал необходимость не отрываться от масс, дать трудящимся максимум, показать им преимущества нового строя⁴¹. Возникший союз рабочего класса и крестьянства не получил новой прочной базы из-за того, что конфискованная у помещиков земля была передана в крупные государственные хозяйства и надежды крестьянства на получение земли не оправдались⁴².

Однако главным просчетом венгерских коммунистов было согласие на объединение с социал-демократической партией в единую Социалистическую партию Венгрии. Правых социал-демократов изолировать, что предполагал Бела Кун, не удалось, и они наносили революции большой урон на различных постах в партийном и государственном аппарате. Они укрепили свои позиции во время выборов в Советы в апреле, выступая от имени партии в целом; заняли существенные позиции в армии. Последствия этого не преминули сказаться в самом скором времени, когда Антанта начала интервенцию. Несмотря на упорное и успешное сопротивление Венгерской Красной Армии, продвинувшейся на территорию Словакии и создавшей условия для образования Словацкой Советской республики, социал-демократическое большинство на конференции Социалистической партии стало под давлением Антанты призывать к капитуляции, к отводу войск с северного фронта. На съезде Советов в июне 1919 г. социал-демократы, вопреки голосам коммунистов, форсировали решение о выходе советского правительства в отставку и передаче власти правительству, составленному из деятелей профсоюзов. Это правительство, сформированное 1 июля 1919 г., через 6 дней было заменено диктатурой хортистов, потопившей в крови революционную Венгрию и отбросившей венгерский пролетариат на много лет назад. В. И. Ленин указывал, что международное рабочее движение должно сделать самые серьезные выводы из результатов объединения коммунистов с социалистами в Венгрии: «Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату»⁴³.

Хотя присутствие войск Антанты сковывало активность трудящихся Болгарии, они продолжали борьбу. Авангардная роль в революционном движении с конца 1918 г. перешла к пролетариату, особенно после демобилизации его значительной части из армии. Революционная активность рабочих быстро нарастала, несмотря на то, что оккупационные войска вмешивались в стачечную борьбу, закрывали рабочие клубы и др.

В 1919 г. стачечное движение продолжало нарастать. За этот год в стачках участвовало в два раза больше рабочих, чем за десять предвоенных лет. Власти неоднократно бросали против рабочих полицию и войска, но подъем движения остановить не удавалось. Предприниматели вынуждены были, как правило, уступать рабочим, тем более, что последние научились объединять свои усилия. 1 мая 1919 г. в стране впервые была проведена всеобщая стачка. Летом удалось добиться введения закона о 8-часовом рабочем дне.

⁴¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 385—386.

⁴² См. Т. Х а й д у, А. Ш и к л о ш. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Венгрию. В кн. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, с. 142—143, 155.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 205. См. также А. И. П у ш к а ш. В. И. Ленин и образование Коммунистической партии Венгрии. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.

Образованная в мае 1919 г. Болгарская коммунистическая партия (тесных социалистов)⁴⁴ стремилась придать выступлениям пролетариата политический характер. С этой целью весной и летом 1919 г. неоднократно проводились политические демонстрации. 1 мая в Софии демонстранты несли лозунги: «Да здравствует пролетарская революция!», «Долой власть капитала!», «Вся власть в руки трудящихся!». В июле переход пролетариата к политическим стачкам стал фактом. Накануне парламентских выборов коммунисты назначили повсеместную мирную политическую демонстрацию под лозунгами партии. Несмотря на то, что все крупнейшие города страны были наводнены армией и нарядами полиции, большая часть сознательного пролетариата вышла на улицы и участвовала в многотысячных митингах. Лозунги, выставленные в соответствии с предвыборной программой партии, гласили: «Хлеба, жилища, работы!», «Уничтожение военного положения и цензуры!», «Рабочий контроль над фабриками!», «Социализация банков, промышленных заведений и крупного землевладения!». Партия выдвинула и лозунг-перспективу — установление диктатуры рабочих и малоимущих». Однако новый подъем стачечного движения, охвативший осенью 1919 г. большее число предприятий и втянувший новые слои пролетариата, проходил в условиях отлива борьбы других слоев трудящихся. Предприниматели теперь были менее склонны на уступки. Текстильные фабриканты Сливена и владельцы табачных предприятий Хасково объявили локаут.

В декабре отсутствие правильной политики в отношении рабоче-крестьянского союза придало событиям трагический оборот. Правое крыло Земледельческого союза, искусно подталкиваемое буржуазной реакцией и сеющее кулацкие идеи насчет бастующих рабочих — «лен-тяев», якобы объедающих крестьянство и создающих условия для оккупации Болгарии соседними государствами, направило сельскую бедноту в города, чтобы сломить вспыхнувшую 25 декабря стачку транспортников. Были созданы специальные вооруженные отряды из крестьян — «оранжевая гвардия». Когда 29 декабря была объявлена трехдневная всеобщая стачка солидарности, охватившая подавляющее большинство болгарских пролетариев, эти отряды вместе с полицией участвовали в кровавых столкновениях с рабочими.

Только в Софии власти располагали помощью 10 тыс. «оранжево-гвардейцев». Против бастующих были выставлены солдаты. Прямую поддержку полиции оказывали отряды солдат оккупационной армии. В этих условиях БКП призвала прекратить перераставшую в восстание стачку солидарности. Восстание не имело перспектив на успех. Острый кризис грозил вылиться в братоубийственную войну трудящихся и разгул международной контрреволюции. 19 февраля 1920 г. железнодорожники и почтовики вынуждены были прекратить борьбу. Около 10 тыс. забастовщиков были избиты и арестованы. Во многих городах работали военно-полевые суды⁴⁵.

Поражение стачки знаменовало конец революционного кризиса 1918—1919 гг. в Болгарии. Пролетариат «был еще не в силах обеспечить победоносный революционный выход из революционного кризиса». На всех этапах борьбы он действовал «недостаточно активно, сплоченно и дружно»⁴⁶. Он пока набирал необходимый опыт, чтобы научиться побеждать в будущем.

⁴⁴ Подробнее см. М. А. Б и р м а н. Ленинизм и преобразование Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в БКП. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий. . . .

⁴⁵ См. Р. А в р а м о в. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Болгарии. М., 1967, с. 58—60.

⁴⁶ М. А. Б и р м а н. Революционная ситуация. . . , с. 370, 378.

В первые месяцы существования Королевства сербов, хорватов и словенцев пролетарское движение шло по восходящей линии: нарастал накал борьбы, учащались классовые столкновения, в которые вовлекались все новые слои рабочих. Однако их выступления носили локальный характер.

В течение 1919 г. рабочий класс югославских земель восстанавливал распавшиеся в годы войны профсоюзные и социал-демократические организации. В апреле была создана единая Социалистическая рабочая партия (коммунистов). Рабочий класс усилил стачечную борьбу и добился 8-часового рабочего дня, заключения коллективных договоров, легализации профсоюзов и других общественных организаций, повышения заработной платы, ряда социальных уступок. В июле были проведены массовые митинги, а в ряде городов — забастовки в защиту Советской России и революционной Венгрии. Участие в интервенции против Советской Венгрии, планировавшееся королем Александром, было сорвано. Однако помощь Антанты позволила правительству развернуть наступление на рабочих. К концу 1919 г. рабочий класс потерял почти все свои завоевания.

Несмотря на репрессии, вплоть до расстрела участников рабочих выступлений, весной 1920 г. стачки и демонстрации охватили почти все рабочие центры. Когда к стачке транспортников присоединились рабочие других профессий, число бастующих достигло почти 50 тыс. человек. Всего в 1920 г. было проведено около 600 стачек с участием свыше 200 тыс. рабочих. Стачечная борьба приобрела качественно новую черту — рабочие широко включались в политическую борьбу. На предприятиях Белграда в январе был выдвинут лозунг «Власть Советам!». Горняки города Тербовля провозгласили Советскую республику и держались три дня.

Однако рабочий класс не смог прочно сплотить свои ряды, действовать достаточно зрело и организованно, быстро преодолеть «детскую болезнь левизны»⁴⁷. Не произошло и объединения его усилий с крестьянским движением.

В Румынии в ноябре 1918 г. германскую армию сменили войска Антанты. Деятельница румынского рабочего движения Е. Арборе-Рале писала впоследствии об этом периоде: «После ухода немецких войск фактически в течение двух недель столица Румынии оставалась без всякой власти, — и если бы пролетариат Румынии был в достаточной степени сознателен и если бы рабочие были в достаточной степени организованы, они без всякого труда могли бы захватить власть в свои руки и провозгласить диктатуру пролетариата»⁴⁸. Однако рабочий класс, который был наиболее активной силой революционного процесса и приступил к созданию на предприятиях рабочих советов (типа фабзавкомов), а в Бухаресте — даже отрядов рабочей гвардии, в тот момент еще «не был достаточно организован и зрел. Он не сумел воспользоваться обстановкой „безвластия“»⁴⁹.

В декабре, когда королевская семья вернулась в Бухарест, по стране прокатились массовые демонстрации и митинги, на которых массы скандировали: «Да здравствует республика!». Рабочие многих фабрик и заводов были ударной силой революционного подъема — стачки распространялись с одного предприятия на другое. 13(26) декабря у здания национального театра в Бухаресте состоялась массовая демонстрация. Собравшиеся требовали 8-часового рабочего дня, передачи земли крестьянам, ликвидации осадного положения. Провозглашались здравицы в

⁴⁷ См. С. Дмитриевич. Там же, с. 407.

⁴⁸ Цит. по «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, с. 38.

⁴⁹ Там же.

честь революции в России. Демонстрация была расстреляна войсками. Белый террор распространился на всю страну. Однако румынские трудящиеся не прекратили борьбы за демократизацию страны.

Новый подъем революционного движения весной 1919 г. проходил при самом активном участии рабочего класса, продолжавшего борьбу за 8-часовой рабочий день, гарантированный минимум зарплаты, а в ряде случаев и за признание рабочих комитетов на предприятиях. В июне бастовали 20 тыс. железнодорожников. Столько же рабочих охватила 2 июля всеобщая стачка на нефтепромыслах. Нефтяников поддержал пролетариат целого ряда городов страны, пожертвовавший в их пользу свой однодневный заработок. Когда попытки задуть стачку не удалось, власти и нефтепромышленники вынуждены были ввести 8-часовой рабочий день. Борьба разных отрядов пролетариата шла с переменным успехом, но несмотря на репрессии не утихла. В результате в 1919 г. в забастовках участвовало втрое больше рабочих, чем в предыдущем году. Апогеем политических выступлений рабочего класса была массовая политическая забастовка протеста против интервенции румынских войск в Венгрию и Россию (21 июля 1919 г.).

В 1920 г. стачечная борьба продолжала нарастать. Если в 1919 г. в забастовках принимали участие более 150 тыс. рабочих, то в 1920 г. только с 1 марта по 1 октября — 360 тыс. человек⁵⁰. Осадное положение мешало рабочим добиться большего, чем частичные и временные уступки. В октябре вспыхнула первая в истории Румынии всеобщая стачка, в которой участвовали свыше 40 тыс. рабочих, выступивших за отмену осадного положения и вывод войск с предприятий, за признание рабочих советов, повышение зарплаты и т. д. Она окончилась неудачей из-за слабой организованности, и особенно из-за предательства реформистских лидеров Социалистической партии⁵¹. Рабочий класс вынужден был отступить. Объединить его силы с силами крестьянства не удалось.

В Чехословакии в конце 1918 г. рабочий класс провел серию успешных экономических забастовок. В течение первых недель независимости он добился сокращения рабочего дня до 8 часов и заключения новых коллективных договоров. Они предусматривали повышение заработной платы и расширение мер по социальному обеспечению. Национальное собрание провозгласило свободу печати, собраний и стачек. Было обещано установление рабочего контроля над производством. Рабочие были удовлетворены этим. Политические требования выдвигались в это время редко.

Оформление республики в Чехословакии проходило в обстановке преобладания национальных и буржуазно-демократических иллюзий. Революционная волна временно спала. Власть буржуазии укреплялась. Ее положение было более прочным, чем в соседних странах⁵². Лидеры социалистических партий сумели внушить рабочим, что правящие круги пойдут на дальнейшие уступки и осуществят коренные демократические и социальные преобразования, что интересы безопасности страны требуют сотрудничества с буржуазными партиями. Только передовые, наиболее сознательные пролетарии не поддались подобным настроениям. В авангарде был объединявший наиболее боевую часть пролетариата и сохранивший определенную независимость от оппортунистического

⁵⁰ «История Румынии», с. 65.

⁵¹ См. И. Попеску - Пудурь, Г. Стойка, И. Радулеску. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Румынии. М., 1967, с. 99—101.

⁵² Я. Б. Шмерль. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967, с. 240.

руководства социал-демократии комитет рабочих-уполномоченных Праги. Его члены уже 17 ноября потребовали развертывания классовой борьбы с целью создания социалистической республики. В дальнейшем наиболее активную роль стала играть кладненская областная организация социал-демократии, в которой были прочны революционные традиции.

Классовый характер чехословацкого государства начал обнаруживаться для широких кругов рабочего класса только к весне 1919 г. Именно это время считается началом революционного подъема рабочего движения. Крупным событием, положившим начало этому подъему, было выступление авангарда рабочего класса в Кладно. В знак протеста против арестов революционных деятелей и запрета собраний были проведены многотысячные митинги и демонстрации, а также массовые забастовки. Рабочий класс и крестьянство развернули борьбу против дороговизны, за национализацию ключевых отраслей промышленности, за демократическую аграрную реформу. Появились политические требования, в том числе требование удалить из правительства наиболее реакционных министров. Однако и на этот раз правящим классам удалось обуздать массовое движение путем некоторых реформ и благодаря обещанию социал-демократических лидеров удовлетворить требования трудящихся после победы на выборах. Это стало одной из причин того, что чехословацкое правительство смогло послать свои войска для подавления Венгерской Советской республики и быстро подавить Словацкую Советскую республику после ухода Венгерской Красной Армии с территории Словакии.

Разочарование масс и новый подъем классовой борьбы достигли кульминации летом 1920 г. Массовое забастовочное движение сопровождалось созданием рабочих Советов, начавших вводить контроль над действиями предпринимателей. Обострение борьбы привело 9 декабря к всеобщей забастовке, охватившей до 1 млн рабочих. Создаются революционные комитеты, рабочие и заводские Советы. Рабочие пытаются захватить фабрики и заводы. В городе шахтеров Кладно власть берет в свои руки Центральный революционный комитет. Рабочие контролируют положение еще в нескольких городах. Однако пролетариат, против которого правительство, поддерживаемое правыми социал-демократами, выставило войска и полицию, 15 декабря терпит поражение. Рабочие организации подвергаются разгрому. Развитие классовой борьбы с подавлением всеобщей стачки было приостановлено.

Рабочее движение в Польше, которое объективно было частью широкого антиимпериалистического, освободительного движения, направленного на ликвидацию оккупационного режима, на восстановление государственной независимости, на демократизацию политической и экономической жизни, сумело в значительно большей степени отмежеваться от буржуазии, основательнее использовать пролетарские методы борьбы. В первых числах ноября 1918 г. революционные партии начали мощную кампанию по созданию Советов рабочих депутатов, консолидируя левые силы рабочего движения. В момент быстрого революционного подъема в процесс создания Советов оказались втянутыми все партии, которые работали внутри пролетариата, в том числе и правые. В стране (в основном на территории бывшего Королевства Польского) было создано более ста Советов. Как органы борьбы за интересы рабочего класса, они при поддержке мощных забастовок добились введения 8-часового рабочего дня и целого ряда социальных прав для пролетариата.

Революционные партии — социал-демократия и Польская социалистическая партия-левица, объединившиеся 16 декабря 1918 г. в Коммунистическую рабочую партию Польши, стремились добиться созыва съезда Советов и превращения их в органы власти. Создавая по примеру трудя-

щихся Советской России Красную Гвардию, фабкомы, домкомы и другие революционные органы, передовые силы польского пролетариата на некоторое время утвердили двоевластие в «сердце рабочей Польши» — Домбровском угольном бассейне, где большинство шло за коммунистами⁵³. ППС-фракция, имевшая большинство в Советах, наоборот, ориентировала их на поддержку правительства и подготовку выборов в сейм. Значительная часть пролетариата страны осталась вне Советов. В нем были сильны парламентские иллюзии. Буржуазные и мелкобуржуазные партии, готовя объявленные на март 1919 г. выборы в сейм, объединяли вокруг себя широкие слои польского народа, в том числе часть пролетариата. Широкие массы города и деревни в обстановке подъема антиимпериалистического освободительного движения связывали надежды на политические и социально-экономические преобразования именно с созывом сейма. Польская буржуазия еще не успела разоблачить себя в их глазах, а решение общенациональных задач тормозило идейно-политическое размежевание внутри польского общества. В. И. Ленин отмечал на VIII съезде РКП(б) меньшую, чем в России, «дифференциацию пролетариата от буржуазных элементов» в Польше, сохранение большинства рабочих «на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма»⁵⁴.

Весенние месяцы 1919 г. прошли под знаком напряженной борьбы внутри Советов и отражения натиска буржуазной реакции. Коммунисты противооставили лозунгу Учредительного собрания лозунг Советов рабочих депутатов, что не нашло понимания у большинства трудящихся. Не поддержав в момент утверждения буржуазии у власти ни лозунг «Вся власть Советам!», ни предложение о всеобщем вооружении рабочих, ППС расколола Советы. Летом 1919 г. в обстановке жестоких репрессий они были вынуждены прекратить свое существование. А весной 1920 г. революционная активность масс еще более снизилась в связи с тем, что буржуазно-помещичье государство развязало польско-советскую войну.

В целом развитие революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы послеоктябрьского подъема способствовало самоопределению рабочего класса, качественным организационно-политическим изменениям. Под влиянием Великого Октября рабочее движение созревало и консолидировалось. Там, где передовая часть рабочего класса шла за достаточно сильными коммунистическими партиями, этот класс вплотную подошел к проблеме установления пролетарской власти.

Советы рабочих депутатов, созданные как органы борьбы за улучшение положения рабочего класса, за ограничение эксплуатации, сокращение рабочего дня, за социальное законодательство, права профсоюзов и т. д., смогли объединить наиболее активную, зрелую часть пролетариев и добиться реальных успехов в борьбе с предпринимателями. В Советах шла борьба за влияние в рабочем классе, за пути революции. Кое-где удалось превратить их в очаги пролетарской власти на местах.

Революционные потенции рабочего класса росли. Однако он «в силу ряда причин, по преимуществу субъективного, политического порядка, не до конца осуществил свою руководящую роль»⁵⁵.

Прежде всего он повсюду имел перед собой сильного противника, поддерживаемого международной контрреволюцией. Сам он в период подъема 1918—1920 гг. не был еще достаточно един, силен⁵⁶ и зрел в идейно-по-

⁵³ См. И. С. Я ж б о р о в с к а я. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967.

⁵⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, с. 159, 161.

⁵⁵ К. И. З а р о д о в. Три революции в России и наше время. М., 1975, с. 216.

⁵⁶ В. И. Ленин подчеркивал, что «начало» революции «не всегда развивается до конца (например, если слаб революционный класс)» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, с. 112).

литическом отношении, не успев оправиться от состояния распыления в условиях военной разрухи, от дезорганизации своих рядов, а также в достаточной мере отмежеваться от буржуазии, выйти из-под влияния реформистов, особенно в странах, где решались общевациональные задачи. Ленин в докладе о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б), приводя в пример страны этого региона, говорил о том, «с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри нации». Обращаясь к развитию революционного процесса в Польше, он указывал: «Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России», самоопределение трудящихся идет здесь «очень сложным и трудным путем». В связи с этим Ленин подчеркивал, что необходимо предусмотреть «все стадии развития в других странах...»⁵⁷. «В каждой стране... революция идет особым путем...», — указывал он. — «Каждой стране нужно пройти определенные политические этапы»⁵⁸.

Послеоктябрьский революционный подъем, движение по созданию Советов способствовали росту классового самосознания рабочего класса, его боеспособности, его стремлению к достижению конечной цели, что ярко проявилось в создании коммунистических партий (в 1921 г. оформились коммунистические партии Румынии и Чехословакии).

Главным политическим итогом послеоктябрьского революционного подъема для рабочего класса стало усиление революционного направления рабочего движения, обобщение опыта борьбы революционным авангардом, создание революционных рабочих партий нового типа, последовательно занимавших позицию интернациональной солидарности с Советской Россией. Коммунистическое движение в странах региона оформлялось в сложных условиях заторможенного самоопределения трудящихся, одновременно с развертыванием национально-освободительных, демократических революций и подходом к социалистической революции. Опыт показал, что осуществить эту революцию без марксистско-ленинской партии, без правильной программы и политической линии нельзя. Обязательны были собственный политический опыт, умение объединить в своих программных и стратегических установках конечную цель с необходимостью выработать подводящую к борьбе за нее программу-минимум пролетариата, правильная оценка возможных союзников, курс на завоевание гегемонии пролетариата, а не отказ от нее и т. д. До понимания этого авангард рабочего класса должен был подняться по мере усвоения наследия Октября, с приобретением собственного политического опыта, с определением конкретной политической линии. Последнее затрудняла объективная сложность развертывавшихся в регионе революционных процессов. Например, в чешском социалистическом движении левые, борясь за чистоту интернационалистских позиций рабочего класса, и в текущей политике относили национальные проблемы к сфере интересов буржуазии и сосредоточивали свое внимание на «чисто рабочих» вопросах. Задачу участия рабочего класса в решении национальных проблем признавали только правые социал-демократы⁵⁹. Подобные просчеты были свойственны в той или иной мере и марксистам в других странах⁶⁰.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 160—163.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 121.

⁵⁹ См. Ю. Кржижек. Чехи, словаки и Октябрьская революция в России. В кн. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968, с. 435.

⁶⁰ J. Sobczak. Wpływ Rewolucji Październikowej 1917 r. na rozwój sytuacji politycznej w krajach Europy Środkowo-Wschodniej. «Studia do dziejów stosunków polsko-radzieckich», 1973, № 10.

С развитием революционной борьбы накапливался политический опыт, усваивались уроки Великого Октября в области выработки стратегических установок. Важно напомнить в этой связи ленинские советы болгарским коммунистам.

В конце февраля 1921 г. ЦК Болгарской коммунистической партии командировал в Москву к В. И. Ленину Г. Димитрова с сообщением о курсе партии на вооруженное восстание и установление диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин обратил внимание болгарских коммунистов на то, что они еще недостаточно подготовлены, что болгарский рабочий класс «еще сравнительно слаб в количественном и качественном отношении» и важно заняться «серьезнейшим образом организацией самого рабочего класса». «Одновременно, — подчеркивал В. И. Ленин, — создавайте союз рабочих и крестьян (прежде всего с крестьянской бедной и средней частью). Расширяйте влияние коммунистических идей в армии... Остерегайтесь увлечений, действуйте трезво, неутомимо готовьтесь для обеспечения победы революции и в вашей стране»⁶¹.

Ленинский совет очень точно вскрывал основную слабость стратегической линии БКП — ее отношение к крестьянству и к Болгарскому земледельческому народному союзу, ставшему правящей партией и проводившему программу демократизации страны и широких реформ. Коммунисты, занявшие второе место по числу отданных за них голосов, не видели в крестьянстве своего союзника, а руководство БЗНС проводило враждебную по отношению к БКП и борющемся за улучшение своего положения пролетариату политику. В результате союз левых сил создан не был, и, несмотря на сохранение высокого накала активности трудящихся, в июне 1923 г. силы реакции произвели переворот, в стране установилась монархо-фашистская диктатура.

В августе 1923 г. БКП приняла линию на создание рабоче-крестьянского правительства и взяла курс на вооруженное восстание. Коммунисты предложили платформу единых действий. Она носила демократический характер, правильно учитывая соотношение сил в стране, верно и четко определяя направление главного удара. Она нацеливала на борьбу не за немедленную ликвидацию капитализма, а за уничтожение власти самой реакционной, монополистической части класса капиталистов. Она предусматривала облегчение налогового бремени для трудящихся, наделение земель безземельных и малоземельных крестьян, восстановление и расширение политических прав и свобод, разоружение и роспуск фашистских организаций и т. д. Выдвижение такой программы означало, что партия достигла высокого уровня зрелости и в области стратегии. Сентябрьское восстание значительно обогатило революционный опыт болгарских трудящихся, укоренило в их сознании идею рабоче-крестьянского союза, «сыграло огромную роль в укреплении антифашистского фронта в стране»⁶².

В. И. Ленин неоднократно помогал коммунистам и других стран региона⁶³. Например, направляя 19 октября 1921 г. письмо польским коммунистам, он призывал «держатъ руль своего корабля строго, не поддаваться на провокацию», «во что бы то ни стало вырастить революцию до полного созревания плода». Он учил не отрываться от масс и глубже продумывать линию партии, обращал внимание на те обстоятельства, которые

⁶¹ «Правда», 1966, 12 октября.

⁶² См. Р. Г р и ш и н а. Сентябрь 1923 г.: первое народное антифашистское восстание. «Коммунист», 1973, № 14, с. 82.

⁶³ Подробно см. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

революционизируют крестьянство и превращают его в резерв пролетарской революции⁶⁴. Таким образом, Ленина заботила необходимость помочь зарубежным коммунистам отыскать путь к обеспечению гегемонии пролетариата.

К концу послеоктябрьского революционного подъема коммунистические партии региона достигли определенной стадии зрелости, однако готовность народа к революции к этому времени как правило уже спала, шел отлив революционной волны.

Входя в Коммунистический Интернационал, коммунистические и рабочие партии региона созревали в межвоенный период в идейном, политическом и организационном отношении и готовились повести рабочий класс на борьбу за социальное освобождение, избавляясь от слабостей, просчетов и болезней роста, вырабатывая во всех необходимых деталях свою стратегию и тактику, отвечающую конкретным условиям каждой страны, учась на опыте Великого Октября сплачивать различные отряды трудящихся и создавать политическую армию социалистической революции. Несмотря на то, что почти во всех странах региона (кроме Чехословакии, до октября 1938 г.) коммунистические партии действовали нелегально, они в рамках борьбы за единый рабочий и народный фронт решительно выступали в период, предшествующий второй мировой войне, против установления в этих странах фашизма.

В ходе дальнейшего развертывания начатого в октябре 1917 г. мирового революционного процесса, на завершающем этапе второй мировой войны проявилось единство коренных условий, лежащих в основе общественной жизни — обострение противоречий капитализма в обстановке развертывания второго этапа общего кризиса капитализма, а также (при определенных отличиях в структуре народного хозяйства, в классовой структуре, в расстановке классовых сил, в политическом устройстве и т. д., являющихся результатом неравномерности экономического и политического развития) «сходные особенности в степени социально-экономической зрелости, завершенности или незавершенности буржуазно-демократических преобразований, в классовой структуре, международном положении и т. д.»⁶⁵, свойственные группе стран Центральной и Юго-Восточной Европы, испытывавшей на себе в той или иной форме гнет гитлеровского фашизма.

После завершения послеоктябрьского революционного подъема многие объективные задачи оказались недорешенными, ибо это дело мог довести до конца только рабочий класс в случае своей победы. Начатые преобразования были приостановлены; в социально-экономической области существенного рывка вперед не получилось. Аграрные отношения не были перестроены достаточно глубоко. Темпы социально-экономического развития остались замедленными, росла кабальная зависимость от западного капитала. Все сильнее сказывались негативные последствия общего кризиса капитализма. Свойственный межвоенному периоду кризис буржуазной парламентской демократии проявился в этом регионе особенно отчетливо. Большинство социально-экономических и политических завоеваний трудящихся было ликвидировано. Национальные меньшинства подвергались угнетению. Порожденные всеми этими обстоятельствами противоречия были резко усугублены гитлеровским фашизмом.

В условиях освобождения от фашизма черты революционной ситуации снова были близки и сходны во всем регионе, революционные перспек-

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 181.

⁶⁵ См. А. П. Бутенко. Социализм как общественный строй. М., 1974, с. 11, 12.

тивы взаимосвязаны, революционные ситуации углублялись под влиянием общей освободительной борьбы, реализации Советской Армией своей освободительной миссии. Первая из решаемых объективных задач — национальное освобождение и ликвидация фашизма; все назревшие народные революции носили в первую очередь национально-освободительный, антифашистский характер. Такова историческая специфика народно-демократических и социалистических революций, относящихся к второму этапу общего кризиса капитализма. Как на стадии подготовки смены двух формаций, так и в условиях реализации общей закономерности наступления объективно вызревшей социалистической революции исторически закономерно проявились те же основные конкретно-исторические черты и особенности объективных процессов в рамках региона. Сходным образом протекало сознательное и насильственное разрешение антагонистических общественных противоречий, осуществляемое рабочим классом в союзе с другими трудящимися и под руководством марксистских пролетарских партий, которое также является общей закономерностью социалистической революции⁶⁶. Везде важнейшей задачей было восстановление и собиране сил пролетариата, укрепление его классового самосознания, обеспечение его организованности и политического созревания. Наличие революционной ситуации и зрелой партии, вооруженной марксистско-ленинским учением, создали те предпосылки, которые при проведении правильной политической линии позволили политически подготовить и организовать рабочий класс, завоевать его союзников и создать армию социалистической революции. В новых условиях рабочий класс был не только главной движущей силой национально-освободительной, антифашистской, демократической, антимонополистической борьбы, борьбы за социализм. Он становился классом-гегемоном, в ходе развития революционного процесса подтверждая, укрепляя и расширяя свою гегемонию и, наконец, превратив ее в диктатуру пролетариата. В. И. Ленин подчеркивал: «Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями»⁶⁷. Как показал Великий Октябрь, опыт которого использовали коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, рабочему классу «для успеха его революции... безусловно необходимо сочувствие большинства трудящихся», а оно «завоевается длинной, трудной, тяжелой классовой борьбой»⁶⁸. Коммунистические и рабочие партии региона научились, говоря словами В. И. Ленина, «руководить не только своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую позицию», при «отыскании формы перехода или подхода к пролетарской революции»⁶⁹, при реализации задач каждого конкретного этапа и конечных целей рабочего класса.

Социалистические революции имели, разумеется, свои особенности, свои темпы развития, вытекавшие из политического положения в отдельных странах, из характера власти. «В одних странах, — пишет Д. Немеш, — пролетариат и его партия, а также революционный союз рабочего класса и основных масс крестьянства уже к моменту освобождения завоевали такой перевес в политической жизни, что их руководящую роль никто не мог оспаривать. В других же — пролетариату и его партиям, ставшим участниками осуществления власти, пришлось вести более трудную борьбу, чтобы, завоевав руководящую роль в управлении страной, усилить ее и защитить от нападков, оттеснить от власти

⁶⁶ М. А. Селезнев. Социальная революция. М., 1971, с. 234—235.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 219, 220.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77—78; т. 39, с. 330.

силы, ставшие контрреволюционными»⁷⁰. Развитию революционного процесса способствовала благоприятная международная обстановка, сложившаяся в результате разгрома гитлеровского фашизма, общее соотношение сил капитализма и социализма на международной арене.

В целом, для революций 40-х годов были характерны совершенствование путей и методов осуществления классовых целей пролетариата, сокращение сроков перерастания демократических революций в революции социалистические, тесное сочетание и растущее переплетение их задач. К. И. Зародов справедливо связывает более высокую зрелость партий рабочего класса в этот период с освоением политического опыта Великого Октября, подчеркивая важное ленинское указание, что с ходом мирового революционного процесса этапы, «крупные полосы развития» в ходе революций сближаются, хотя логическое и историческое выделение их политически и теоретически необходимо⁷¹.

Вступив в переходный период от капитализма к социализму, все страны региона в рамках единого революционного процесса наметили основные пути и средства созидания нового общества, руководствуясь теорией научного коммунизма. Во всех странах осуществляется государственное руководство обществом со стороны рабочего класса, установившего свою власть. Ядром этого класса повсюду выступает марксистско-ленинская партия. Везде повседневно реализуется союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся. Основные средства производства превращены в общественную собственность; в основном проведено постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства. Планомерное развитие народного хозяйства направлено на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; реализуется социалистическая революция в области идеологии и культуры.

Для всех этих стран характерны ликвидация национального гнета и установление равноправия, дружбы между народами, защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов, пролетарский интернационализм. Таковы общие, главные закономерности социалистической революции и социалистического строительства, подтвержденные опытом развития всех социалистических государств.

Исторический опыт мирового социализма, говорится в Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «неопровержимо доказал всеобщую значимость основных законов социалистической революции и строительства нового общества, открытых марксистско-ленинской наукой и впервые воплотившихся в практике Октября, подтвердил необходимость творческого применения этих законов с учетом конкретных условий и особенностей отдельных стран»⁷².

⁷⁰ Д. Н е м е ш. Народная демократия — одна из исторических форм перехода к социализму. «Проблемы мира и социализма», 1975, № 1, с. 25.

⁷¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 74; См. К. И. З а р о д о в. Три революции в России и наше время. М., 1975, с. 139.

⁷² «Правда», 1977, 1 февраля.

НОРВЕРТ МИХТА

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Важнейшим обстоятельством, налагавшим сильный отпечаток на повседневную жизнь всех поляков, было отсутствие на протяжении более чем 120 лет национальной независимости, политической и государственной самостоятельности, раздел польских земель между тремя государствами. Лучшие сыны России, Украины и Белоруссии осуждали раздел Польши и поддерживали национально-освободительную борьбу поляков. Уже в начале XIX в. польские демократы устанавливали прочные связи с русскими противниками царизма, а с 20-х годов стали сотрудничать с декабристами. В 60-х годах польские повстанцы установили связь с Герценом и его соратниками, сплотившимися вокруг лондонского «Колокола». Повстанцы 1863 г. украшали свои знамена надписью на русском языке: «За нашу и вашу свободу». Борясь за общее дело — свержение ненавистного царизма и восстановление государственной самостоятельности Польши — в Январском восстании вместе с поляками приняли участие несколько сот офицеров, унтер-офицеров и рядовых царской армии. Многие из них погибли на виселице, многие были приговорены к тяжелому тюремному заключению и ссылке.

Новые, более благоприятные предпосылки взаимодействия прогрессивных сил Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы возникли со времени появления I Интернационала и образования марксистских партий в рабочем движении. В 1879 г. варшавская рабочая организация обратилась к петербургскому «Северному союзу» с предложением установления сотрудничества. В знаменитом Конфиденциальном соглашении (март 1884), определяющем четкое взаимодействие «Народной воли» с «Пролетариатом», первой польской революционной партией рабочего движения, подчеркнуто, что «польский пролетариат может вырвать власть из рук царского правительства только при взаимодействии с революционными силами всей Российской империи» и поэтому борьба с деспотизмом «должна вестись совместно и согласовываться во всех ее проявлениях на всей территории»¹.

В 70-х и 80-х годах прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что независимость Польши и революция в России взаимно обусловлены. Высоко оценив национальные восстания поляков, которые всегда преграждали путь реакции, они призывали их к объединению усилий с русскими революционерами для восстановления независимости страны

¹ Л. П л о х о ц к и й. Взаимоотношения польских и русских социалистов. Женева, 1902, с. 9—10.

и освобождения пролетариата². В конце своей жизни К. Маркс неоднократно говорил, что мировой центр революции начинает перемещаться с Запада в Россию. Из факта бурного экономического развития Королевства Польского Ф. Энгельс в конце XIX в. сделал вывод о неиссякаемой жизнестойкости польского народа и его праве на самостоятельное государственное существование. Он подчеркивал, что для гармонического сотрудничества европейских наций независимая Польша является необходимостью и для «рабочих всей остальной Европы независимость Польши так же необходима, как и для самих польских рабочих»³. Он рекомендовал включить в программу польского рабочего движения лозунг независимости Польши.

Польское революционное рабочее движение, выдвигая лозунг совместных солидарных действий с рабочим движением на Западе и с пролетариатом разделивших Польшу государств, с первых лет XX в. было самым тесным образом связано с Российской социал-демократической рабочей партией, и особенно с ее ленинским крылом. Еще в 1895 г. Ю. Мархлевский в братском взаимодействии польских и русских рабочих увидел «краеугольный камень будущего здания возрождения и свободы»⁴. Деятели Социал-демократии Королевства Польского, а затем СДКПиЛ отдавали себе отчет в том, что свержение царизма в результате пролетарской революции будет иметь принципиальное, решающее значение также и для ликвидации национального гнета и получения поляками политических прав. Значительная часть первых польских социалистов обучалась в учебных заведениях Петербурга и Москвы, знакомилась с социализмом из русских источников, а некоторые из них принимали уже участие в русском рабочем движении. Эти обстоятельства способствовали укреплению польско-русского революционного сотрудничества и выработке позиции русской партии по польскому вопросу.

Если для рабочего движения в странах Западной Европы национальный вопрос являлся скорее всего теоретической проблемой, то для польского и русского революционного рабочего движения это был назревший и требующий разрешения вопрос. Именно поэтому он занял такое важное место в программе и политике партии большевиков.

Характерно, что после образования Организационного комитета РСДРП и выработки проекта программы партии в 33 номере ленинской «Искры» от 1(14) февраля 1903 г. появилась статья «За сорок лет», посвященная Январскому восстанию. Она напоминала об идее союза польских и русских демократов, а также стремлениях поляков к независимости, горячо поддержанных борцами «Земли и Воли». Как подчеркивалось в статье, подавление царизмом польского восстания в 1863 г. является одним из самых печальных моментов в истории страны великоросов и преступлением перед польским народом, но «русское революционное движение будет помнить о своем долге перед до сих пор угнетаемыми царизмом народами, и русская революция откроет путь к свободе этих народов». Мечты польских и русских демократов, которые не могли исполниться в XIX в., исполняются в новых условиях взаимодействия польского и русского пролетариата, в борьбе за демократическую республику, «которая гарантирует всем национальностям право свободного определения своей судьбы».

Кардинальное значение имела с этой точки зрения статья В. И. Ленина «Национальный вопрос в нашей программе», написанная в 1902 г. и опубликованная 15 июля 1903 г. в 44 номере «Искры». В. И. Ленин

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 247—249.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 290.

⁴ «Sprawa Robotnicza», № 22, IV 1895.

разъяснил в ней, что признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, можно добиться в самом тесном соединении пролетариата при учете исторических условий. Именно так, по мнению В. И. Ленина, понимали польский вопрос К. Маркс и Ф. Энгельс, требуя независимости Польши. Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Однако в начале XX в., когда центр революционного движения переместился в Россию, общие интересы пролетариата требовали, чтобы польские рабочие боролись вместе с рабочими России, Германии и Австрии против агрессивных правительств и господствующих классов в этих государствах. Классовый антагонизм отодвинул национальные вопросы на задний план, но, как подчеркивал В. И. Ленин, вопрос о независимости Польши может в определенной ситуации возникнуть; так, программа РСДРП тоже «нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна»⁵.

Принципиальное значение для понимания позиции В. И. Ленина и большевиков по польскому вопросу имели его тезисы по национальному вопросу (июль 1913). Он указывал в них: «В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и „естественнее“ всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша»⁶. Характерно, что все крупные работы, посвященные теории и практике в национальном вопросе, В. И. Ленин писал, беря за отправной пункт именно польский вопрос.

Понимание огромного значения польского вопроса и неустанное подчеркивание исторического права Польши на независимость, как это делали К. Маркс и Ф. Энгельс, всегда отличали Ленина и партию большевиков⁷. Для перспективы независимости Польши, обоснования предпосылок ее самостоятельного государственного существования и места польского вопроса в международном рабочем движении принципиальное значение имела программа большевистской партии по национальному вопросу, сформулированная в начале XX в., ибо она искусно сочетала в революционном рабочем движении задачи классовой борьбы со стремлениями к национальной независимости⁸.

Один из руководителей СДКПиЛ в 1900—1901 гг., а затем деятель РСДРП и партии большевиков после Февральской революции в России Станислав Трусович-Залевский за несколько лет до начала первой мировой войны предвидел, что польский вопрос станет объектом дипломатических споров между разделившими Польшу государствами. Обострение классовой борьбы вынуждало Россию, Германию и Австрию избегать военных конфликтов, но, считал он, в условиях развития капитализма они будут нарастать и станут неизбежными. В связи с этим правящие круги этих государств будут предпринимать попытки к привлечению на свою сторону различных слоев польского общества⁹.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239; см. также с. 233—238.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 315.

⁷ J. Sobczak. Lenin bliski Polakom. «Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej». Warszawa, 1970, s. 3, 22—23; W. Bułat. Lenin a sprawa Polski. «Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej». Warszawa, 1969, s. 4; C. Bobińska. Słowo wstępne. В кн. Marks i Engels o Polsce, t. I. «Książka i Wiedza». Warszawa, 1960, s. LXVI.

⁸ H. Jabłoński. Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. «Książka i Wiedza», 1967, s. 6.

⁹ К. Залевский. (Станислав Трусович). Польский вопрос и международная политика. «Голос социал-демократа», 1909, № 14.

События подтвердили правоту этих предвидений. Каждая воюющая сторона старалась после начала первой мировой войны привлечь к себе поляков, надеясь получить политические, дипломатические и главным образом военные выгоды.

14 августа 1914 г. главнокомандующий царской армии великий князь Николай Николаевич обратился к полякам с воззванием, в котором говорилось о необходимости объединения всех польских земель под скипетром русского царя и содержалось обещание предоставления им самоуправления. Чувства солидарности польского населения с русскими войсками, которые тогда проявились, возникали от ненависти к германизаторской политике Гогенцоллернов и были связаны с надеждой на получение автономии в русском государстве.

30 марта 1915 г. царь издал указ, в котором провозгласил «объединение всех польских земель», включая земли, находящиеся под властью Германии, и Галицию. Территория, значительно большая, чем тогдашнее Королевство Польское, должна была получить автономию. Таким образом, почти все польские земли вошли бы фактически в состав российского государства, и этого прежде всего добивался царь.

Захватническую сущность и обманчивый характер «освободительных» лозунгов царизма вскрыл В. И. Ленин. Он писал, что царским сторонникам «независимости» Польши была нужна независимость ее от Германии, но при одновременном возврате к зависимым отношениям от России¹⁰.

С концепцией царизма по польскому вопросу конкурировали две другие ориентации — австрийская и немецкая. Австрийский план предусматривал соединение Королевства с Галицией под властью габсбургской монархии. Эту идею поддерживала длительное время ППС-фракция с Ю. Пилсудским. Меньше всего сторонников среди поляков имела пронемецкая ориентация. Акт от 5 ноября 1916 г., опубликованный генерал-губернаторами оккупированного Королевства Польского Г. Безелером и К. Куком, провозглашал от имени императоров Германии и Австрии создание «самостоятельного польского государства», небольшого, буферного, остававшегося в полной зависимости от Германской империи. Оказавшись в затруднительном положении, Германия пыталась с помощью политического трюка создать польскую армию и использовать ее в войне против России. Пилсудский не скрывал, что его целью было «соединение Галиции и Королевства в составе Австро-Венгерской монархии в результате войны против России в союзе с центральными державами»¹¹.

Правильно пишет Г. Яблоньский, что ни одна из воюющих сторон не намеревалась предоставлять независимость Польше, и ей не могло принести успеха выступление на стороне одной или другой коалиции. «Изменить положение Польши могла только революция в каком-либо из разделенных Польшу государств»¹². Продолжающаяся война создавала революционную ситуацию, особенно в России, где острота внутренних противоречий выдвигала русский пролетариат на роль инициатора международной революции.

В июле 1916 г. В. И. Ленин, полемизируя с редколлегией органа польской социал-демократической оппозиции «Газетой Роботничей» по вопросу об империализме и национальном угнетении, указывал, что право

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 246—249.

¹¹ Письмо Пилсудского от 1916 г. председателю Главного национального комитета Яворскому. J. Nałurka. Z. czasów wielkiej wojny. Pamiętnik nie kombatanta, Niwiska, 1938, s. 117—118.

¹² H. Jabłoński. Ibid., s. 34. Ср. Ч. Ясиньский (Е. Шибышевский). Октябрьская революция и рабочий класс Польши. М., 1933, с. 90.

на самоопределение предусматривает отделение, включая создание собственного государства и определение его границ. Независимость Польши теперь, писал он, неосуществима без войн и революций. Путь к восстановлению независимости Польши через войну пропагандирует ППС-правица. «Ставить лозунг независимости Польши *теперь*, в обстановке данного соотношения империалистических *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции»¹³. Позиция В. И. Ленина в вопросе независимости Польши нашла живой отклик и признание у ряда деятелей польского и русского рабочего движения. Так, например, Ст. Трусович-Залевский в статье «Современная Польша» указывал, что кадеты и Плеханов трактуют польский вопрос как внутреннюю проблему России, иначе смотрят на него М. Горький и все другие сторонники права наций на самоопределение, а В. И. Ленин идет еще дальше, доказывая, что это право применительно к Польше означает государственную независимость¹⁴.

Февральская революция 1917 г. в России свергла царское самодержавие, которое в течение многих десятков лет было олицетворением национального гнета и душителем устремлений народов к независимости. Таким образом, возникла историческая ситуация, в которой сошел со сцены главный противник независимости Польши.

Еще в марте 1917 г. Исполнительный комитет московской группы СДКПиЛ выпустил воззвание «В наши ряды! Товарищи! Рабочие!», в котором подчеркивал, что свержение царизма в России приносит полякам не только политическую, но и национальную свободу, «предвещая объединение всей нации, расчлененной много лет тому назад насильственной политикой трех императоров». Деятели московской группы СДКПиЛ выдвинули лозунг: «создание на обломках русского, немецкого и австрийского империализма независимой и единой Польской республики в содружестве свободных народов Европы»¹⁵.

Знаменательно, что вскоре после свержения царизма 14(27) марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил обращение к «Народу польскому», в котором говорилось: «Царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ одновременно с русским, ниспровергнут объединенными силами пролетариата и войск. Извещая польский народ об этой победе свободы над всероссийским жандармом, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет, что демократия в России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении. Посылаем польскому народу свой братский привет и желаем ему успеха в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»¹⁶.

В ситуации, когда русское революционное движение создало Советы рабочих и солдатских депутатов, а Петроградский Совет огласил упомянутое обращение к польскому народу, когда происходило много митингов, собраний и встреч с участием поляков, на которых выдвигались требования независимости, Временное правительство, представляющее буржуа-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 48.

¹⁴ «Letopis», 1916, № 8, s. 170; цит. по: A. M a n u s e w i c z. Polacy w Rewolucji Październikowej. «Książka i Wiedza», Warszawa, 1967, s. 49.

¹⁵ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, с. 23, 24.

¹⁶ «Документы и материалы...», с. 26.

зию, но вынесенное к власти на волне революции, заняло иную, чем царизм, позицию в польском вопросе¹⁷.

В опубликованном 17(30) марта 1917 г. воззвании к полякам Временное правительство, с одной стороны, высказывалось за «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом», а с другой стороны, заранее ограничивало его суверенитет следующей оговоркой: «Оставаясь с Россией в свободном военном союзе, польское государство сможет противостоять нажиму центральных держав на славянские народы». Учредительное собрание России должно было «окончательно утвердить новый братский союз» и «дать свое согласие на территориальное изменение русского государства, необходимое для создания свободной Польши из всех сейчас еще разъединенных частей»¹⁸.

В. И. Ленин говорил относительно декларации Временного правительства о независимости Польши: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обманом как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о „свободном“ военном союзе Польши с Россией. Ибо для действительного определения воли народа всех аннексированных областей необходим вывод войск и свободный опрос населения. Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами) ... было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело»¹⁹.

Декларация Временного правительства князя Львова не разрешала польского вопроса, хотя делала шаг вперед по сравнению со всеми прежними заявлениями государств, разделивших Польшу. Одно только было ясно, что польское государство должно быть, но как оно будет создано и из каких земель составлено, под чьим управлением или от кого зависящим, этого никто не мог предсказать²⁰.

Лишь победа Октябрьской революции, которую поддержали тысячи польских революционеров, и провозглашение 2(15) ноября 1917 г. Декларации прав народов России, подписанной Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным, а также народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным, положили начало новому этапу в польском вопросе.

Совет Народных Комиссаров в соответствии с решениями I и II съездов Советов постановил исходить в своей национальной политике из следующих принципов: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»²¹.

Итак, придя к власти, большевики продолжали последовательно, с первых же недель ленинскую линию в национальном вопросе, в том числе и в польском, сформулированную на II съезде РСДРП в 1903 г. и развитую затем во многих публикациях и высказываниях гениального Ленина. Такую же позицию заняла советская сторона во время перегово-

¹⁷ М. Żuchowski. Polska myśl socjalistyczna XIX i XX wieku. PWN. Warszawa, 1976, s. 478; L. Kozłowski. Rewolucja rosyjska a niepodległość Polski. Warszawa, 1922, s. 37.

¹⁸ «Документы и материалы». . . , с. 35.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 373—374.

²⁰ Н. J a b ł o ņ s k i. Ibid., s. 55.

²¹ «Документы и материалы. . . », с. 163.

воров с Германией в Бресте. 27 декабря 1917 г. Адольф Йорффе, возглавляющий советскую делегацию на заседании политической комиссии с участием представителей центральных держав, внес предложение, чтобы первый пункт мирного договора включал обязательство вывода войск России с занятых ею территорий Австро-Венгрии, Турции и Персии, а государств четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и других территорий.

По Брестскому договору Советская Россия отказывалась от прав на Королевство Польское де-юре. Этот момент с точки зрения формально-правовой был решающим для создания польской государственности, так как ни декларация Временного правительства, ни создание им так называемой Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского не предопределяли характера обособления польских земель и предела их независимости²².

Позиция пролетарской России по вопросу независимости Польши интересно и исчерпывающе представлена в статье, опубликованной в «Известиях» 12(25) декабря 1917 г. Независимость Польши, — читаем мы в тогдашнем органе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, — принимая во внимание значительные естественные богатства этой страны, не противоречит экономическим интересам России и может быть выгодна для обеих сторон. Чтобы, однако, Польша могла иметь существенное значение как для России, так и для международной политики, она должна соединить в себе все те части прежнего польского государства, которые имеют преобладающее польское население, быть страной, действительно демократической. Революционная демократическая Россия требует независимости, объединения и демократизации Польши. Пролетариату центральных держав следует в этом отношении поддержать Польшу самым решительным образом²³.

Трудящиеся массы Польши солидаризировались с Советской Россией и все более настойчиво выдвигали свои освободительные требования. Весной 1918 г. под влиянием революционных событий в России и банкротства империалистической политики центральных держав усилились стремления польского народа к независимости. Польские солдаты массами дезертировали из австро-венгерской армии, а на Краковщине, Жешовщине и в других местностях создавали партизанские отряды, которые разоружали посты оккупантов.

После свержения царизма и взятия власти пролетариатом России западные империалистические государства перестали рассматривать Польшу как «внутреннее дело России» и выдвинули лозунг создания независимой Польши. Они «признали необходимость существования польского государства лишь тогда, когда лишились влияния на Россию и управления ее экономической жизнью, а проавстрийская концепция оказалась нереальной»²⁴. Буржуазная историография приписывала США и западным государствам решающую роль в государственном возрождении Польши²⁵. Декларации этих стран по вопросу независимости Польши сыграли позитивную роль, но лишь тогда, когда окончательно исчезла империя Романовых, а внешняя политика Советской России вынуждала государства, участвующие в войне, по-новому трактовать польский

²² C. B e r e z o w s k i. Powstanie państwa polskiego w świetle prawa narodów. Warszawa, 1934, s. 70.

²³ Цит. по: «Proletariat rosyjski a niepodległość Polski». «Robotnik», 1918, № 288.

²⁴ H. J a b ł o ņ s k i. Ibid., s. 78; T. C i e ś l a k. Znaczenie Rewolucji Październikowej dla utworzenia państwa polskiego. Sesja Naukowa w Warszawie 23—24 XI 1967; CA KC PZPR sygn. B 59644, s. 3.

²⁵ St. K u t r z e b a. Polska Odrodzona 1914—1922. Kraków, 1922, s. 68.

вопрос²⁶. Не следует, однако, забывать о действительных намерениях правительств США и государств Антанты, которыми они руководствовались в этих декларациях. Победа пролетарской революции в России, намечающееся поражение армий центральных держав на западе и юге и все более приближающаяся перспектива революции в Германии — создавали реальные предпосылки осуществления права на национальное самоопределение, побуждали имущие классы в Польше и буржуазию Антанты торопиться с реализацией плана создания независимой буржуазной Польши как оплота против социалистической революции²⁷.

Декларации и заявления западных государств, касающиеся восстановления независимой Польши, не имели характера правовых актов. Польские земли продолжали оставаться еще в 1918 г. под оккупацией австро-венгерских войск. Бои на западном и южном фронте между войсками центральных держав и Антанты велись с переменным успехом, и только революционные потрясения в Германии и Австро-Венгрии могли ускорить окончание войны, создав тем самым условия для образования независимого польского государства.

Важным фактором в создании правовых и политических основ независимости Польши был декрет Совета Народных Комиссаров 29 августа 1918 г., который аннулировал договоры, касающиеся разделов Польши. Суть этого декрета заключалась в следующем: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно»²⁸.

В последние дни октября 1918 г. начался революционный подъем в Австро-Венгрии и Германии. В Будапеште возникли рабочие Советы и была провозглашена Венгерская республика. 9 ноября в результате всеобщей стачки и вооруженной борьбы в Берлине, во время которой произошло братание рабочих и солдат, была ликвидирована монархия Гогенцоллернов и провозглашено создание республики. Революция охватила также Австрию, где 12 ноября 1918 г. Национальное собрание приняло решение об установлении республики. Революции в Австро-Венгрии и Германии создали благоприятные предпосылки для освобождения польских земель.

Повсеместным в то время был интерес польского общества к политике Советской России и идеологии большевистской партии. Так, например, в одном из тогдашних правительственных документов читаем, что польское население настолько заинтересовано идеями большевиков, что «в каждом железнодорожном вагоне, в любой приемной, чайной и даже во время работ в поле можно слышать обсуждение этой темы. Горячими сторонниками большевизма являются мелкие железнодорожные и конторские служащие, а также ремесленники (чаще всего слесари и монтеры, безземельное население и прислуга)»²⁹. Стихийное освободительное движение охватило польские земли, и в течение нескольких дней оккупационные войска, главным образом в Галиции и Люблинщине, были разоружены.

²⁶ Т. Сіэслак. Ibid., s. 14.

²⁷ Ч. Я с и н ь с к и й (Е. Пшибишевский). Там же.

²⁸ «Документы и материалы...», с. 418—419.

²⁹ «Społeczeństwo polskie wobec Rewolucji Październikowej. Wybór dokumentów». «Książka i Wiedza», 1957, s. 87—88.

На основании Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г., Польша получала Познаньскую область и часть Восточного Поморья, на других же территориях — Вармии и Мазурах, а также в Верхней Силезии население должно было путем плебисцита решить, будут принадлежать эти территории Польше или Германии. Польские территории, составляющие часть бывшей царской империи, уже ранее получили независимость в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Договор с Австрией возвращал Польше территории, подчиненные Габсбургам, однако, без четкого определения границ. Игнорируя декларацию и позицию Советской России в вопросе о независимости Польши, Антанта настаивала на восстановлении буржуазного правительства в России³⁰. Эти стремления нашли вскоре подтверждение в развязывании гражданской войны, вооруженной иностранной интервенции и, наконец, в поддержке агрессивных военных действий Пилсудского против Советской России.

Обретение самостоятельного государственного существования польским народом, который свыше 120 лет вынужден был жить под гнетом трех захватчиков, стало историческим событием огромного значения, несмотря на то, что по Версальскому договору проблема западной границы Польши была решена не в пользу Польши, а Верхнюю Силезию, бесспорно польскую территорию, государства Антанты использовали как козырь в политической игре. Одновременно захват Польшей территорий на востоке, на которых проживало в большинстве белорусское и украинское население, создавал для нее серьезные политические и национальные осложнения.

Следует, однако, всегда помнить, что Октябрьская революция имела решающее, принципиальное значение для ликвидации разделов и превращения Польши в независимое государство. Она стала прологом революции в Германии и Австро-Венгрии. Возможность образования независимого польского государства после свержения царизма стала реальной лишь тогда, когда истощенные войной, подорванные революцией пошатнулась вильгельмовская Германия и распалась габсбургская монархия, когда пример Октябрьской революции придавал силы революционерам в Германии и Австро-Венгрии³¹.

54 года назад Ю. Мархлевский убедительно раскрыл решающую роль Октябрьской революции в ликвидации национального угнетения и в восстановлении независимого государства. Полемизируя с буржуазными патриотами, пытавшимися отрицать этот факт, Мархлевский доказывал: «Если бы среди победителей, диктующих условия мира по окончании империалистической войны, были бы представители царской или капиталистической России вроде Милюкова и ему подобных, могла бы быть создана независимая Польша?... Победивший царизм никогда бы не отказался от господства над Польшей, это совершенно ясно... Если же представить, что при заключении мира в Версале участвовала бы победившая русская буржуазия, то ясно, что и эта буржуазия не могла бы также отказаться от господства над народами, покоренными русским царизмом... Только русский пролетариат, который понимает, что господство над народами несовместимо с собственной свободой, поставил вопрос ясно и решительно: „самоопределение вплоть до отделения“»³².

Осуществляя на практике принципы внешней политики Советской России, закладывая основы мирного сосуществования государств с раз-

³⁰ L. Kozłowski. Ibid., s. 56.

³¹ H. Jabłoński. Ibid., s. 3—4, 78.

³² Ю. Мархлевский. Польский вопрос и Октябрьская революция. «Жизнь национальностей», 1923, с. 229—230.

ными политическими системами, Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным настойчиво старался установить мирные отношения с польским буржуазным государством, возникшим в 1918 г. Этой цели служили инициативы советской стороны в 1919—1920 гг. в проведении переговоров с польской стороной для урегулирования спорных вопросов. Когда же отчетливо проявилось стремление некоторых империалистических государств, особенно Англии и Франции, толкнуть Польшу на войну с Советской Россией, Совет Народных Комиссаров направил 28 января 1920 г. обращение к правительству и народу Польши, в котором убедительно подчеркнул, что политика РСФСР исходит не из случайных и временных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа национального самоопределения.

Советское правительство, подчеркивалось в обращении, безусловно и безоговорочно признавало и признает «независимость и суверенность Польской республики, и это признание с первого момента образования независимого Польского государства кладет в основу всех своих отношений к Польше»³³. В подобном тоне было выдержано обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов к польскому народу, опубликованное 2 февраля 1920 г. В нем указывалось, что вековой национальный гнет со стороны царского правительства возбудил в польском народе глубокое недоверие к русскому народу, затрудняющее в высокой степени дело мира и установление добрососедских отношений между обоими государствами, недоверие, которое «используется в своих корыстных интересах мировой биржей... Русские рабочие поспешили первыми признать независимость польского народа, признали ее безоговорочно и раз навсегда, и сделали это в полном сознании того, что независимость Польши соответствует интересам не только вашим, но и нашим»³⁴.

Польские коммунисты и прогрессивные общественные деятели в межвоенный период требовали установления добрососедских отношений с СССР, особенно в связи с нарастающей угрозой со стороны германского фашизма. Однако лишь борьба поляков и советского народа с гитлеровской агрессией и оккупацией, скрепленная совместно пролитой кровью солдат I и II армий Войска Польского, партизан Гвардии и Армии Людовой, солдат Красной Армии и советских партизан сблизила и соединила наши народы раз и навсегда. Польская рабочая партия, 35 годовщину образования которой мы празднуем в 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, провозгласив солидарность с борьбой всех народов, угнетенных фашизмом, на первое место выдвинула лозунг братского союза и сотрудничества с Советским Союзом и Красной Армией, как самого главного и решающего условия разгрома гитлеровской Германии и обретения Польшей утраченной независимости. В период гитлеровской оккупации мы имели, так же как во время первой мировой войны, ряд дипломатических обещаний со стороны западных государств, но оказалось, что только одно решение могло принести и принесло вторично независимость — совместная борьба против фашизма, братство по оружию, общность идей, дружба и сотрудничество со Страной Советов³⁵.

С перспективы 60 лет мы видим, что Октябрьская революция была величайшим событием XX в., она потрясла старый мир и открыла новую эпоху — пролетарских революций и освобождения угнетенных народов. От нее ведет начало совершенно новая фаза решения национального вопроса революционной пролетарской партией. Ленинская политика

³³ «Документы и материалы...», т. II. М., 1964, с. 508.

³⁴ Там же, с. 511—512.

³⁵ T. Cieślak. Ibid., s. 14.

большевистской партии разрешила дилемму выбора между классовыми целями и задачами революционного рабочего движения, с одной стороны, и его национальным характером и правом на самоопределение — с другой. Выработанная Лениным программа по национальному вопросу соединила международную солидарность пролетариата с его чувством национальной принадлежности, объединила таким образом интернационализм с патриотизмом. Именно на этом ленинском пути Польша обрела дважды независимость, сформировалась после второй мировой войны в государство со справедливыми границами, охватывающими благодаря неоценимой помощи СССР исконные пястовские земли по Одре, Нысе и Балтике. Наша нация, предназначенная гитлеризмом на биологическое уничтожение, творчески развивается в течение 33 лет при всесторонней помощи СССР, с гарантированной независимостью и суверенитетом в рамках Варшавского пакта. Красноречивым свидетельством бесспорной жизненности и превосходства социализма является факт, что Польская Народная Республика с 1944 г. увеличила количество своего населения на 12 миллионов человек и, ликвидировав огромную экономическую отсталость, заняла теперь место в первой десятке наиболее развитых стран мира.

В постановлении Политбюро ЦК ПОРП о праздновании 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подчеркнуто, что «с Октябрьской революцией связываются главные этапы современной истории нашего народа: восстановление независимости в 1918 г., освобождение от ярма гитлеровской оккупации и вступление Польши на путь социализма»³⁶.

Верные нерушимой дружбе с Советским Союзом, углубляя и расширяя наше всестороннее сотрудничество — экономическое, научное и торговое, объединяя наши действия на идеологическом фронте, мы будем как можно лучше выполнять завет великого Ленина, сердечного друга польского народа, 107-ю годовщину со дня рождения которого и 65-ю годовщину прибытия в Польшу мы отмечаем этой весной. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, находясь в Польше, напомнил, что Ленин всегда мечтал, чтобы оба народа жили в дружбе, единстве и братстве³⁷. Навсегда останутся путеводными в наших действиях слова Ленина: «Свобода Польши невозможна без свободы России»³⁸.

³⁶ «Nowe Drogi», 1977, № 3, s. 11.

³⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 1. с. 104.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 269.

МИХАЛ ГРУШКОВИЦ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Шестьдесят лет, прошедшие со времени Великого Октября, убедительно доказали справедливость характеристики, которую дал этому событию В. И. Ленин как началу новой эпохи в мировой истории, эпохи перехода от капитализма к социализму. В центре мировых событий становится международный рабочий класс, а его идеология — марксизм-ленинизм — выдерживает проверку в ходе первой успешной социалистической революции в России.

Влияние Великого Октября многогранно, практически оно касается всех сторон общественной жизни, на всех континентах и во всех странах. Особенно сильно идеи Великой Октябрьской социалистической революции сразу же повлияли на события в европейских странах, находившихся в состоянии войны. Прежде всего это касалось народов габсбургской монархии, которые были изнурены длительной войной и мечтали о мире. В социальной структуре этих стран и России было много общих черт. Австро-Венгрия, подобно царской России, была тюрьмой народов. Это порождало острые национальные противоречия. Для угнетаемых народов Австро-Венгрии, к которым относились и чехи, и словаки, Советская Россия стала притягательным примером потому, что в ней был не только провозглашен, но и реализован ленинский принцип самоопределения наций вплоть до отделения и создания самостоятельных национальных государств. В Чехии на ее пример ссылались даже антигабсбургски настроенная буржуазия. В так называемой Трикральской декларации от 6 января 1918 г., требовавшей самостоятельности для чешского народа, говорилось: «Новая Россия, стремясь ко всеобщему миру, главным условием полагает всеобщий принцип самоопределения народов, чтобы народы путем свободного выбора определили свою судьбу и решили, хотят ли они построить самостоятельное государство, или создать государственное объединение совместно с другими народами... Наш народ голосует за свою независимость...»¹. Так формулировали свою декларацию чешские депутаты венского рейхсрата и земского сейма.

Великая Октябрьская революция создала объективные предпосылки для успешного завершения борьбы чешского и словацкого народов за национальную и государственную независимость.

Своим непосредственным влиянием, уже самим фактом своего существования Советская Россия активизировала рабочий класс и указала ему и остальным слоям общества реальный путь к завоеванию национальной

¹ «Právo lidu», 1918, № 25, s. 1.

независимости, ослабила эксплуататорский габсбургский режим и заставила ведущих политиков Антанты, боявшихся как бы общенародная антигабсбургская революция не переросла в революцию социалистическую, принять в качестве условия заключения мира создание национальных государств, в том числе и чехословацкого. Об этом позже откровенно написал бывший премьер Великобритании Ллойд Джордж: «Что касается Австро-Венгрии, мирный договор вышел далеко за пределы планов великих держав-союзниц. Раздел Австрийской империи на отдельные и разрозненные части вовсе не входил в планы французской, русской (т. е. царской.— М. Г.), британской, американской или итальянской политики». Народам Австро-Венгрии предполагалось дать лишь автономию. Это должно было бы, по их мнению, привести «к миру и стабильности в Центральной Европе». Именно такой была позиция и американского президента Вильсона, которого чешская буржуазия совместно с Т. Г. Масариком прославляла как «освободителя» Чехословакии.

Было ясно, что Великая Октябрьская социалистическая революция радикально изменила соотношение сил между великими державами. Советская Россия стала верным союзником угнетенных народов и подала им пример борьбы за самоопределение народов и за мир без аннексий. Советское правительство уже 30 декабря 1917 г. в ноте странам Антанты заявило, что необходимо «ясно и четко сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов». Оно требовало признания автономии Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познанщины, Чехии и южнославянских областей. Программа Великого Октября предусматривала реализацию требований равноправия, свободы и суверенности всех народов в духе пролетарского интернационализма. Это вдохновило народные массы на борьбу за свободу и мир.

В Чехии борьба за национальную независимость соединялась с борьбой за социалистическую ориентацию будущего самостоятельного государства. 1 мая 1918 г. в Праге состоялась демонстрация под лозунгом «За социалистическую нацию». Требования, выдвинутые 1 мая в Словакии в Липтовском Микулаше, явно находились под влиянием идей Великого Октября: справедливый мир, право народов на самоопределение и создание чехословацкого государства, экспроприация частнокапиталистической собственности.

Так, рабочий класс в Чехии и Словакии стихийно, не располагая революционной партией, под сильным влиянием идей и деяний Великого Октября начал активно направлять национально-освободительное движение. Но эти усилия масс в результате оппортунизма вождей социал-демократии были использованы буржуазией, создавшей 13 июля 1918 г. новый Национальный комитет как руководящий центр национального движения. Национальный комитет помог австрийским властям парализовать всеобщую забастовку, организованную Социалистическим Советом 14 октября 1918 г. Бастующие, отстаивая классовые интересы трудящихся, стремились революционным путем создать чехословацкое государство. Нерешительность вождей реформистских партий позволила представителям буржуазии взять инициативу в свои руки. В условиях революционной ситуации в Чехии и Словакии, возникшей под влиянием Великого Октября и вынудившей австро-венгерское правительство принять 27 октября 1918 г. мирные условия президента Вильсона, чешская и словацкая буржуазия поспешила провозгласить самостоятельное чехословацкое государство (28 октября в Праге и 30 октября в Мартине). Имущие классы Чехословакии проявили свою непоследовательность и колебания в осуществлении целей национально-демократической революции. Лишь рабочий класс страны, вдохновленный Великим Октябрем, решительно и само-

отверженно боролся за свободу народов. Впоследствии, после горьких поражений в 1920 г., он создал по примеру партии великого Ленина свой авангард — Коммунистическую партию Чехословакии и смог повести наши народы не только на успешную борьбу против капиталистической эксплуатации, но и за возрождение национального и государственного суверенитета, попранного гитлеровской Германией, и стал признанным вождем наших народов в строительстве основ социализма и развитого социалистического общества в Чехословакии.

Великий Октябрь не только способствовал созданию независимой Чехословакии, но и усвоению ленинского учения ведущей силой наших народов — Коммунистической партией Чехословакии. Основатели КПЧ — Богумир Шмераль и Антонин Запоцкий при непосредственной помощи В. И. Ленина создали предпосылки для образования КПЧ. Позже, на V съезде КПЧ в 1929 г., Коммунистический Интернационал и особенно руководитель его делегации Д. З. Мануильский помогли преодолеть кризис в партии, что имело большое значение для ее большевизации. Коммунистическая партия Чехословакии под руководством Клемента Готвальда стала опытным вождем наших народов, организатором борьбы трудящихся масс за социальные и национальные права, борцом за пролетарскую солидарность и интернациональное единство наших народов с народами Советского Союза, против попыток реакционной империалистической буржуазии, как отечественной, так и иностранной отторгнуть наши народы от идей и страны Великого Октября.

Великий Октябрь уже с первых своих дней обрел в Чехии и Словакии как восторженных сторонников, так и ярых противников. Точно так же было и во всех капиталистических странах. Трудящиеся массы приветствовали мирные предложения Советского правительства, Декрет о мире и особенно Декларацию о правах народов. На территории Советской России находилось около четверти миллиона военнопленных чешской и словацкой национальности. После Февральской революции они создали 4 августа 1917 г. социал-демократическую партию. Во время Октябрьских событий революционная часть чехословацкой социал-демократии в России стала называться коммунистической. С 25 по 28 мая 1918 г. ею был созван в Москве съезд и основана «Чехословацкая коммунистическая партия в России и на Украине». Так в Советской стране возникла первая организация чехословацких коммунистов (Чехословацкая группа при ЦК РКП(б)).

Съезд обратился к чехословацким солдатам с призывом противостоять попыткам использования их против Советской державы. Несколько тысяч бывших чехословацких военнопленных вступили в ряды Красной Армии. Однако большая их часть была использована державами Антанты и реакционным командованием в боях против Советского государства.

Чехословацкие воинские части были хорошо вооружены и обучены, и во время их антисоветского выступления 25 мая 1918 г. были единственной иностранной армией на территории Советской России. Практически они начали интервенцию 14-ти капиталистических стран. При этом они совершили тяжкие преступления против советского народа. 11 июня 1918 г. чехословацкие коммунисты в Советской России обратились с призывом к чехословацким контрреволюционным войскам. В обращении говорилось: «Действия чехословацких войск — несмыслаемое пятно на всем чехословацком народе... От имени чехословацкого пролетариата мы протестуем против открытой и тайной деятельности контрреволюционных элементов среди чехословацких солдат... Мы призываем вас под революционные знамена интернационала!.. Это будет самым лучшим и достойным ответом на действия наших обманутых соотечественников,

мятеж которых в эти дни играет на руку международному империализму».

Большая часть чехословацких солдат, которые воевали против советского народа, была обманута националистической демагогией командования. Им говорили, что, воюя против большевизма, они ведут войну с Германией и Австрией, которые якобы являются союзниками Советского правительства. Войну против Советской державы они преподносили как борьбу за свободу народа. В конце концов военные поражения интервентов и демонстрации трудящихся в Чехословакии принудили чехословацкое командование заключить с Советским правительством перемирие 7 февраля 1920 г. и возвратиться через Владивосток домой. Многие солдаты и офицеры чехословацких легионов поняли свою трагическую ошибку и на своей родине стали борцами за дружбу с Советским Союзом. Они разоблачали лживый миф о роли чехословацких легионов в революционной России. Одним из первых был писатель Ярослав Кратохвил, выступивший в 1922 г. с книгой «Дорога революции». Активными организаторами различных обществ, а впоследствии и Союза друзей Советского Союза стали бывшие легионеры: писатели Франтишек Лангер, Йозеф Копта, Йозеф Грегор Тайовский и другие. Они активно выступали против реакционных деятелей, каким был, например, драматург Рудольф Медек, один из главных создателей так называемой легионерской легенды.

Рабочий класс Чехословакии вел успешную борьбу в защиту молодой Советской России, которой угрожали силы империализма. Рабочим удалось организовать бойкот переправки оружия через Чехословакию польским интервентам, они вели борьбу под лозунгом «Руки прочь от Советской России», организовывая Дни солидарности с Советской Россией.

После поражения интервентских и белогвардейских войск интернациональная пролетарская солидарность трудящихся Чехословакии была направлена на помощь ослабленной войной Советской России. В 1921 г. Советскую страну постигла катастрофическая засуха; особенно жестокий голод был в Поволжье. 2 августа 1921 г. в Чехословакии был создан Рабочий совет русского фонда помощи, который призвал к сбору средств в помощь голодающим в России. Рабочие обязались отработывать в фонд помощи один час в неделю. Под давлением трудящихся даже буржуазное правительство, которое упорно отвергало признание Советского государства, вынуждено было создать постоянную межминистерскую комиссию. Таким образом, фонд стал буквально всенародным делом. За неполные четыре месяца было собрано 3 млн золотых франков, благодаря чему Чехословакия стала страной, оказавшей самую значительную помощь голодающим (в расчете на 1 жителя). В этой акции приняли участие писатели и художники левой ориентации. Они издали тиражом 10 тыс. экз. сборник «Чешские коммунисты: писатели и художники — Советской России», а полученные от распродажи сборника средства передали в фонд помощи. В сборнике первым было напечатано известное стихотворение С. К. Нойманна «Россия Советов, привет!». Книга была иллюстрирована Вацлавом Шпалой.

В Чехословакии ежегодно праздновались годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На собраниях помимо рабочих деятелей выступали писатели, поэты, ученые левой ориентации. Влияние этой части интеллигенции уже в первые годы после революции было велико и с годами все более возрастало. Росла и ее активность в борьбе за официальное признание Советского Союза чехословацким правительством, позднее — в борьбе за заключение союзного договора, за его реализацию во время угрозы республике со стороны нацистской Германии, в борьбе против мюнхенского сговора и оккупации. Эту стихийно возникающую активность прогрессивных и демократически настроенных представителей чехосло-

вацкой творческой интеллигенции сумела поддержать и направить Коммунистическая партия Чехословакии.

Уже в середине 30-х годов было ясно, что подавляющее большинство сколько-нибудь значительных деятелей культуры стояло на стороне КПЧ и Советского Союза. Вот почему один из наиболее выдающихся чешских марксистских теоретиков искусства Бедржих Вацлавек в статье, посвященной двадцатой годовщине Великого Октября «СССР и чехословацкая литература», мог совершенно искренне констатировать: «Если бы мы обозрели всю чехословацкую книжную продукцию за последние двадцать лет, то оказалось бы, что ни одной другой стране не было уделено такого внимания, как Союзу Советских Социалистических Республик». Поборниками дружбы с СССР были такие выдающиеся представители наших народов, как проф. Зденек Неedly, С. К. Нойманн, И. Кратохвил, Я. Ольбрахт, М. Майерова, Г. Малиржова, Б. Вацлавек, Й. Гора, В. Незвал, В. Каплицкий, В. Ванчура, Э. Уркс, Ю. Фучик, Ф. К. Вейскоф, Э. Киш, Б. Матезиус, Ладислав Штолл, Э. Ф. Буриан, И. Гонзл, Ф. Кубка, П. Илемницкий, словацкие давиды. К борьбе за дипломатическое признание Советского Союза и за заключение с ним договора о дружбе присоединились и Карел Чапек и другие деятели культуры, которые были близки к так называемой группе Града, т. е. к Т. Г. Масарику и Э. Бенешу. К сожалению, большинство этой революционной и марксистски ориентированной творческой интеллигенции не дожилось до освобождения. И то, что они не принимали непосредственного участия в создании основ социализма в Чехословакии, ощущалось на каждом шагу, но особенно в 60-е годы, когда было необходимо творчески развивать теорию и практику построения развитого социализма.

В середине 30-х годов возникает качественно новое явление в чехословацко-советских отношениях. Если до этого на первом плане борьбы прогрессивных сил в Чехословакии находилась борьба в защиту Советского Союза и за его дипломатическое признание, за нормализацию отношений с ним по государственной линии, то впоследствии по мере возрастания угрозы Чехословакии со стороны фашистской Германии наши народы начинают видеть в Советском Союзе гарантию своей независимости. Наконец, во время второй мировой войны Советский Союз и его героическая армия становятся практически единственной надеждой на обретение свободы, а одновременно и на создание справедливого в социальном и национальном отношении устройства в обновленной Чехословакии. С тех пор и по сей день Советский Союз является основным гарантом социализма в Чехословакии, нашей национальной самобытности и всестороннего мирного развития наших народов. Такова была логика развития отношений — от нашей помощи молодому Советскому государству до превращения Советского Союза в главную опору счастливой жизни народов Чехословакии.

Дружба, глубокое интернациональное чувство чехов и словаков к советскому народу и его Коммунистической партии стали особенно прочными после освобождения Чехословакии славной Советской Армией, но еще более укрепились после победоносного Февраля 1948 г. Этому благоприятствовали и тесные исторические связи между братскими славянскими народами.

Чехословакия была первым государством в мире, которое начало социалистические преобразования, будучи промышленно развитой страной. Построение в ней основ социализма доказало, что были неправы ревизионисты, утверждавшие, будто марксистско-ленинская теория социалистической революции имеет значение лишь для промышленно неразвитых стран. Наш путь к социализму от национально-демократической револю-

ции был более легким именно потому, что первая социалистическая революция и первая страна социализма указали его нам и принесли свободу. Но в ходе революции, осуществленной мирным путем, не произошла четкая дифференциация между революционными и реакционными силами общества. В нашей стране были не только многочисленный рабочий класс, но и искушенная в политических махинациях буржуазия, и особенно большое количество мелкой буржуазии. В Словакии, которая была в промышленном отношении менее развитой и имела преимущественно аграрный характер, преобладали мелкие производители деревенского типа с сильными религиозными предрассудками. Освобождение нашей страны Советской Армией, самоотверженная борьба коммунистов против фашизма, за возрождение национальной и государственной независимости привели к тому, что и эти слои мелких производителей, а отчасти и буржуазные антифашистские круги стали симпатизировать социализму. Многие члены антифашистской коалиции (Национального фронта) после освобождения Чехословакии вступили в КПЧ, выражая свое удовлетворение национальным освобождением. Это естественно вытекало из их личного опыта, обретенного в столь тяжелых политических испытаниях, какими стала нацистская оккупация и борьба за самое существование нации и каждого ее члена. Однако многие из них не соглашались с политикой рабочего класса и его партии. КПЧ, потерявшая в борьбе с фашизмом более трети своих членов, свои наиболее способные кадры теоретиков, пропагандистов, агитаторов и организаторов, не могла овладеть этим огромным наплывом в партию и перевоспитать массу мелких производителей. Тем не менее КПЧ удалось воспитать сотни тысяч членов партии и беспартийных в духе преданности социализму и делу дружбы с Советским Союзом.

Наши народы под руководством партии успешно построили основы социализма во всех областях общественной жизни. Исчезла нужда, безработица, отсталость сельского хозяйства. Словакия стала развитой в промышленном и культурном отношении. Эти успехи были достигнуты благодаря тому, что трудящиеся массы могли использовать советский опыт. Вследствие недостаточного овладения марксистско-ленинской теорией этот опыт использовался не всегда творчески, в политической практике обнаружались тенденции субъективизма. На рубеже 50—60-х годов, когда были построены основы социализма, не было еще выработано конкретное представление о дальнейшей перспективе развития общества. Это привело наше общество к застою, особенно в области экономики, к политическим колебаниям и недовольству значительной части граждан, особенно молодого поколения и интеллигенции. Возникла благоприятная ситуация для действий контрреволюции под лозунгом «улучшения» социализма, «социализма с человеческим обликом». Враги социализма вынуждены были использовать эту тактику маскировки, поскольку несмотря на имевшие место ошибки и трудности социализм укоренился в сознании и образе жизни народа. Контрреволюционные силы и зарубежные империалистические центры пытались осуществить постепенную реставрацию капитализма. Благодаря помощи Советского Союза и других стран Варшавского Договора в августе 1968 г. марксисты-ленинцы смогли перейти к действительному наступлению на контрреволюцию и правых.

После апрельского пленума ЦК КПЧ в 1969 г., когда было избрано новое руководство КПЧ во главе с Густавом Гусаком, даже наиболее оптимистически настроенным людям казалось, что консолидация будет весьма длительным процессом. Тем не менее быстро стали осуществляться благотворные изменения. Уже через два года на XIV съезде КПЧ можно было констатировать, что правые в Чехословакии как в организационном, так и в политическом отношении потерпели полное поражение. Твердое

партийное руководство во главе с Г. Гусаком сумело положить конец колебаниям неустойчивых слоев трудящихся, особенно интеллигенции, указав им верный путь к преодолению кризиса. Партия смогла опереться на позитивный опыт и громадные завоевания, достигнутые за годы построения социализма, на симпатии масс к социализму. В результате интенсивной идейно-воспитательной работы возродилось и упрочилось здоровое социалистическое сознание в массах трудящихся. В настоящий период уточненная «общечеловеческая» и якобы весьма гуманистически сформулированная антикоммунистическая так называемая «хартия—77» не только не нашла благоприятного отклика в массах, но вызвала бурю негодования в адрес ее авторов и пропагандистов. Это, правда, не означает, что борьба с правыми силами в области идеологии уже полностью завершена. Кроме того, в непосредственной близости к нашим границам находится империалистический мир, откуда неустанно доносятся сладкозвучные по форме, но подрывные, антикоммунистические и антисоветские по сути выступления.

Весь ход мировой и чехословацкой истории за последние 60 лет, путь, который открыла Великая Октябрьская социалистическая революция, подтвердил историческую правоту марксизма-ленинизма. Он показал, что творческое применение и развитие марксизма-ленинизма обеспечивает успешное построение нового общества, удовлетворение постоянно растущих запросов людей труда, а уклонение от него в сторону догматического сектанства или правого оппортунизма порождает заблуждения, недостатки и существенные ошибки. Говоря о чехословацко-советской дружбе необходимо подчеркнуть, что Советский Союз обеспечивает ЧССР сырьем, которого у нее не хватает, что он одновременно является постоянным потребителем изделий нашей развитой промышленности. Это имеет большое значение и для отношений ЧССР с капиталистическими странами. Наша дружба с Советским Союзом базируется на прочных основах социалистического интернационализма. Осознание необходимости пролетарского единства и социалистического интернационализма является основной предпосылкой социалистического патриотизма. ЧССР опирается на Советский Союз как на первую и самую большую социалистическую страну и совместно с ней и другими странами социалистического содружества выполняет свой интернациональный долг — способствует прогрессу человечества. Наш рабочий класс имеет богатые, 60-летние традиции такого искреннего и бескорыстного дружеского сотрудничества с СССР.

Сегодня, когда народы ЧССР и Советского Союза в духе решений XV съезда КПЧ и XXV съезда КПСС строят развитое социалистическое и коммунистическое общество, чувство интернационального единства приобретает характер социалистического патриотизма.

Социалистическая экономическая интеграция создает предпосылки для сближения не только жизненного уровня, но и общественной психологии народов нашего содружества. Ощущение прочного интернационального единства, чувство гордости успехами социалистического содружества, таким образом воплощается в социалистическом патриотизме. В Советском Союзе возник новый тип исторической общности людей — советский народ, сформировался также новый, советский патриотизм у всех наций и народностей СССР.

По случаю 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и мы в Чехословакии более, чем когда-либо ранее, осознаем важность и необходимость интернационального единства в совместной борьбе за упрочение социалистического содружества, за мир во всем мире. Опыт Советского Союза и опыт других стран нашего содружества убедительно показывают, что никакая сила в мире не может воспрепятствовать победоносному шествию, начатому Великим Октябрем.

Г. М. СЛАВИН

КАК ТРУДЯЩИЕСЯ ЮГОСЛАВИИ ПРАЗДНОВАЛИ ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Великий Октябрь и героическая борьба рабочих и крестьян России за власть Советов, за строительство нового, социалистического общества встретили горячую поддержку миллионов и миллионов трудящихся во всем мире.

«...Именно эта поддержка, — указывал В. И. Ленин, — именно сочувствие к нам трудящихся масс — и рабочих и крестьянских, земледельческих масс — во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия закончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплён... что он оказал действие на все страны»¹.

Королевская Югославия была одной из стран, которые можно было отнести к числу «наиболее нам враждебных». Она стала такой по вине ее реакционных правителей, выполнявших волю международного империализма. Страшась «бацилл большевизма», правящие круги Югославии преследовали всякое проявление симпатий к СССР, предоставили убежище и материальную помощь белоэмиграции и ее вооруженным силам. Но они не смогли помешать большому отряду югославских рабочих и крестьян принять участие в боях за победу и утверждение Советской власти. Как отмечено в вышедшем недавно сборнике документов и материалов об участии югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР, югославянские интернационалисты своей самоотверженной борьбой за дело Октябрьской революции и непосредственным участием в революционных боях на земле Советской России внесли достойный вклад в благородное дело интернациональной сплоченности трудящихся, вступив вместе с представителями многих других народов в ряды защитников завоеваний социалистической революции в России².

Правители королевской Югославии не смогли также предотвратить развитие в стране революционного рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения, мощный толчок которому дал Великий Октябрь. Октябрьская социалистическая революция и первая страна социализма явились для трудящихся Югославии, по выражению одного из ее писателей, «священным огнем», который освещал им путь к завоеванию свободы и независимости.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 293.

² См. «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Сборник документов и материалов. М., 1976, с. 8.

По этому пути трудовой народ Югославии вела Коммунистическая партия. В ее создании (1919 г.) принимали активное участие и коммунисты, вернувшиеся из Советской России, видевшие, как на деле осуществляются ленинские идеи, и ставшие их убежденными пропагандистами у себя на родине.

Коммунистическая партия Югославии, вступившая в III-й Интернационал, ставила своей программной целью борьбу за установление диктатуры пролетариата, за построение социалистического общества. Она придавала первостепенное значение распространению ленинских идей, изучению опыта Великого Октября, популяризации достижений страны рабочих и крестьян.

Период между двумя мировыми войнами был для Югославии периодом постоянного национального, политического и экономического кризиса. Только Коммунистическая партия, вооруженная идеями Октября, могла указать народам страны реальный выход из этого кризиса, открыть перед ними социалистическую перспективу.

«В течение всего этого периода, — отмечал впоследствии И. Броз Тито, — Коммунистическая партия Югославии видела в Советском Союзе, как в первой стране социализма, опору и образец, который показывал, чего можно было достичь даже за короткое время в отсталой и экономически неразвитой стране, какой была царская Россия, когда в ней ликвидирована эксплуататорская власть помещиков и капиталистов и ее развитие направлено по пути социализма»³.

Распространение правды о Советском Союзе имело огромное значение для развития революционного движения в Югославии, для роста авторитета и влияния КПЮ. Подпольная коммунистическая печать и отдельные легальные издания, коммунисты и комсомольцы, прогрессивно настроенные интеллигенты разъясняли массам внутреннюю и внешнюю политику СССР, говорили о нем, как об оплоте мира, свободы и независимости народов. Слово правды о Советской стране особенно звучало в Югославии в дни празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с документами, содержащимися в сборнике «Октябрь в Югославии»⁴. Как справедливо отмечает в предисловии к сборнику академик М. Апостольский, годовщины Октября были своеобразным показателем отношения югославского революционного движения к Октябрю и его социалистическим завоеваниям, с одной стороны, и отношения к своим собственным задачам — с другой. Каждая годовщина Октября использовалась как повод для того, чтобы отметить и популяризовать важнейшие достижения социалистического строительства в СССР, выступить за мир и сотрудничество с Советской страной.

Вместе с тем КПЮ умело связывала пропаганду завоеваний социализма в СССР с актуальными вопросами революционного движения в Югославии. Так, почти во всех документах, представленных в сборнике, идет речь о борьбе СССР за мир, об успехах социалистической реконструкции народного хозяйства и осуществлении планов индустриализации, о жизни советского крестьянства, получившего землю и вступившего на путь кооперирования, о ленинском решении национального вопроса в Советском Союзе и равноправии его народов, о культурной революции, о неуклонном укреплении обороноспособности Советской страны, о патриотизме и интернационализме ее граждан. Указывая на преимущества

³ И. Б р о з Т и т о. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 40.

⁴ «Oktobar u Jugoslaviji. 1918—1945». Izbor dokumenata o godišnjicama Oktobra. Beograd, 1967.

социалистического строя, КПЮ убеждала народы Югославии в необходимости последовать примеру страны Октября.

Опираясь на документы сборника «Октябрь в Югославии», можно проследить, как трудящиеся отмечали и праздновали каждую Октябрьскую годовщину — и в период между двумя войнами (1918—1941), и во время народно-освободительной войны и социалистической революции (1941—1945). Но рамки статьи ограничивают автора. Поэтому будет приведено лишь несколько примеров, относящихся к межвоенному периоду и более подробно охарактеризованы обстановка и празднование годовщин Великого Октября в Югославии во время народно-освободительной войны.

Поднявшись в 1941 г. под руководством КПЮ на борьбу против фашизма, народы Югославии сражались в едином строю с народами Советского Союза. В годы народно-освободительной войны трудящиеся Югославии впервые получили возможность — на освобожденных территориях — открыто выразить свои симпатии и любовь к стране социализма. Эти манифестации дружбы и братства были особенно яркими и впечатляющими в годовщины Великого Октября.

Первое организованное празднование дня победы рабочих и крестьян России было проведено в Югославии в 1919 г. 4 ноября 1919 г. Исполнительный комитет Центрального партийного вече Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) — так до II съезда называлась КПЮ — обратился ко всем организациям в Югославии с призывом провести 7 ноября, в день второй годовщины Октябрьской революции, митинги и выразить не только свою солидарность, но и готовность защищать завоевания революции⁵. Этот призыв нашел широкий отклик. Во многих городах были проведены митинги и забастовки протеста против империалистической интервенции и попыток Антанты задуть «Русскую коммуну», как называли тогда Советскую страну югославы. На собраниях трудящихся выступали активисты партии и среди них коммунисты — участники борьбы за победу Советской власти. Партийная печать, тогда еще легальная, опубликовала к годовщине Октября многочисленные статьи. Газета «Радничке новине» в передовой статье подчеркнула, что победа пролетарской революции в России стала возможной лишь благодаря неутомимой борьбе и неисчерпаемой энергии большевистской партии⁶. В приложении к праздничному номеру газеты были напечатаны два отрывка из работы В. И. Ленина «Государство и революция».

Октябрьской социалистической революции посвятили свои статьи и газеты, издаваемые областными организациями СРПЮ(к): «Глас слободе» (Сараево), «Нова истина» (Загреб), «Радничка стража» (Вуковар) и другие.

Революционная солидарность с трудящимися Советской России — под этим лозунгом проводились все манифестации трудящихся Югославии в ноябрьские дни 1919 г.

Подводя итоги сообщениям с мест о праздновании второй годовщины Октября, газета «Радничке новине» писала: «Югославский пролетариат и на этот раз продемонстрировал свои глубокие симпатии и готовность принести любые жертвы для оказания помощи и защиты Великой революции русских рабочих и крестьян, которую он считал и будет считать своим собственным делом»⁷. В выступлениях ораторов на собраниях трудящих-

⁵ «Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1973, с. 402.

⁶ Там же.

⁷ «Oktober u Jugoslaviji. . .», с. 84.

ся доминировала та же мысль: «Героическое дело Русской коммуны — дело пролетариата всех стран»⁸.

Празднование годовщины Великого Октября в королевской Югославии в 1919 г. проводилось легально, но вскоре Коммунистическая партия была запрещена и ушла в подполье. Правители страны жестоко преследовали друзей и сторонников Советской России, участвовали во всех анти-советских кампаниях, организуемых империалистическими державами.

В январе 1929 г. в стране была установлена монархическая диктатура, которая обрушила новые свирепые репрессии на всех противников режима и особенно яростно преследовала малейшие проявления интереса и симпатий к Советскому Союзу.

Но и с помощью зверского террора диктаторскому режиму не удалось воспрепятствовать продолжению деятельности КПЮ. Только в течение 4 месяцев после установления диктатуры — с января по май 1929 г. — организации КПЮ по всей стране сумели издать около 300 тыс. экземпляров листовок, воззваний и других пропагандистских материалов⁹.

Неудивительно, что задолго до исполнявшейся в 1929 г. 12-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции весь полицейский аппарат Югославии был мобилизован для того, чтобы не дать трудящимся отметить пролетарский праздник. Еще в октябре 1929 г. министерство внутренних дел направило с этой целью шифрованную директиву всем губернаторам провинций и другим высокопоставленным чиновникам. В ней сообщалось, что Коммунистическая партия Югославии распространяет пропагандистские материалы, в которых призывает достойно отметить годовщину Октября. В связи с этим министерство приказывало принять строжайшие меры против организаторов празднования. В директиве великому жупану Белграда от 31 октября 1929 г. министерство требовало не допустить коммунистических демонстраций 7 ноября, а со 2 по 5 ноября у всех еще не подвергшихся аресту коммунистов и сторонников КПЮ провести обыски, изъять пропагандистские материалы и виновных предать суду¹⁰.

Накануне годовщины Великого Октября полиция приняла особые меры. Так, например, в ночь с 6 на 7 ноября город Великий Бечкерек был наводнен полицейскими агентами. Под особым наблюдением находились рабочие местных предприятий и железнодорожных мастерских.

Но и в таких тяжелых условиях трудящиеся сумели отметить знаменательный день. К нему готовились заранее — еще 9 октября 1929 г. Политбюро ЦК КПЮ приняло решение о праздновании годовщины Октябрьской революции. О том, как выполнялось это решение, свидетельствует листовка, изданная краевыми комитетами КПЮ и Союза коммунистической молодежи в Словении и озаглавленная «12-летие русской революции». 5 ноября 1929 г. вечером эта листовка появилась на многих улицах Любляны. Полиция ответила новыми арестами.

В листовке отмечалось, что Октябрьская революция — крупнейшее событие XX века, что она принесла свободу трудящимся России. Говоря о достижениях Советской страны, листовка в то же время указывала на тяжелое положение трудящихся Югославии и призывала их к борьбе против монархической диктатуры¹¹.

Вторая половина тридцатых годов характеризовалась дальнейшим развитием революционного движения в Югославии, которым руководила КПЮ во главе с Иосипом Броз Тито. Партия за эти годы, несмотря на

⁸ Ibid., s. 33.

⁹ Ibid., s. 298.

¹⁰ Ibid., s. 300.

¹¹ Ibid., s. 327.

гонения и преследования, выросла в крупную силу, оказывавшую значительное влияние на политическую жизнь страны. В октябре 1940 г. состоялась V конференция КПЮ, которая, оценив внутреннее и международное положение Югославии, выдвинула лозунг о создании народной власти, опирающейся на союз рабочих и крестьян¹². Этот лозунг коммунисты несли в массы и вселяли в них веру в победу, ссылаясь на пример российского пролетариата и крестьянства. В своем воззвании к рабочим, крестьянам и солдатам в связи с 23-й годовщиной Великого Октября ЦК КПЮ подчеркивал огромное значение прочного рабоче-крестьянского союза. ЦК отмечал, что трудящиеся России одержали победу в Октябре в условиях еще более тяжелых, чем те, которые сложились в Югославии, «но они победили потому, что рабочий класс создал могучий союз с крестьянством. Они победили потому, что было достигнуто единство рабочего класса, потому, что им руководила самая революционная партия, партия большевиков...»¹³.

Сохранилось мало документальных материалов о том, как народы Югославии отмечали предвоенную годовщину Великого Октября. Но все они показывают, каким огромным авторитетом пользовался Советский Союз у трудящихся Югославии, настойчиво требовавших от правительства проведения политики дружбы и союза с СССР.

Накануне 7 ноября 1940 г. в ряде мест в Черногории на стенах домов появились пятиконечные звезды с серпом и молотом и надписи: «Да здравствует 7 ноября, день победоносной социалистической революции»¹⁴. В Словении на тайных сходках были прочитаны доклады об Октябре.

Нелегальные газеты сербских и хорватских коммунистов «Глас радного народа» и «Срп и чекич» напечатали передовые статьи о 23-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. «В чем значение Октябрьской революции сегодня? — ставила вопрос газета „Срп и чекич“. — В том, что нам Октябрь и подготовка Октября в разгар империалистической войны 1917 г. показывают пример того, как нужно вести борьбу и как готовиться к решающим боям за окончательное уничтожение причин всех империалистических войн — капитализма»¹⁵.

Летом 1941 г. народы оккупированной Югославии по зову Коммунистической партии взялись за оружие, чтобы изгнать порабощителей, добиться национального и социального освобождения, совместно с народами Советского Союза, со всей антигитлеровской коалицией разгромить фашизм. Восстание переросло в народно-освободительную войну, в социалистическую революцию.

Уже осенью 1941 г. югославская партизанская армия добилась больших успехов. Были освобождены значительные территории, которыми управляли народно-освободительные комитеты. Город Ужице в Западной Сербии стал центром обширного повстанческого района, названного народом «Ужицкой республикой». Уже само это название говорило о том, что трудящиеся массы связывают успехи партизан с грядущими социальными переменами.

Коммунистическая партия рассматривала освободительные комитеты как прообраз органов народной власти, как мощное оружие освобождения и уделяла исключительное внимание их укреплению¹⁶. КПЮ заботилась о том, чтобы комитеты в своей работе использовали революционный опыт

¹² См. «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, с. 294.

¹³ «Oktobar u Jugoslaviji. . .», s. 467.

¹⁴ Ibid., s. 319.

¹⁵ Ibid., s. 483.

¹⁶ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», том I, књ I. Београд, 1949, с. 18.

народов Советского Союза и в своих изданиях систематически популяризировала этот опыт.

Успехи югославских партизан в борьбе против оккупантов и их пособников получили высокую оценку на страницах советской печати. «Антигитлеровский фронт в Югославии» — так была озаглавлена опубликованная в «Правде» 10 октября 1941 г. статья, посвященная освободительной борьбе югославских народов. Отметив, что ничто не может остановить могучего подъема народной войны, которую ведут югославские партизаны против оккупантов, «Правда» подчеркивала тесную связь этой войны с Великой Отечественной войной советского народа¹⁷.

Стремление братских народов Советского Союза и Югославии поддерживать друг друга в дни серьезных испытаний ярко проявилось осенью 1941 г. В конце сентября фашистское командование начало крупное наступление на партизанские войска в Западной Сербии. Сообщения, приходящие в Советский Союз из Югославии, говорили о стойкости и мужестве партизан и югославского народа. 28 октября 1941 г. партизанская газета «Борба» — орган КПЮ — опубликовала переданную московским радио статью из «Правды», в которой отмечалось, что югославы и народы других оккупированных стран вместе с советским народом поднялись на борьбу за свою свободу¹⁸.

Октябрьские дни 1941 г. были очень тяжелыми в истории Советского Союза. Гитлеровские полчища вели бои на подступах к Москве. Но воины Красной Армии, весь советский народ, руководимый Коммунистической партией, сумели остановить фашистские армии. И хотя положение продолжало оставаться тревожным и напряженным, Москва вместе со всеми трудящимися страны готовилась достойно отметить 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Вместе с советским народом годовщину Октября отмечали и трудящиеся Югославии — на очищенных от оккупантов территориях, впервые за многие годы свободно. Положение партизанской столицы — Ужице — также было тяжелым, фашистские войска развивали наступление и угрожали вновь оккупировать ранее освобожденные районы. Но КПЮ решила организовать и провести празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Оно превратилось в демонстрацию дружбы и сотрудничества народов Югославии и СССР.

В лозунгах ЦК КПЮ в связи с 24-й годовщиной Великого Октября провозглашалась здравица в честь Советского Союза — строителя социализма, знаменосца прогресса и культуры, страны братства между людьми и народами, в честь непобедимой рабоче-крестьянской Красной Армии — залого победы поработенных народов над фашистскими угнетателями, в честь нерушимого союза народов Югославии и СССР¹⁹.

Газета «Борба» рекомендовала осуществить следующую программу подготовки к празднованию годовщины Октября: провести лекции и собрания, посвященные Октябрьской революции, выпустить листовки и плакаты, изготовить портреты советских руководителей и полководцев, провести культурные мероприятия, всеми средствами как можно лучше отпраздновать этот великий день.

«Пусть наши партизанские отряды славят героические дела Красной Армии и советских партизан, пусть наши села славят русских крестьян-колхозников, которые храбро защищают свою родину, пусть наши женщины и молодежь говорят всем и каждому о героических подвигах советских женщин и молодежи, пусть наши рабочие говорят о патриотизме

¹⁷ «Правда», 1941, 10 октября.

¹⁸ «Исторический архив КПЮ», т. I, кн. 1, с. 82.

¹⁹ Там же, с. 98.

русских рабочих, которые своим беспримерным мужеством показывают всему международному пролетариату, как нужно защищать родину, которые работают по-ударному, по-стахановски для фронта, снабжая Красную Армию и советских партизан самым лучшим и самым совершенным оружием и снаряжением»²⁰.

Эта рекомендация «Борьбы» хорошо передает атмосферу, в которой в Югославии отмечалась 24-я годовщина Октября.

Руководства коммунистических партий и организаций Сербии, Словении, Черногории, Македонии и других краев Югославии обратились в связи с этой знаменательной датой с воззваниями к трудящимся, в которых призывали всемерно поддерживать справедливую борьбу Советского Союза против фашизма. Партизанское командование издало приказы, в которых предлагало отметить знаменательную дату дальнейшей мобилизацией антифашистских сил. В приказе Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов в Черногории и Боке говорилось, что в день 7 ноября «все командиры должны провести смотр оружия. Все партизаны в строю и народ на собраниях должны минутой молчания почтить память борцов, павших за освобождение, а также воинов Красной Армии, павших в борьбе за освобождение человечества от фашистского ярма»²¹.

7 ноября 1941 г. в Ужице состоялась праздничная демонстрация, в которой приняли участие бойцы партизанских отрядов и трудящиеся города и окрестностей. Она завершилась торжественным митингом. Во главе демонстрантов шли знаменосцы с флагом СССР и партизанским флагом²².

Свободное празднование 24-й годовщины Октябрьской социалистической революции в Ужице было единственным в оккупированных фашистами европейских странах и осталось навечно в памяти народов Югославии и Советского Союза.

Во время празднования годовщины Великого Октября в Советском Союзе руководители Коммунистической партии и Советского правительства, видные военачальники еще раз подтвердили, что целью Отечественной войны является не только ликвидация опасности, грозившей Советской стране, но и помощь народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании²³. При этом особо была отмечена освободительная борьба народов Югославии — о ней говорили маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и С. К. Тимошенко на парадах Красной Армии 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве и Воронеже²⁴.

«Недалеко то время, когда все ограбленные и униженные славянские народы, подобно югославским партизанам, двинутся на своих озверелых фашистских врагов и сметут их с лица земли...»²⁵.

Эти слова маршала Ворошилова дошли до югославских партизан — «Борба» напечатала его речь на первой странице. «Важная и ценная похвала маршала Ворошилова еще больше увеличит готовность патриотов Югославии полностью изгнать оккупантов с родной земли»²⁶, — писала газета.

²⁰ Там же, с. 110.

²¹ «Oktober u Jugoslaviji...», с. 543.

²² «Ужичка република прославља Октобарску револуцију», Титово Ужице, 1967, с. 53—60.

²³ См. «Правда», 1941, 7 ноября.

²⁴ См. «Правда», 1941, 9 ноября.

²⁵ Там же.

²⁶ «Историјски архив КПЈ», т. I, кн. 1, с. 251.

Осенью 1941 г., в дни гигантской битвы под Москвой, в 24-ю годовщину Великого Октября трудящиеся Югославии душой были с трудящимися Советского Союза ²⁷.

Твердая вера югославских партизан в мощь Советского Союза помогала им преодолевать огромные трудности. В дни сражения под Москвой они вели несравнимую по масштабам, но тяжелейшую и кровавую битву под Ужице против фашистских оккупантов и их пособников. Лишая фашистское командование возможности перебрасывать из Югославии подкрепления на Восточный фронт, югославские партизаны помогали Красной Армии.

1942 г. стал переломным для освободительных сил Югославии. В течение этого года, несмотря на трудные испытания, было подготовлено объединение партизанских отрядов в Народно-освободительную армию, закладывались основы новой государственности в форме постоянных органов власти — народно-освободительных комитетов ²⁸.

Внутренними факторами, обеспечившими перелом в ходе освободительной войны, были организующая и направляющая деятельность Коммунистической партии, готовность народных масс сражаться под ее руководством за национальное и социальное освобождение. Важнейшим внешним фактором было существование Восточного фронта, который поглощал основные силы гитлеровской армии, требовал все новых и новых пополнений.

Летом и осенью 1942 г. на Восточном фронте развернулись ожесточенные бои. Фашистским армиям удалось создать непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Советская страна оказалась в тяжелом положении.

В дни Сталинградского сражения с особой силой проявились взаимные симпатии советского и югославского народов. Трудящиеся Югославии с напряженным вниманием следили за гигантской битвой на Волге. Они не верили фашистской пропаганде, твердившей о победе, и были убеждены, что Красная Армия заставит вражеские дивизии повернуть вспять. В дни, когда гитлеровская армия рвалась к Сталинграду, партизаны горели желанием нанести как можно больший урон фашистским войскам в Югославии, не допустить их переброски на Восточный фронт.

Вручая 17 октября 1942 г. знамя второй Пролетарской бригаде, И. Броз Тито отметил, что волна народного восстания захлестнула все края Югославии, что оно ныне разгорелось со всей силой в Далмации, Хорватии, Словении, Западной Боснии ²⁹. Руководитель освободительной борьбы югославского народа еще раз подчеркнул ее неразрывную связь с Отечественной войной советского народа. «Мы гордимся тем, — заявил И. Броз Тито, — что мы союзники и соратники великого Советского Союза в нынешней сверхчеловеческой борьбе против злейшего врага человечества — немецкого фашизма и его сателлитов» ³⁰.

²⁷ Их чувства хорошо передал один из югославских партизанских командиров, ныне писатель Велько Ковачевич, рассказавший, с каким волнением в те ноябрьские дни в Югославии ждали передач Московского радио: «Москва продолжала молчать. . . И вдруг мы услышали хорошо знакомый голос: „Дорогие радиослушатели! По техническим причинам в радиопередачах произошел небольшой перерыв“. Затем раздалась песня „Широка страна моя родная“. Со слезами радости мы обнимали друг друга. Москва не пала. И не падет! В те страшные дни ничто не могло поколебать нашу веру в грядущую победу первой страны социализма». В. К о в а ч е в и ч. Капельские костры. М., 1966, с. 7.

²⁸ Р. М о г а џ а. Prelomna godina narodno-oslobodilačkog rata. Beograd, 1957, s. VIII.

²⁹ Ј. Б р о з Т и т о. Борба за ослобођење Југославије 1941—1945. Београд, 1947, с. 83.

³⁰ Там же, с. 91.

Наглядным проявлением единства, дружбы и сотрудничества югославского и советского народов явились подготовка к празднованию и само празднование на освобожденных и неосвобожденных территориях Югославии 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Центральный комитет КПЮ призвал рабочих и крестьян, бойцов и командиров Народно-освободительной армии, все народы Югославии провести этот праздник под знаком единства со страной социализма, мобилизовать все силы на помощь фронту для борьбы с оккупантами и их приспешниками³¹. Центральный комитет Коммунистической партии Хорватии обратился с призывом к хорватскому трудовому народу превратить день 7 ноября 1942 г. в день всенародной мобилизации на борьбу с врагом³².

Во время подготовки к празднованию годовщины Октября организации КПЮ, руководство партизанских отрядов и народно-освободительных комитетов выпустили плакаты и листовки, провели собрания и митинги, посвященные Советскому Союзу.

4 ноября 1942 г. 6 партизанских бригад штурмом взяли укрепленный город Бихач (Западная Босния), освободив при этом значительную территорию. «Освобождение Бихача — октябрьское приветствие наших партизан советским братьям» — под таким заголовком было опубликовано сообщение Верховного штаба об этой важной победе партизан³³.

На неосвобожденных территориях в честь годовщины Октября также был осуществлен ряд вооруженных выступлений и диверсий³⁴.

В связи с 25-й годовщиной Октябрьской революции один из комитетов КПЮ на оккупированной территории обратился к итальянским солдатам с призывом присоединиться к партизанам и таким путем отметить день Великого Октября³⁵. «Маяк свободы, маяк, который зажгла Великая Октябрьская революция, светит неугасимым огнем», — писала газета «Далматински партизан»³⁶.

Помещенная в «Борбе» статья «Четверть века Великого Октября» была посвящена боевому советско-югославскому сотрудничеству. Каждый успех героической Красной Армии вызывает радость в сердцах наших народов и бойцов Народно-освободительной армии Югославии. Каждый успех нашей армии радостно отзывается в сердце всего советского народа — писала газета³⁷.

К концу 1942 г. НОАЮ освободила одну пятую территории страны — более 45 тысяч квадратных километров. Большая свободная территория образовалась благодаря изгнанию оккупантов и их пособников из Центральной и Западной Боснии, а также Лики, Кордуна, Бании и ряда районов Далмации. Центром этой территории был г. Бихач, где находились ЦК КПЮ и Верховный штаб.

Здесь, после славной Ужичкой республики 1941 г., просуществовавшей 67 дней, образовалась так называемая Бихачская республика. Здесь начинало свою деятельность Антифашистское вече народного освобождения Югославии. Она была направлена на упрочение народной власти и ее органов — освободительных комитетов.

1943 г. начался под знаком победы Красной Армии на Волге. Эхо Сталинградской битвы особенно отозвалось в оккупированных фашистами

³¹ «Oktoibar u Jugoslaviji. . .», s. 600.

³² Ibid., s. 616.

³³ «Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije», t. I, knj. 2, s. 164.

³⁴ «Борба», 7 XI 1967.

³⁵ «Oktoibar u Jugoslaviji. . .», s. 651.

³⁶ Ibid., s. 655.

³⁷ «Istorijski arhiv KPJ», t. I, knj. 2, s. 140.

странах. В то время как Красная Армия зимой 1942—1943 гг. наносила новые удары по врагу, народы Югославии, Греции, Польши и других стран антигитлеровской коалиции усиливали освободительную борьбу. Анализируя развитие этой борьбы в 1942 г. и ее результаты, «Правда» в январе 1943 г. писала: «По-прежнему впереди всех поработанных стран Европы, борющихся за свое освобождение от гитлеровской тирании, идет Югославия»³⁸.

Весной и летом 1943 г. Народно-освободительная армия блестяще выдержала новое испытание. Очередное наступление фашистских войск потерпело провал. Воины НОАЮ покрыли себя неувядаемой славой в битвах на Неретве и Сутьеске.

Лето 1943 г. было ознаменовано большими сражениями на советско-германском фронте, особенно в районе так называемой Курской дуги. Выиграв битву под Курском, Красная Армия перешла в наступление. Ее сокрушительные удары облегчали действия союзников в бассейне Средиземного моря, привели к капитуляции Италии. Это событие имело важное значение для дальнейшего развития народно-освободительного движения в Югославии, роста и укрепления НОАЮ. Части НОАЮ и партизанские отряды разоружили большинство из 15 итальянских дивизий, находившихся в Югославии. Их оружием вооружились новые десятки тысяч югославских воинов³⁹.

«Народно-освободительная армия все больше становится в глазах мировой общественности единственной действительной силой в стране, а Антифашистское вече народного освобождения Югославии — единственным представителем народа»⁴⁰, — отмечал бюллетень Верховного штаба НОАЮ.

В середине октября 1943 г. в Москве, под председательством генерал-лейтенанта А. С. Гундорова, состоялся очередной пленум Всеславянского комитета. На нем было отмечено, что удары Красной Армии по врагу дополняются боевыми действиями бесстрашных советских партизан, а также партизан, действующих в оккупированных странах. Особо были выделены успехи югославских партизан. В приветствии, направленном пленумом генералам, офицерам и солдатам Народно-освободительной армии Югославии и югославским партизанам говорилось: «Все свободлюбивое человечество с гордостью и радостью следит за вашей мужественной борьбой. Ваши успехи вдохновляют народы других поработанных Гитлером стран... Свободолюбивые народы никогда не забудут, что на протяжении двух с половиной лет героическая Народно-освободительная армия сковывала и заставляла истекать кровью более 30 фашистских дивизий»⁴¹.

Это дружественное приветствие было отправлено в момент, когда Народно-освободительной армии и партизанским отрядам пришлось вновь вести ожесточенные бои с германо-фашистскими войсками, стремившимися восстановить утраченные ими на побережье Адриатики позиции.

В то время как Народно-освободительная армия отражала атаки гитлеровцев, Красная Армия выиграла стратегическую битву за Днепр и продолжала продвигаться на запад. 6 ноября 1943 г. была освобождена столица Украины.

³⁸ «Правда», 1943, 19 января.

³⁹ J. Б р о з Т и т о. Стваране и развој Југословенске армије. Београд, 1949, с. 257.

⁴⁰ «Зборник докумената и података о народно-ослободилачком рату југословенских народа», т. II. Београд, 1949, с. 315.

⁴¹ «Красная звезда», 1943, 19 октября.

В связи с 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и освобождением Киева народам СССР от имени народов Югославии были направлены многочисленные приветствия, проникнутые чувством боевой дружбы⁴².

Годовщина Великого Октября была отмечена во многих городах и селах Далмации, Лики, Кордуна, Бании, Загорья, Славонии, Словении, Истрии, Западной и Восточной Боснии, Срема, Шумадии, Санджака, Черногории, Герцеговины, Косова и Метохии, Македонии, ее празднование послужило новым стимулом для борьбы народов Югославии за свободу⁴³.

Центральный Комитет КПЮ в обращении к народам Югославии в связи с праздником Великого Октября писал, что этот праздник «является одновременно днем благодарности народов Югославии братским народам Советского Союза и нашей твердой воли плечом к плечу с ними еще решительней продолжать борьбу за полное уничтожение фашистского чудовища»⁴⁴.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые гитлеровцами во время осеннего наступления, они уже не могли изменить ход событий в Югославии. Ее народы встречали 26-ю годовщину Великого Октября в обстановке дальнейшего подъема освободительного движения. Его позиции укрепились не только внутри страны, но и на международной арене. Освобожденные территории охватывали в общей сложности примерно половину всей Югославии⁴⁵. Народно-освободительные комитеты на этих территориях представляли собой единую демократическую систему власти.

Политика органов народной власти выражала общественные и материальные интересы рабочего класса и трудящихся масс, новая государственная организация все больше становилась не только мощным оружием народно-освободительной войны, но и социалистической революции, развернувшейся в рамках этой войны.

29 ноября 1943 г. стало в истории Югославии знаменательной датой, которая ныне начертана в ее гербе. В этот день в старинном городе Яйце открылась Вторая сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Она приняла решения, которые предопределяли дальнейшее развитие народно-освободительной войны и социалистической революции, явились фундаментом для строительства нового государства рабочего класса и трудящихся масс⁴⁶.

Приступая в ноябрьские дни 1943 г. к строительству новой, народной, федеративной, демократической Югославии ее трудящиеся обращали свои взоры к Советскому Союзу. «К единственному рабоче-крестьянскому государству на свете, — говорилось в прокламации Воеводинского краевого комитета КПЮ в связи с 26-й годовщиной Октября, где трудовой народ пользуется полной свободой и своим неутомимым трудом создал новое общество — социализм»⁴⁷.

Следующую, 27-ю годовщину Октябрьской социалистической революции народы Югославии встречали вскоре после освобождения своей столицы — Белграда. Еще в сентябре 1944 г. НКЮЮ заключил в Москве

⁴² «Oktober u Jugoslaviji. . .», s. 659—673.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid., s. 683.

⁴⁵ См. Б. П е т р а н о в и ч. Вклад Югославии в победу антигитлеровской коалиции. В сб. Всемирно-историческая победа советского народа. М., 1971, с. 185.

⁴⁶ См. подробней В. В. З е л е н и н. Важная историческая веха. «Советское славяноведение», № 6, 1973; Л. Я. Г и б и а н с к и й. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии. «Советское славяноведение», № 6, 1971.

⁴⁷ «Oktober u Jugoslaviji. . .», s. 701.

соглашение с Советским правительством о совместных действиях Народно-освободительной армии и Красной Армии по освобождению Восточной Сербии и Белграда. В конце сентября — начале октября советские войска пересекли югославскую границу и встретились с частями НОАЮ и югославскими партизанами. Совместные действия воинов двух братских армий увеличивали мощь их ударов, служили залогом разгрома оккупантов. В первой половине октября 1944 г. Восточная Сербия была очищена от врага.

14 октября 1944 г. начался штурм Белграда. Фашисты бешено сопротивлялись, но тщетно, 20 октября советские и югославские воины завершили освобождение столицы от захватчиков. На улицы Белграда вышло все население города. «Это были незабываемые минуты, — пишет Герой Советского Союза и Народный Герой Югославии маршал авиации В. Судец. — Повсюду стихийно возникали митинги. Югославские матери обнимали и целовали советских солдат...»⁴⁸.

Совместная борьба за освобождение Белграда навечно вошла в историю советско-югославской дружбы и боевого сотрудничества. Главнокомандующий НОАЮ маршал Тито в телеграмме, адресованной Верховному Главнокомандующему Красной Армией Маршалу Сталину писал, что «освобождение Белграда прочно скрепило братство народов Югославии с народами Советского Союза»⁴⁹. В приказе генералу П. Данчевичу было подчеркнуто, что эта великая победа завоевана сыновьями всех народов Югославии совместно с воинами Красной Армии⁵⁰.

«Советско-югославская дружба скреплена кровью» — эти слова впервые прозвучали во время боев за освобождение Югославии. В сражении за Белград погибло 2953 югославских и 1 тыс. советских воинов. Всего же на югославской земле погибло около 8 тыс. воинов Советских Вооруженных Сил⁵¹. «Неоценимы их жертвы, беспримерна их борьба», — писала в те дни газета «Политика»⁵².

Встреча с Белградом, с югославским народом произвела большое впечатление на советских участников освобождения югославской столицы. Некоторые из них, зная, что впереди еще предстоят тяжелые бои, завещали, в случае гибели, похоронить их в братской Югославии, и их воля была выполнена. На кладбище освободителей Белграда покоятся погибшие под Будапештом полковник И. А. Стрижов, полковник Б. З. Финкин, капитан К. Ф. Бездедов и другие герои⁵³.

Напряженные и кровопролитные бои, которые получили наименование «Белградская операция», имели особое значение для народов Югославии и Советского Союза. Как указано в коллективном труде советских и югославских историков, Белградская операция символизировала собой «боевое товарищество двух народов, которые в самые тяжелые времена своей истории всегда были в едином строю в борьбе против общего врага»⁵⁴.

Именно так оценивались в Советском Союзе и Югославии боевые действия двух дружественных армий осенью 1944 г. В призывах ЦК ВКП(б) к 27-й годовщине Великого Октября говорилось о героической Народно-освободительной армии Югославии, плечом к плечу с Красной Армией освобождавшей свою Родину от фашистских поработителей⁵⁵. Руководство

⁴⁸ «Правда», 1944, 20 октября.

⁴⁹ «Правда», 1944, 22 октября.

⁵⁰ «Зборник докуменata и подataka...», т. II, с. 561.

⁵¹ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, с. 280.

⁵² «Политика», 30 XI 1944.

⁵³ «Grad borbe i slobode», Beograd, 1964, s. 320.

⁵⁴ «Белградская операция», М., 1964, с. 4.

⁵⁵ «Правда», 1944, 1 ноября.

НКОЮ и НОАЮ в ответ горячо приветствовало и сердечно поздравило народы Советского Союза с 27-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции⁵⁶.

Годовщина Великого Октября теперь свободно праздновалась в освобожденном Белграде и других югославских городах и селах, как за три года до этого — в освобожденном Ужице. «Югославия непосредственно ощущает и использует завоевания Октябрьской революции, — писала в годовщину Октября газета „Глас“. — Бок о бок с нашей Народно-освободительной армией Красная Армия воюет за наши города, за наши нивы и своей кровью помогает освобождению нашего народа от оккупантов»⁵⁷.

В конце октября — начале ноября 1944 г. на освобожденных территориях развернулась широкая подготовка к празднованию годовщины Октября. Так, например, Антифашистское собрание народного освобождения Македонии 3 ноября приняло решение повсеместно торжественно отметить день 7 ноября. Листовки и плакаты призывали население принять участие в демонстрациях и митингах в честь годовщины великой революции.

Праздничные мероприятия связывались с решением актуальных в то время задач: проведением осеннего сева, восстановлением жилищ, предприятий, мостов и путей сообщения и т. п. Об этом говорилось в директивах партийным комитетам в Славонии. Окружной комитет КПЮ в Карловце рекомендовал организовать в дни праздника вручение подарков в воинских частях и госпиталях⁵⁸.

Освобождение Белграда было предвестником изгнания фашистских оккупантов со всей территории Югославии. Но предстояли еще суровые бои, и командование НОАЮ напоминало, что лучший подарок ко дню Октября — усиление ударов по врагу. Так, в приказе командования 1-й бригады 33-й дивизии после краткой характеристики значения Октябрьской революции давались конкретные указания относительно штурма двух укрепленных населенных пунктов и в заключение говорилось: «Этот великий день празднуют героическая Красная Армия и НОАЮ, усиливая борьбу против фашистских варваров на широком фронте. Этот благородный праздник должна отметить и наша бригада беспощадной борьбой против фашизма, которая будет октябрьским подарком нашим народам и нашим советским братьям»⁵⁹.

В директивном письме Политотдела 29-й Герцеговинской дивизии читаем: «7 ноября 1944 г. для нас имеет огромное значение. Оно, помимо прочего, состоит и в том, что мы празднуем этот день в обстановке боевого сотрудничества Армии Советского Союза и Армии новой Югославии, в обстановке великих побед НОАЮ»⁶⁰.

Командование ряда частей НОАЮ с гордостью сообщало о боевых успехах, одержанных в честь Октября. «После однодневных боев против фашистской группы „Штайнер“, — говорилось в донесении Главного штаба Народно-освободительной армии Македонии, — части 48-й и 49-й дивизий освободили Охрид»⁶¹. Во многих освобожденных населенных пунктах бойцы НОАЮ вместе с жителями отметили Октябрьский праздник факельными шествиями, зажигали костры на окрестных холмах.

⁵⁶ «Правда», 1944, 8 ноября.

⁵⁷ «Oktobar u Jugoslaviji. . .», s. 752.

⁵⁸ Ibid., s. 735.

⁵⁹ Ibid., s. 736.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

С особенным воодушевлением праздновали Октябрьскую годовщину в освобожденной Сербии. На митинге в Белграде присутствовало около 100 тыс. человек. «Защитник отечества» — красноармейская газета 17-й Воздушной армии, действовавшей тогда в Югославии, так описывала этот день: «7 ноября мы присутствовали в Белграде на митинге, посвященном 27-й годовщине Октябрьской социалистической революции в СССР. Это была грандиозная демонстрация любви и благодарности югославского народа к советскому народу и Красной Армии. И в первых рядах собравшихся на площади „Славия“ были те, кто с оружием в руках добывает свободу своей родной земли — бойцы, офицеры и генералы Народно-освободительной армии Югославии»⁶².

Массовые митинги и манифестации состоялись во многих других городах освобожденной Сербии.

28-ю годовщину Октября народы Югославии праздновали уже после полного разгрома фашизма и победы социалистической революции.

Подводя итоги борьбы в межвоенные и военные годы, югославские коммунисты отмечали, что победа над фашистскими захватчиками явилась продолжением того революционного процесса, начало которому было положено в Октябре. Если бы не было Октябрьской революции, если бы не было Советского Союза, — говорили они, — не было бы и победы революции в Югославии, не было бы и социалистических преобразований во многих других странах.

«Праздник Великой Октябрьской социалистической революции не только праздник советского народа, — отмечала 7 ноября 1945 г. „Борба“. — В условиях победы над фашистскими захватчиками завоевания Великого Октября остаются оружием человечества в борьбе против мрака и рабства...»⁶³. Вся нынешняя борьба свободолюбивых народов за демократическое устройство своих стран опирается на опыт и завоевания Октябрьской революции⁶⁴, — подчеркивала ту же мысль газета «Омладина».

Спустя много лет, в связи с 50-й годовщиной образования Союза ССР, Президент СФРЮ, Председатель СКЮ Иосип Броз Тито писал: «В результате победы Великой Октябрьской революции, осуществленной под руководством Ленина и КПСС, и создания первого государства рабочих и крестьян социализм стал реальностью. Тем самым был открыт путь для претворения в жизнь исторических идеалов и стремлений рабочего класса и всех народов мира»⁶⁵.

По этому пути ныне идут народы братской Югославии. Они выступают за дальнейшее развитие и укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества с народами СССР, готовятся, как и в прежние годы, достойно отметить знаменательную дату — 60-ю годовщину Великого Октября.

⁶² Центральный Архив Министерства обороны СССР, ф. 370, оп. 6540, д. 8. «Защитник отечества», № 269, 18 XI 1944.

⁶³ «Борба», 7 XI 1945.

⁶⁴ «Oktober u Jugoslaviji...», s. 775.

⁶⁵ И. Б р о з Т и т о. Избранные статьи и речи, с. 61.

Б. ЯРОШ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1947—1977)

Вот уже более тридцати лет Советский Союз и Польшую Народную Республику связывают нерасторжимые узы братства и дружбы. Создание мировой социалистической системы, начало которой положила Великая Октябрьская революция, коренные социальные и экономические преобразования в Советском Союзе и Польше позволили перейти к отношениям совершенно нового характера.

«За последние годы, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС „О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции“, — еще более окрепло мировое содружество братских народов социалистических стран — международный союз нового типа. Социалистические государства, объединенные общностью строя, приверженностью делу мира, социализма, демократии и национальной независимости, добровольно развивают между собой всестороннее сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и интернациональной солидарности, уважения равноправия и суверенитета каждого государства, невмешательства во внутренние дела, товарищеской взаимопомощи»¹.

Важное место во взаимоотношениях Советского Союза и Польской Народной Республики занимает научно-техническое сотрудничество, которое началось сразу после второй мировой войны. Опираясь на прочную основу новых межгосударственных отношений, заложенную Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, 5 марта 1947 г. было подписано «Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Польской Республикой»². Это было первое соглашение подобного рода, заключенное Советским Союзом с социалистическими странами.

Научно-техническая помощь и предоставление кредитов были жизненно необходимы молодому польскому государству. В годы войны погибло более 6 млн человек, потеряно 38,5% национального достояния³, разрушено 66% промышленных предприятий⁴. Огромные потери понесла польская интеллигенция, погибло около 40% научных работников. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, СССР оказал братскую помощь польскому народу.

Пропедедее тридцатилетие было периодом постоянного укрепления экономических и научно-технических связей. Особенно это характерно

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. Политиздат, 1977, с. 16—17.

² «Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974». Документы и материалы. М., 1974, с. 145.

³ M. S a d o w s k i. System polityczny Polski Ludowej. Warszawa, 1975, s. 15.

⁴ «Пять лет Народной Польше. 1944—1949». М., 1951, с. 149—150, 185.

для последнего периода. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на встрече с партийно-правительственной делегацией ПНР в ноябре 1976 г. подчеркнул: «Никогда в прошлом не знало такого размаха и эффективности экономическое сотрудничество Советского Союза и Польской Народной Республики. Мы по-братски помогаем друг другу укреплять экономику, двигать вперед науку и технику, создавать надежный материальный фундамент для постоянного повышения уровня жизни трудящихся»⁵.

Проблема двустороннего научно-технического сотрудничества несмотря на большое теоретическое и практическое значение, недостаточно изучена советскими и польскими исследователями. Эта проблема освещается чаще всего в рамках экономического сотрудничества СССР и ПНР и многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ в области науки и техники. Вопросы научно-технического сотрудничества анализируются в основном в работах советских⁶ и польских⁷ экономистов. В настоящее время почти нет исторических исследований, посвященных этому вопросу.

Некоторое освещение развитие советско-польского сотрудничества в области науки и техники получило в ряде сборников и монографий⁸, а также в работах, посвященных общим вопросам советско-польских отношений⁹.

По мере расширения экономического и научно-технического сотрудничества СССР и ПНР развиваются и совершенствуются его формы. В первые послевоенные годы в основном это был взаимный обмен научно-техническими достижениями, производственным и техническим опытом, подготовка кадров. Позже возникает такая эффективная форма, как сотрудниче-

⁵ «Правда», 1976, 10 ноября.

⁶ С. И. Степаненко. Совершенствование научно-технического сотрудничества стран СЭВ. М., 1974; А. Н. Быков. По пути социалистической экономической интеграции. М., 1975; С. Д. Сергеев. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран. М., 1964; Ф. П. Петров. Международное научно-техническое сотрудничество: состояние, цели, перспективы. М., 1974.

⁷ J. Ptaszek. Polska — ZSRR. Gospodarka, współpraca. Warszawa, 1972; A. Bonda. Polska — ZSRR. Współpraca gospodarcza. Warszawa, 1967; T. Leszek. Polsko-radziecka współpraca naukowo-techniczna. Warszawa, 1974; J. Metera, Z. Zieliński. Współpraca naukowo-techniczna krajów RWP. Warszawa, 1972; J. Kaczmarek. Trzydzieście lat polsko-radzieckiej współpracy naukowo-technicznej. «ZSRR — Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna. Warszawa, 1976; P. Boryk. Współpraca gospodarcza krajów RWP. Warszawa, 1976; M. Deniszczyk, K. Derbin. Koordynacja planów gospodarczych krajów RWP. Warszawa, 1972; J. Pajestka. A. Integracja socjalistyczna. Kierunki rozwoju współpracy. «Życie Gospodarcze», 1968, № 23.

⁸ «Научно-техническая революция и интеграция стран СЭВ». М., 1974; «Проблемы повышения экономической эффективности общественного производства в социалистических странах». М., 1973; «СЭВ: принципы, проблемы, перспективы». М., 1975; «На магістралях дружби і братерства». Київ, 1974.

⁹ И. А. Хренов. Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. М., 1955; И. И. Костюшко. Советско-польский договор от 8 апреля 1965 г. «Советское славяноведение», 1972, № 2; его же. Успехи польского народа в строительстве социализма. «Советское славяноведение», 1975, № 2; И. Ф. Евсеев. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944—1960). Киев, 1962; П. К. Костилов. Четверть века по пути социализма. М., 1969; его же. Польская Народная Республика: 30 лет по пути социализма. М., 1974; его же. СССР — ПНР: в братском союзе. М., 1975; А. Н. Барковский. Экономика Польской Народной Республики. М., 1976; В. С. Толстой. Братское сотрудничество белорусского и польского народов. 1944—1964. Минск, 1966; Н. В. Каменинская. Основные направления советско-польского сотрудничества в послевоенный период. В кн. Боевое сотрудничество советского и польского народов. М., 1973; Ю. И. Жюгда. Развитие дружественных отношений между литовским и польским народами. Вильнюс, 1962; В. С. Парсаданова. Советско-польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 гг. «Советское славяноведение», 1977, № 2; E. Basiński, T. Walichnowski. Stosunki polsko-radzieckie 1944—1974. Warszawa, 1974.

ство научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, министерств и ведомств. В настоящее время широко используется координация научных и технических исследований.

Развиваются такие новые формы, как совместная разработка прогнозов в области науки и техники, создание международных исследовательских организаций, координационных центров и международных коллективов специалистов для разработки крупных проблем, организация хозрасчетных научно-производственных объединений для совместных исследований, проектирование и испытание новых видов техники.

Важное место в научно-техническом сотрудничестве СССР и ПНР занимает обмен научно-технической документацией, способствующий повышению темпов технического развития двух стран. Полученная документация позволяет в сжатые сроки осваивать новые конструкции машин, приборов, аппаратов и оборудования, а также новые материалы, что экономит большие средства.

Особенно большое значение для развития польской науки и техники имело предоставление советской научно-технической документации в пятидесятые годы.

В истории Польши это был период бурной индустриализации, формирования новой народнохозяйственной структуры, что требовало использования научно-технических достижений и из-за рубежа. В эти годы ПНР получила от СССР основную массу документации, поступающей из-за границы. Из каждых 100 открытий и достижений иностранной научно-технической мысли, которые были использованы и применены в Польше, около 60 предоставил Советский Союз¹⁰. Надо учитывать, что документация поставлялась по принципу безвозмездного обмена. Это преимущество отмечалось в материалах III съезда ПОРП: «Все расходы, связанные с получением советской документации на современную турбину, не превышают нескольких десятков тысяч злотых, в то время как на мировом рынке цена этой лицензии составляет около двух миллионов валютных злотых»¹¹.

Взаимообмен технической документацией между СССР и ПНР резко увеличивается во второй половине пятидесятых годов. Так, если в 1950—1955 гг. СССР передал ПНР 591 комплект документов, то в 1956—1960 гг. это количество возросло до 1188 комплектов¹². Увеличиваются поставки и польской технической документации. Если в 1950—1955 гг. СССР получил 181 комплект, то в 1956—1960 гг. — уже 804 комплекта.

В шестидесятые годы происходит еще более оживленный обмен. С 1961 г. по 1970 г. было поставлено в ПНР 2777 комплектов советской документации, а в Советский Союз — 2300 комплектов польской документации¹³.

С 1967 г. ПНР выдвигается на первое место среди социалистических стран по количеству взаимно передаваемой документации. Например, импорт в СССР технической документации в 1967 г. составил из ГДР — 125, ЧССР — 265, Болгарии — 28, Венгрии — 50, Румынии — 37 и Польши — 486 комплектов. Советский Союз в этом году передал ГДР — 112, ЧССР — 234, Венгрии — 161, Румынии — 58 и Польше — 608 комплектов документации¹⁴.

¹⁰ В. Л ю б о в ц е в. ПНР: активная политика мира. М., 1974, с. 45.

¹¹ «III Zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (stenogram)». Warszawa, 1959, s. 431.

¹² Архив Министерства науки, высшей школы и техники ПНР. Информация о научно-техническом сотрудничестве с СССР. Приложение № 1.

¹³ J. M e t e r a, Z. Z i b ł k o w s k i. Ibid., s. 165.

¹⁴ Архив Министерства науки, высшей школы и техники ПНР. Информация о сотрудничестве с СССР, с. 3.

В семидесятые годы этот обмен стал осуществляться не только безвозмездно, но и на условиях финансового возмещения в соответствии с достигнутой странами договоренностью. Это хотя и несколько сократило количество передаваемой документации, но повысило ее научно-технический уровень и практическую ценность. В 1974 г. Советский Союз передал ПНР 150 комплектов и получил 147 комплектов документации. Таким образом эта традиционная форма научно-технического сотрудничества действует и в условиях социалистической экономической интеграции.

Всего за послевоенное время Советский Союз передал Польше 7760 комплектов технической документации, в том числе более 300 проектов промышленных объектов, более 1500 конструкторских решений, около 1000 технологических приемов. Польша за это время передала СССР 4750 комплектов. Среди них около 100 проектов промышленных объектов, около 600 конструкторских разработок машин и оборудования, 500 комплектов технологической документации¹⁵. Получение Польшей советской технологической документации позволило ей сэкономить около 1 млрд злотых¹⁶.

За годы советско-польского сотрудничества с технической помощью Советского Союза в Польше построено около 100 крупных предприятий, полностью оснащенных советским оборудованием, свыше 200 реконструировано или построено на его базе, более 300 оснащено оборудованием, поставленным из СССР¹⁷, возведено 34 коксовые батареи, 35 мартеновских печей, 11 электропечей, 28 прокатных станков, сотни вспомогательных цехов и участков металлургической промышленности¹⁸. Символом братского сотрудничества на нынешнем этапе является строительство металлургического комбината «Катовице». Выступая на митинге, посвященном окончанию первого этапа строительства, А. Н. Косыгин отметил: «Рабочие, механики и инженеры десятков промышленных предприятий Советского Союза с большой ответственностью и удовлетворением выполняют заказы Народной Польши. Они сделают все возможное для того, чтобы строительство катовицкого комбината было завершено в намеченные сроки и чтобы он успешно работал на благо социалистической Польши»¹⁹.

Большое значение для ускоренного развития экономики стран социализма имеет взаимное командирование специалистов, способствующее наиболее быстрому, оперативному внедрению научно-технических достижений и передового производственного опыта.

Эта форма сотрудничества широко используется нашими странами с первых послевоенных лет. Но особенно большую роль она сыграла в годы индустриализации и модернизации народного хозяйства Польши. Более двух тысяч советских специалистов в 1951—1956 гг. выезжало в Польшу для оказания помощи в монтаже советского оборудования и инструктажа коллективов новых предприятий. Более шести тысяч польских рабочих и специалистов выезжали в эти годы на стажировку в Советский Союз²⁰.

С 1956 г. резко увеличиваются взаимные поездки специалистов. Если в 1950 г. в рамках научно-технического сотрудничества советские специалисты в Польшу не выезжали, то в 1956 г. выехало 200 специалистов. Всего в 1956—1960 гг. в ПНР выезжало более 1000 человек только в рам-

¹⁵ «ZSRR — Polska...», s. 116.

¹⁶ «Экономическая газета», 1969, № 47, с. 20.

¹⁷ «Международная экономика и международные отношения», 1975, № 5, с. 56—57.

¹⁸ «Экономика Советской Украины», 1974, № 7, с. 68.

¹⁹ «Trybuna Ludu», 15 XII 1976.

²⁰ E. Basiński, T. Walichnowski. Ibid., s. 113.

ках научно-технического сотрудничества. В Советском Союзе в 1956—1960 гг. побывало 3244 польских специалиста.

В эти годы сотни польских рабочих и специалистов проходили практику на промышленных предприятиях, транспорте, в научных учреждениях Советского Союза. Металлурги комбината им. Ленина установили тесные контакты с рабочими «Запорожстали». В 1956 г. группа из 63 польских металлургов на протяжении трех месяцев работала в мартеновском цехе вместе со сталеварами «Запорожстали», перенимая их опыт²¹. Польские специалисты в 1956—1959 гг. были ознакомлены с производством тяжелых стальных отливок и производством арматуры высокого давления из легированных сталей в Донецке, с калибровкой прокатных валов на Макеевском металлургическом заводе²². В 1958 г. польские специалисты ознакомились с автоматизацией подземных работ, ведением взрывных работ при проходке вертикальных стволов и горизонтальных выработок в угольных шахтах Донецкого бассейна, а также с вентиляцией угольных шахт и методами противопожарной охраны в Кемеровском совнархозе²³.

Использование советского производственного опыта принесло большую пользу польскому народному хозяйству. За десять лет научно-технического сотрудничества (1947—1957) на основе использования советского опыта и технической документации налажен выпуск свыше 100 типов машин и оборудования, которое раньше не производилось польской промышленностью²⁴.

Польша также охотно делилась своим производственным опытом. Так, например, в 1958 г. специалисты Киевского совнархоза были ознакомлены в Польше с технологией и организацией швейного производства и моделированием швейных изделий²⁵. Специалисты Донецкого научно-исследовательского угольного института принимали участие в Варшавском совещании экспертов по вопросам единой классификации каменного угля. В сентябре 1958 г. выезжали на конгресс машиностроителей, проходивший в Польше, представители комбината «Артемшахтстрой», «Донецкуголь», треста «Красноармейскшахтстрой» и института «Донецкипрошахт»²⁶.

Значительный рост обмена специалистами наблюдается в 60-е и 70-е годы. Как видно из табл. 1, количество взаимных поездок резко увеличивается со второй половины 60-х годов. Этому способствовало введение обмена специалистами на безвалютной основе. С 1967 г. Польша выходит на первое место по обмену специалистами с СССР.

Советский Союз является главным партнером ПНР в обмене специалистами народного хозяйства и научными работниками. Из общего числа выездов специалистов Польши за границу на СССР в 1964 г. приходился 61%, в 1966 г.—71,9, 1969 г.—55,7, в 1971 г.—60%²⁷. Всего в Советском Союзе побывали на практике, консультациях и стажировке 21,5 тыс. польских специалистов, экспертов и научных работников, в это время в Польшу выезжало 10,5 тыс. советских специалистов и научных работников²⁸.

²¹ «Рабочая газета», 1958, 6 июня.

²² ЦГАОР УССР, ф. 337, оп. 46, ед. хр. 33, л. 45, 46.

²³ Там же, л. 17.

²⁴ Ф.И. Евсеев. Там же, с. 262.

²⁵ ЦГАОР УССР, ф. 337, оп. 46, ед. хр. 33, л. 40.

²⁶ «Радянська Донеччина», 1959, 8 февраля.

²⁷ W. K r a u z e, T. W u j e k. Współpraca naukowa Polski Ludowej z zagranicą. Warszawa, 1974, s. 113.

²⁸ T. L e s z e k. Problemy polsko-radzieckiej współpracy gospodarczej i naukowo-technicznej. Warszawa, 1974, s. 36.

Таблица № 1

Обмен специалистами	1960	1965	1970	1971	1974
Командировано в ПНР советских специалистов	184	394	800	2000	2320
Принято в СССР польских специалистов	791	783	3519	3000	2560

Примечание. Архив Министерства высшей школы, науки и техники ПНР. Информация о научно-техническом сотрудничестве с СССР. Приложение № 1.

Взаимный обмен научно-техническим опытом ускоряет внедрение наиболее передовых методов производства в народное хозяйство СССР и ПНР и приносит значительный экономический эффект.

Изучение советского опыта и получение советской технической документации дало возможность ПНР организовать производство погрузчиков типа КС-2У и применить их на Любинском меднорудном месторождении. Экономический эффект от использования этих погрузчиков по предварительным данным составляет на каждом руднике свыше 10 млн злотых²⁹.

Благодаря изучению советского опыта в области электролитического рафинирования алюминия освоен процесс рафинирования алюминия на заводе «Тшебиня». В 1963 г. было произведено 800 т алюминия чистоты 99,99%, стоимость которого составила 32 млн злотых³⁰.

Использование советского опыта позволило Польше усовершенствовать технологию изготовления концентрированных латексов. В результате только уменьшение импорта из капиталистических стран дало возможность сэкономить 600 тыс. долларов ежегодно³¹. Изучение советского опыта сооружения доменной печи емкостью 2000 м³ в Кривом Роге позволило работникам металлургического комбината им. Ленина сократить цикл строительства комплекса доменной печи № 5³². Кроме того, польские специалисты ознакомились с криворожским опытом по использованию природного газа в процессе эксплуатации доменных печей. Благодаря этому с 1964 г. во всех доменных печах комбината им. Ленина стал применяться в виде добавки природный газ, что позволило снизить расход кокса примерно на 60 кг с каждой тонны чугуна³³.

Польский опыт приготовления торфяной подстилки был использован при разработке технологии приготовления торфокомпостов для Северо-Западной зоны СССР. Экономический эффект от внедрения этого опыта только по одной Латвийской ССР составил 1,5 млн рублей.

В результате ознакомления с опытом ПНР советские специалисты ускорили разработку оптимальной технологии изготовления полых осей для железнодорожных вагонов вместо сплошных, в короткие сроки осуществили пуск и наладку безлодочных систем на одном из стекольных заводов, внедрили комплексное использование низкосортной древесины и отходов.

²⁹ «Научно-технический прогресс и сотрудничество стран СЭВ». М., 1973, с. 153.

³⁰ Archiwum Akt Nowych, syg. 8/17.

³¹ Н. П. В а р з и н. Интеграция и рост производительности труда в странах СЭВ. М., 1976, с. 139.

³² А. В о д н а г. Ibid., s. 61.

³³ Archiwum Akt Nowych, syg. 8/18.

Обмен научно-техническими достижениями и передовым производственным опытом в 70-е годы происходил в условиях осуществления социалистической экономической интеграции.

Важное значение для повышения эффективности научных и технических исследований имеет укрепление сотрудничества советских и польских научно-исследовательских организаций. Если в 1962 г. совместные работы проводили 33 советских и 31 польский институт, то в 1971—1975 гг. непосредственное сотрудничество установили 314 научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и проектных организаций обеих стран. Ученые и конструкторы СССР и ПНР совместно разрабатывали около 400 проблем, связанных с научно-техническим прогрессом в различных отраслях промышленности³⁴.

Проведение исследователями двух стран совместных работ на основе разделения труда позволяет получать значительный экономический эффект.

Благодаря объединению усилий Всесоюзного научно-исследовательского института электроэнергетики СССР и Института энергетики ПНР на два года сокращен срок исследований по измерению внутренних перенапряжений в энергосистемах СССР и ПНР. Результаты их работы положены в основу нового метода расчета перенапряжений и выбора изоляции для линий электропередачи 400—750 *квт*. Применение этого метода позволяет обеспечить высокую надежность линий электропередачи, что дает возможность получить экономический эффект до 1,5 млн рублей в СССР и до 3 млн злотых в ПНР³⁵.

Совместная работа Института Гипроуглеавтоматизация и Главного института горного дела ПНР по исследованию устойчивости бортов и отвалов угольных карьеров позволила польской стороне исключить из плана ряд исследований и сократить сроки выполнения отдельных тем. В результате было сэкономлено около 2 млн злотых³⁶.

ВНИИстройдормаш (СССР) совместно с Центральным конструкторским бюро строительных машин (ПНР) разработали предложения по унификации узлов башенных кранов и новые стандарты на башенные строительные краны, что позволяет сократить число базовых моделей кранов с 40 до 10 и наладить специализацию производства этих машин³⁷.

Совместно разрабатывая тему «Железобетонные конструкции с применением искусственных заполнителей высокой прочности», научно-исследовательские организации СССР и ПНР ускорили исследования на два года, а также вдвое снизили их стоимость³⁸.

Значительный интерес представляет совместная работа институтов Гипроуглемаш и Мосбасгипрогормаш (СССР) с Институтом по конструированию и механизации в угольной промышленности (ПНР), по разработке мощных дистанционноуправляемых узкозахватных угольных комбайнов для выемки пологих пластов мощностью до 3,5 *м*. Это даст возможность внедрить одну модель комбайна вместо применяющихся в настоящее время в СССР четырех моделей и трех моделей в ПНР и получить экономический эффект для каждой страны свыше 50 тыс. руб. на один комбайн³⁹.

³⁴ «Мир социализма в цифрах и фактах, 1972». М., 1973, с. 155.

³⁵ *Archiwum Akt Nowych*, syg. 19/8.

³⁶ *Ibid.*, syg. 19/2.

³⁷ С. И. Степаненко. Совершенствование научно-технического сотрудничества стран СЭВ. М., 1974, с. 148.

³⁸ «Правда», 1972, 4 марта.

³⁹ J. P t a s z e k. *Ibid.*, s. 207.

Дальнейшим шагом на пути повышения эффективности научно-технического сотрудничества была организация, начиная с 1966 г., непосредственных контактов министерств и ведомств Советского Союза и Польши. В этом году были установлены прямые связи между министерствами геологии, черной металлургии, нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей, химической, угольной, газовой, пищевой и мясо-молочной промышленности⁴⁰.

В 1968 г. научно-техническое сотрудничество осуществляли 33 советских и 16 польских министерств и ведомств по наиболее важным темам⁴¹, в том числе по 22 темам цветной и черной металлургии, 32 — топливной промышленности и энергетики, 31 — строительства и деревообрабатывающей промышленности, 18 транспортным и 11 темам легкой и пищевой промышленности. Наибольшее количество тем разрабатывалось в области машиностроения — 115. В 1972 г. такие связи поддерживали 35 советских и 18 польских министерств и ведомств.

Сотрудничество СССР и ПНР в области науки и техники, развиваясь от простых форм к сложным, привело к тому, что в 1965 г. началась координация национальных планов научных и технических исследований⁴². Двусторонние консультации по планам развития науки и техники на 1966—1970 гг. позволили устранить неоправданный параллелизм в разработке одних и тех же тем и более рационально распределить тематику между исследовательскими институтами. Например, в СССР было исключено из плана 618, а в ПНР — 759 тем, которые были уже разработаны соответственно в СССР и ПНР. Страны обменялись этими результатами⁴³.

К согласованию плана развития науки и техники на 1966—1970 гг. были привлечены 998 специалистов и ученых 54 министерств и ведомств СССР и ПНР. 362 темы научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ решено было разрабатывать в 1966—1970 гг. объединенными усилиями советских и польских ученых. Советские организации в 1966—1970 гг. передали польской стороне разработку 759, а польская сторона советской — 615 тем⁴⁴. В результате консультаций по плану развития науки и техники на 1966—1970 гг. был подписан протокол о сотрудничестве от 11 июня 1966 г. Это было первое многолетнее соглашение такого рода, подписанное правительством ПНР с иностранным государством.

Второе долгосрочное соглашение между СССР и ПНР заключено в октябре 1970 г. Оно намечало сотрудничество по 295 темам в 1971—1975 гг. Надо подчеркнуть, что 80 тем предусматривал центральный план развития ПНР. 29 тем были определены как важнейшие и принятые для совместной разработки⁴⁵.

Советский Союз и Народная Польша много внимания уделяют развитию научно-технического сотрудничества в нынешнем пятилетии. На этот период намечена разработка более 270 важнейших для народного хозяйства СССР и ПНР тем, причем значительная часть из них будет доведена до экспериментальной и производственной фазы. В нынешнем пятилетии сотрудничество в области науки и техники более тесно увязано с решением народнохозяйственных задач ПНР и СССР.

Важной формой научно-технического сотрудничества является популяризация достижений Советского Союза и Народной Польши в области науки и техники посредством выставок, научно-технических симпозиумов и конференций.

⁴⁰ Archiwum Akt Nowych, syg. 8/19.

⁴¹ Ibid., syg. 19/2.

⁴² «Научно-технический прогресс и сотрудничество стран СЭВ», с. 65.

⁴³ Там же, с. 66.

⁴⁴ J. M e t e r a, Z. Z i ó ł k o w s k i. Ibid., s. 109.

⁴⁵ «Коммунист», 1975, № 5, с. 88.

В апреле 1960 г. в ПНР были проведены «Дни советской техники»⁴⁶. Члены советской делегации посетили заводы, фабрики, строительные площадки. Перед широкими слоями польской общественности на научно-теоретических конференциях, по радио и телевидению были прочитаны лекции о достижениях науки и техники в СССР. В Варшаве была открыта выставка советской научно-технической книги, а на двадцати предприятиях страны — выставки книги Профиздата о советском рабочем классе. Большой интерес вызвала выставка «От Коперника к советским лунникам».

В 1960—1965 гг. польские выставки были организованы в Киеве, Харькове, Львове, Одессе. Специалисты народного хозяйства имели возможность ознакомиться с достижениями ПНР в области судостроения, приборостроения, машиностроения и производства товаров широкого потребления⁴⁷.

Польша в 1967 г. принимала участие в трех международных выставках в СССР — «Инпродмаш», «Ингормаш» и «Одежда». В этом же году ПНР организовала на территории Советского Союза следующие выставки: товаров широкого потребления — в Москве, Харькове, Вильнюсе и Сочи; гаражного оборудования и сельскохозяйственных машин — в Вильнюсе и Ташкенте; оборудования пищевой промышленности — в Алма-Ате.

В 1972 г. «Дни польской химии» состоялись в Советской Литве. Широкою выставку изделий химической промышленности организовало в Вильнюсе экспортно-импортное объединение «Цех». На выставке были представлены разнообразные товары — от красок, минеральных удобрений, средств охраны растений, штучных нитей до фармацевтических товаров и косметики. В том же году объединения «Полимэкс-Цэкоп» и «Агромэт» организовали большую выставку сельскохозяйственных машин и оборудования для мебельной промышленности⁴⁸.

Жители Белоруссии в 1973 г. имели возможность ознакомиться с большой выставкой под девизом «Сделано в Польше»⁴⁹. В ПНР были организованы в 1974 г. «Дни советской космонавтики» и «Дни советской энергетики»⁵⁰. В связи с 30-летием ПНР в Москве с 17 июля по 18 августа 1974 г. работала самая большая из всех проведенных Польшей за рубежом выставок, занимавшая площадь 30 тыс. м². Из общего числа 7,5 тыс. экспонатов 70% составляли изделия тяжелой и электромашиностроительной промышленности, а 16 — товары широкого потребления. 80% экспонатов показывалось за границей впервые.

Польская объединенная рабочая партия, опираясь на поддержку всего польского народа, решает задачу исторической важности — построение развитого социалистического общества в ПНР. Важным фактором решения этой задачи является дальнейшее укрепление сотрудничества с Советским Союзом в области науки и техники, всемерное укрепление братских связей во всех областях. «Важнейший вопрос — дальнейшее развитие экономического, научного и технического сотрудничества с Советским Союзом, — нашим главным партнером, — заявил Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек на VII съезде партии. — Это сотрудничество открывает перед нашей экономикой большие возможности, повышает эф-

⁴⁶ «Промышленно-экономическая газета», 1960, 20 марта.

⁴⁷ ЦГАОР УССР, ф. 337, оп. 46, д. 295, л. 110—111.

⁴⁸ M. P o z a r s k a s. Stosunki Litwy Radzieckiej i Polski Ludowej. Kaunas, 1974, s. 68.

⁴⁹ Ю. П. Б р о в к а. Белорусская ССР — суверенный участник международного общения. Минск, 1974, с. 180.

⁵⁰ «ZSRR — Polska. . .», s. 121.

ффективность народного хозяйства, способствует удовлетворению растущих потребностей в новой технике и новых технологиях, имеет решающее значение для обеспечения Польши необходимым сырьем, машинами и товарами широкого потребления»⁵¹.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Польской Народной Республики характеризуется большим размахом и высокой эффективностью. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, давая оценку этому сотрудничеству во время визита в СССР польской партийно-государственной делегации в ноябре 1976 г., отмечал: «Никогда в прошлом эти отношения не были так прочны и глубоки. Они основаны на полном равноправии и глубоком взаимном уважении, на великом принципе социалистического интернационализма. И создание таких отношений — это прежде всего заслуга коммунистов, их политики. Классовая солидарность и тесное взаимодействие марксистско-ленинских партий — вот что прежде цементирует наш братский союз»⁵².

Советско-польское экономическое и научно-техническое сотрудничество, получившее особенно бурное развитие в последнее время, является ярким воплощением и претворением в жизнь интернациональных принципов Великой Октябрьской социалистической революции.

---

⁵¹ «VII съезд Польской объединенной рабочей партии. Основные материалы и документы». М., 1976, с. 86.

⁵² «Правда», 1976, 10 ноября.

В. А. ХОРЕВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 20-е ГОДЫ

Социалистический реализм — генеральное направление мирового литературного процесса XX века. Систематическое изучение и теоретическое осмысление художественного опыта социалистического реализма имеет принципиально важное значение для дальнейшего развития культуры в странах социалистического содружества.

VII съезд ПОРП в декабре 1975 г. определил главную перспективу социальной, экономической и культурной деятельности в стране — построение развитого социалистического общества. В этом процессе, подчеркивается в решениях съезда, партия огромное значение придает развитию культуры, выдвигает перед художниками задачу постоянного обогащения социалистического, патриотического и гуманистического содержания польской культуры, задачу повышения идейного и художественного уровня творчества, соответствующего целям социализма и лучшим традициям польской литературы и искусства¹.

Закономерное постепенное сближение стран социализма, когда, по словам Л. И. Брежнева, «возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития»², ставит задачу изучения процесса формирования и развития новой общности социалистических литератур. Общность эстетических проблем, присущая литературам социалистических стран и вытекающая из природы нового социального строя, не исключает, а предполагает обращение к национальным культурным традициям, к неповторимому историческому и национальному опыту различных литератур, который обогащает литературу социалистического реализма, ее художественное многообразие. Историю социалистического реализма в мировой литературе невозможно представить без изучения его становления в национальных литературах. Формирование нового художественного метода имеет общие закономерности и многие сходные черты, но оно проходило по-разному в специфических общественно-политических и культурных условиях той или иной страны.

Ощутимое воздействие социалистических идей на литературу и первые попытки подойти к проблемам искусства с революционно-пролетарских позиций имели место в Польше уже в 80—90-е годы прошлого века. В последующие годы проблемы литературы и искусства нашли широкое освещение в трудах виднейших марксистов — руководителей СДКПиЛ — Ф. Дзержинского, Р. Люксембург, Ю. Мархлевского. Польскими марк-

¹ «Uchwała VII zjazdu PZPR». «Nowe Drogi», 1976, № 1, s. 138.

² «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 6.

систами в начале XX в. была выдвинута широкая программа социалистического искусства, опирающаяся на прогрессивные национальные традиции. Вслед за поэзией первых польских социалистов 80-х годов в начале XX в., особенно на волне революции 1905—1907 гг., появляются художественные произведения, представляющие точку зрения революционного пролетариата. Это был первый этап в становлении новой художественной пролетарской литературы, непосредственно предшествующий возникновению литературы социалистического реализма. Нарождающаяся социалистическая литература была тесно связана с общественно-политической жизнью страны, выполняла задачи агитационно-пропагандистского характера. Ее создатели видели перспективу общественного развития в пролетарской революции, однако действительности еще не давала материала для развернутого ее изображения. Общественно-исторические условия и задачи новой литературы определили ее жанровое и стилевое своеобразие. Эта литература заявила о своем существовании прежде всего революционной песней и гимном, острополитическим стихотворением, с характерной для них яркой романтической образностью, очерком и репортажем, художественной публицистикой, в которой выделяется мужественная книга Ф. Дзержинского «Из дневника заключенного». На волне революции 1905—1907 гг. возникают и значительные прозаические произведения (в творчестве А. Струга). В условиях революционного подъема сформировалось революционно-пролетарское литературное течение. От других литературных течений его отличали новые эстетические принципы — преломление жизненного материала в художественном творчестве с точки зрения роли в истории рабочего класса и трудящихся масс. Эти, не всегда еще полностью осознанные и успешно реализованные в творчестве принципы открывали огромные и перспективные возможности для нового художественного подхода ко всем проявлениям жизни, для преломления всего окружающего мира сквозь призму революционно-пролетарского сознания. Стремление к осуществлению этих возможностей, борьба за него явится главным содержанием развития социалистической литературы в Польше в последующие годы — содержанием процесса утверждения социалистического реализма в польской литературе.

Особенно плодотворным для выявления возможностей новой литературы оказался опыт революции 1905—1907 гг., о котором крупнейший польский критик-марксист 30-х годов И. Фик позднее напишет: «Революция 1905 года способствовала раскрытию сущности явления, которое в дальнейшем имело решающее влияние на принципиальные преобразования в области культуры. Произошла идейная перегруппировка в иерархии общественных классов, вызванная политическими выступлениями крестьян и рабочих. Таким образом, рождается проблема народной и пролетарской культуры, которая должна противостоять культуре буржуазной»³.

Революция 1905 года имела настолько широкий резонанс в литературе, что некоторые современные исследователи склонны считать 1905 год переломным и решающим в истории польской литературы XX в. В статье «1905, а не 1918» Т. Бурек, например, стремился доказать, что «1918 год означает в литературе и во всей польской культурной мысли регресс по отношению к 1905 году» и что именно «1905 год является вершиной революционного движения»⁴.

Но такая точка зрения, на наш взгляд, ошибочна, ибо она не учитывает того могучего воздействия на развитие всей мировой, и разумеется польской, литературы, которое оказали Великая Октябрьская социалистическая революция и создание первого в мире государства рабочих и

³ I. F i k. Wybór pism krytycznych. Warszawa, 1961, s. 409.

⁴ T. B u r e k. Dalej aktualne. Warszawa, 1973, s. 105.

крестьян, и ведет к недооценке социалистической революции, для которой революция 1905—1907 гг. была, по словам В. И. Ленина, «генеральной репетицией».

Подлинный размах процесс формирования революционной социалистической литературы получил в Польше, как и в других странах, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и нового подъема революционного движения. В 20-е годы в польской поэзии, а в начале 30-х годов и в других жанрах происходит утверждение метода социалистического реализма.

Определяющая тенденция этого процесса связана с принципом партийности литературы. Ленинское учение о партийности литературы содержит подход к литературе как к составной части общепролетарского дела и в то же время отрицание шаблонного отождествления литературы с политикой, учет ее специфики. Ленинские эстетические принципы определили путь развития социалистических литератур. Процесс становления польской социалистической литературы — это история утверждения в литературе принципа партийности в ленинском его понимании, история, насчитывающая десятилетия напряженных творческих поисков, все более полного постижения этого принципа, освобождения его от вульгарно-социологических наслоений, преломления его в сфере художественности.

В 1918 г., после более чем ста лет национального порабощения, вновь образовалось польское государство. Октябрьская революция аннулировала все соглашения о разделах Польши. Вынуждены были признать независимость Польши и империалистические державы. В жизни польского народа восстановление национального государства явилось событием огромного исторического значения. Образование национального государства еще более усилило антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Если в условиях национального угнетения буржуазии удавалось обманывать значительную часть трудящихся националистическими лозунгами, то теперь это было значительно труднее. Пример Октябрьской революции всколыхнул народные массы. Пролетариат и крестьянство в труднейших условиях вели борьбу за свой права.

Новые условия жизни польской нации, острые классовые противоречия определили и развитие всей польской культуры периода существования независимого буржуазного государства так называемого межвоенного двадцатилетия (1918—1939).

Литература 20-х годов начинается с осмысления самого факта восстановления национальной независимости и всего того, что принесла она в жизнь польского народа, с осмысления уроков мировой войны и революционного подъема. В первые годы существования польского государства многие писатели верили, что в условиях государственной независимости осуществится вековая мечта польского народа о справедливом общественном устройстве. Но действительность быстро развеяла иллюзии. После кратковременного прилива энтузиазма большинство писателей переживает отрезвление.

Основное направление развития литературы определялось ее реалистическими и демократическими тенденциями. Уже в начале 20-х годов в творчестве ряда крупных писателей, продолжавших традиции критического реализма, намечается, под воздействием обострившихся классовых противоречий, переход к радикальной критике социальных отношений и порядков в независимом буржуазном государстве. В центре внимания писателей-реалистов — жизненные проблемы польской действительности, политическая борьба за власть в стране, острые классовые конфликты.

Наиболее ярким примером формирования новых тенденций в критическом реализме, наиболее ярким художественным отражением социаль-

ных противоречий в послевоенной Польше, свидетельством перелома, происходившего в сознании творческой интеллигенции, является творчество С. Жеромского. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала влияние на всю послевоенную публицистику и художественное творчество писателя. Во многих публицистических выступлениях Жеромский осуждает русскую революцию, но в то же время он и увлечен, захвачен ею. «Ее лозунги, — пишет Г. Маркевич, — постоянно присутствуют в его сознании, они являются образцом, с которым должен сравниться его собственный идеал общественного устройства Польши. Сравниться с ним нужно, чтобы его превзойти, чтобы его победить своим совершенством, но сравниться именно с ним и только с ним, не с какими-либо другими концепциями социального строя»⁵.

Передовая марксистская критика (в лице Ю. Мархлевского) видела в Жеромском союзника в борьбе и стремилась привлечь его на сторону революции. Отвергая потоки клеветы буржуазной печати на русскую революцию, которые подействовали на Жеромского, Ю. Мархлевский в письме к Жеромскому убеждал его в том, что «русская революция — решающее явление в истории человечества. С нее будет датироваться новая эпоха, эпоха социализма, эпоха освобождения трудящихся масс, эпоха новой культуры»⁶.

В 1924 г. вышел в свет роман С. Жеромского «Канун весны», сыгравший огромную роль в развитии польской социалистической литературы, явившийся проявлением новых тенденций литературы критического реализма, близких социалистической концепции действительности. В размышлениях главного героя романа Цезаря Барыки — польского юноши, попавшего из революционной России в новую Польшу, в которой он мечтал увидеть процветающую и счастливую страну «стеклянных домов», а заставшего роскошь верхов и нищету низов, полицейский террор, переполненные тюрьмы, безработицу, — отразились напряженные идейные искания писателя.

Смелость Жеромского особенно наглядно проявилась в том, что он показал не только крушение мифа о «стеклянных домах», которому не суждено было осуществиться в буржуазно-помещичьей Польше, но и связь между внутренними проблемами страны и отношением к революции в России, противопоставив трусливому реформаторству и убожеству политической мысли правящих кругов «львиную отвагу Ленина». В уста Барыки он вложил гневные слова, обращенные к новым хозяевам страны: «Обладаете ли вы отвагой Ленина, чтобы взяться за дело неизведанное, сокрушить старое и начать новое? Вы умеете только ругать, клеветать, сплетничать. Есть ли в вас упрямое мужество тех людей, непоколебимая храбрость, которая может быть ошибочной в расчете, но безусловно является грандиозной попыткой исправления судеб человечества»⁷.

Заключительная сцена романа — рабочая демонстрация во главе с коммунистами, к которой присоединяется Цезарь Барыка.

Леон Кручковский — выдающийся писатель социалистического реализма, выступивший со своими романами в 30-е годы и развивавшийся под большим влиянием творчества С. Жеромского, — писал об этой сцене: «Цезарь Барыка — первый, и одновременно последний, герой Жеромского, свободный уже от программного „одиночества“, показанный в последней,

⁵ Г. Маркевич. Стефан Жеромский и социалистическая революция. В кн. Революционная литература Польши 20—30-х годов. М., 1969, с. 29.

⁶ Ю. Мархлевский. Об искусстве. М., 1976, с. 293.

⁷ S. Żeromski. Przedwiośnie. W: Dzieła, t. XIV. Warszawa, 1956, s. 321.

наиболее красноречивой сцене „Кануна весны“ в рядах рабочей массы, идущей на Бельведер»⁸.

Глубокий анализ романа «Канун весны» дал Г. Маркевич. Ученый пришел к выводу о полифонии «равноправных сознаний» в романе, которая допускает возможность разных его интерпретаций. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением исследователя, что «во всех этих интерпретациях остается один неизменный момент: „Канун весны“ был не только романом, который обличительными картинами нищеты и гнета пробуждал совесть и расчищал дорогу революционным решениям. Это был роман, в котором коммунистическое движение было изображено как великая побеждающая сила, как идейный противник большого масштаба, как единственный выразитель действительно новой и в основе своей более высокой концепции общественного строя. И, наконец, это был роман, со страниц которого революционные идеи иногда звучали подлинным, полным голосом»⁹.

Польская реакция злобно нападала на Жеромского, обвиняя его в симпатиях к большевизму. «Канун весны» оказал влияние на настроение интеллигенции, содействуя росту радикальных стремлений значительной ее части, в том числе становлению революционного мировоззрения крупнейших мастеров социалистического реализма — В. Броневского, В. Василевской, Л. Кручковского. Роман вызвал интерес марксистской критики, откликнувшейся рядом рецензий и книгой талантливого публициста, деятеля компартии Польши Юлиана Брун-Броновича «Трагедия ошибок Стефана Жеромского» (1926). Наряду с Брун-Броновичем более широкая и верная (по сравнению с откликами в пролетарской польской печати) оценка «Кануна весны» и его автора была дана в советской печати. В предисловии к русскому изданию «Кануна весны» Р. Арский писал, что Жеромский «объективно проводит мысль, что только в коммунистическом движении выход из того положения, которое создала молодая польская республика с ее гнетом над рабочими, бесправным положением крестьян, преследованием белорусов, украинцев и других национальностей»¹⁰. В. Сольский (Панский) писал о том, что «революционный польский пролетариат... сумеет по достоинству оценить те его произведения, в которых он дает яркие и правдивые картины борьбы пролетариата за освобождение всего человечества»¹¹.

Постоянное обращение к Жеромскому — выдающемуся художнику, моральному авторитету для прогрессивной интеллигенции — имело существенное значение для становления польской революционной литературы.

В письме Броневскому из Парижа, обнаруженном нами в архиве, Б. Ясенский рассказывал о своей работе по организации театра среди польских рабочих-эмигрантов и, в частности, о задуманной им постановке «Кануна весны». Правда, он основательно переработал его в духе своих взглядов. «В плане моей переделки, — писал Ясенский, — я выбросил три четверти любовной фабулы, ввел новые конфликты, которых нет в романе (например, спор между усадьбой и деревней о сервитутах), изменил целиком первую главу, почти целиком изменил даже героя. В своей переработке я исходил главным образом из тех обвинительных актов,

⁸ L. K r u c z k o w s k i. Stefan Zeromski. In: Literatura i polityka, t. II. Warszawa, 1971, s. 248.

⁹ Г. Маркевич. Там же, с. 35.

¹⁰ Р. Арский. Предисловие. В кн.: С. Жеромский. Ранняя весна. Л., 1925, с. 5. В 1925 г. в СССР вышло шесть изданий «Кануна весны» в шести разных переводах со вступительными статьями разных авторов.

¹¹ В. Сольский. Стефан Жеромский и современная польская литература. «Октябрь», 1926, № 3, с. 100.

которые автор здесь и там формулирует в своей книге. Эти места с яохранил *in extenso*, достраивая и подчиняя им действие»¹².

Обращаясь к творчеству Жеромского, Ясенский, как видно из его письма, спорил с ним, стремился по-своему трактовать идеи и мотивы романа Жеромского и даже развивал и переиначивал их. Но сам факт обращения к Жеромскому, возможность использования его «обвинительных актов» против буржуазной Польши в революционных целях, сам спор с автором «Кануна весны» свидетельствовал о признании значения творчества крупнейшего художника слова революционными литературными, о роли его творчества для развития революционной литературы.

В идеологический спор с Жеромским, с последовательных революционных позиций, развивая идеи драмы Жеромского «Роза», вступил и Броневский в стихотворении «Роза» (1927). Броневский выступил в нем против иллюзий об автоматическом разрешении классовых противоречий в независимой Польше, разделявшихся Жеромским в публицистике первых послевоенных лет, крушением которых явился его роман «Канун весны». «Та же кричащая несправедливость» (которая была показана в свое время в «Розе» Жеромского) «обрушивается на города и деревни», — писал Броневский в стихотворении.

Проявлением закономерности развития литературы и немаловажным фактором в развитии всей польской литературы явилось образование в начале 20-х годов группы писателей, критиков и публицистов, связанных с революционной деятельностью рабочего класса и Коммунистической партии Польши и видевших будущее польской литературы в служении передовым общественным целям, в овладении новым мировоззрением.

Важнейшее значение для развития революционно-пролетарской литературы и марксистской литературной критики, прокладывавшей пути новой литературе, имела идеологическая деятельность КПП. Влияние КПП уже в первые годы независимости сказывалось во всех сферах культурной жизни, несмотря на ошибки партии, допущенные ею в начале 20-х годов по отношению к союзникам пролетариата. Компартия придавала большое значение культурному фронту, работе среди интеллигенции, в культурно-просветительных организациях (народные университеты, рабочие театры). В феврале 1922 г. начинает выходить первый общественно-литературный журнал польских коммунистов «Культура роботничка». После его запрещения в мае 1923 г. издается журнал «Нова культура» (июль 1923 — июль 1924). Эти журналы, как и издававшиеся позднее общественно-литературные издания КПП «Дзвигня» (1927—1928) и «Месенчик литерадки» (1929—1931), выполнили огромную задачу просветительской и агитационной работы среди рабочих и задачу сплочения коммунистически ориентированной творческой интеллигенции. Вокруг журналов КПП сложилась группа партийных и близких к рабочему движению писателей, художников, критиков и публицистов (Я. Гемпель, Е. Рынг, В. Броневский, А. Соколич, С. Руднянский, В. Вандурский, С. Р. Станде, М. Шука, Т. Жарновер, Б. Ясенский, А. Ставар и др.).

На страницах изданий КПП вырабатывалась программа и определялись основные черты и задачи социалистической — или, как принято было определять ее в 20-е годы, пролетарской (не только в узком, пролеткультовском значении понятия) — литературы и культуры.

В начале 20-х годов в центре внимания марксистской литературной критики — вопросы идейных основ, классовости и партийности литературы. На первый план выдвигается резкое противопоставление новой, пролетар-

¹² Письмо от 22 I 1929. Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве.

ской литературы всей предшествующей, выделение ее как особой, специфической формы проявления классового пролетарского сознания.

Большое значение для польской марксистской литературной критики имела теоретическая разработка проблем пролетарской культуры в Советском Союзе. Обычно исследователи писали в этой связи о влиянии советского Пролеткульта. Отметим и другие влияния, не нашедшие пока отражения в работах, посвященных польской марксистской критике. В 1921 г. в Польше была издана брошюра А. В. Луначарского «Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая» (1917), которая, на наш взгляд, оказала существенное влияние (наряду с пролеткультовскими концепциями) на программные заявления и статьи публицистов «Культуры работничей». Об этом говорит близость многих положений, содержащихся в брошюре Луначарского и в высказываниях польских критиков. Луначарский писал, в частности, о будущей культуре как интернациональной, общечеловеческой, внеклассовой, социалистической по своим идеалам: «Социалистическая культура грядущего — культура общечеловеческая, внеклассовая, культура гармоничная...». Путь к этой культуре лежит через победу пролетарской революции и пролетарской культуры: «Культура пролетариата борющегося — культура, резко обособленная, классовая, построенная на борьбе, культура, по типу своему романтическая, в которой содержание обгоняет форму»¹³.

Рассматривая пролетарскую культуру как ступень к более высокой общечеловеческой культуре, Луначарский подчеркивал в ней чисто пролетарское содержание.

В программной статье редактора «Культуры работничей» Я. Гемпеля мы находим близкие взглядам Луначарского положения. «Мы хотим, — писал Гемпель, — всемерно участвовать в создании классовой пролетарской культуры (<...> Ложной надклассовости культуры имущих классов мы противопоставим искреннюю и явную классовость нашей пролетарской культуры...»¹⁴. В статье Гемпеля был представлен и ленинский тезис, подробно обоснованный Луначарским, о связи пролетарского и общенародного: «Рождающаяся классовая пролетарская культура, несмотря на свою классовость, является в то же время единственной подлинной надклассовой культурой, единственной подлинной и всеобщей культурой будущего»¹⁵. Но из важного положения о том, что идеал пролетариата отвечает интересам всего народа, автором не были сделаны все необходимые выводы. В той же статье Гемпель утверждал, что «человеческая история до наших дней не знала другой культуры, кроме культуры господствующих классов, то есть правящих классов, то есть властителей». Этот упрощенный взгляд на значение прогрессивных культурных традиций мог привести и приводил к выводу о необходимости строительства пролетарской культуры с нуля, без учета предшествующего культурного развития.

Иначе, по-ленински ставил вопрос об отношении к культурному наследию прошлого Луначарский: «Пролетариат должен впитать все соки той почвы, которая распахана и удобрена длинным рядом предков, все внимательно и бережно расценить, подобно любящему сыну и рачительному хозяину, принявшему в заведование богатое наследство». Сходные мысли в польской марксистской критике были высказаны в брошюре С. Руднянского «Борьба за культуру» (1923): «Бессмысленно было бы от-

¹³ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 7. М., 1967, с. 193.

¹⁴ «Kultura Robotnicza», 1922, № 1, s. 2—5.

¹⁵ Ibid.

брасывать целиком всю предшествующую культуру только потому, что она была отмечена буржуазной печатью»¹⁶.

Как Луначарский, так и польские марксистские критики 20-х годов большое внимание уделяли просветительной области, этическому и эстетическому, по словам Луначарского, «воспитанию молодых поколений пролетариата в духе социалистического идеала». «Тысячу раз права, — писал Луначарский, — Роза Люксембург, когда говорила, что без ясного понимания этой задачи пролетарского самовоспитания мы вряд ли сдвинемся с места»¹⁷. Необходимость массового культурного воспитания пролетариата в духе социалистических идей неоднократно подчеркивалась и публицистами «Культуры работничей» и «Новой культуры» — эта цель, собственно, во многом определяла задачи этих изданий.

Марксистское учение о классовости искусства, ленинское учение о партийности литературы было воспринято польской марксистской критикой 20-х годов, но воспринято на первых порах упрощенно, без понимания всей глубины и многогранности принципа партийности. Из важного ленинского положения о том, что идеал пролетариата отвечает интересам всего народа, что пролетарская партийность не противоречит народности, а представляет ее высшее выражение, не были сделаны все необходимые выводы. На программе строительства пролетарской культуры, вырабатываемой польскими марксистами, сказалось воздействие пролеткультовских, а затем и более поздних сектантских и догматических концепций, уходящих своими корнями в Пролеткульт.

Примером пролеткультовских стремлений может служить статья А. Соколич «О пролетарском искусстве»¹⁸. А. Соколич выступила с требованием, чтобы пролетарская литература была не только тематически связана с жизнью рабочих, но чтобы ее создатели рекрутировались исключительно из рядов пролетариата.

Но пролеткультовские схемы получили распространение в Польше уже после 1920 г., когда они были подвергнуты основательной критике в Советской России, прежде всего со стороны В. И. Ленина. В Польше не был полностью поддержан пролеткультовский тезис об отрицании культуры прошлого. Вместо него проводилась мысль о необходимости критического пересмотра наследия, как об этом писал С. Руднянский в книге «Борьба за культуру».

Знакомство польских пролетарских литераторов с революционными преобразованиями во всех сферах хозяйственной, общественной и культурной жизни Советской страны имело огромное значение для формирования их идейных и творческих взглядов. Приведем важное свидетельство В. Вандурского, участника революционных событий в России, о значении Октябрьской революции в его жизни и творчестве: «Прекраснейшие годы моей жизни — 1917—1920 — я связываю с периодом революции. Именно она пробудила меня к жизни, к мысли, наконец, к творчеству... Без оговорок поэтому иду я в революцию — потому что только в ней и могу существовать»¹⁹. Польская реакция недаром характеризовала его как «коммуниста из Большевии», «советского агента» и «агитатора чрезвычайный»²⁰.

Несмотря на громадные трудности в получении сведений о жизни Советской страны, несмотря на строжайшую цензуру, журналы КПП

¹⁶ S. R u n i c z. Walka o kulturę. Warszawa, 1923, s. 113.

¹⁷ А. В. Луначарский. Там же, с. 195.

¹⁸ «Nowa Kultura», 1924, № 37.

¹⁹ Из письма В. Вандурского В. Броневскому от 22 I 1926. Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве.

²⁰ См. H. K a r w a s k a. Witold Wandurski Łódź, 1968, s. 233.

информировали читателей о хозяйственных и культурных успехах Советской России, иногда сознательно ссылаясь на буржуазную прессу, чтобы избежать обвинения в «подрывной деятельности» и репрессий. Обширные сведения о Советской стране доставлял своим соратникам Я. Гемпель, неоднократно бывавший там нелегально по партийным делам²¹. Его поражал размах социалистического строительства во всех областях, он с восторгом писал и рассказывал об этом своим друзьям и единомышленникам.

Следует подчеркнуть, что неоценимую роль в идейном воспитании польских литераторов сыграли труды В. И. Ленина, многие из которых были переведены в 20-е годы на польский язык. Общественно-художественные журналы КПП (не говоря о нелегальной коммунистической печати), обходя цензурные запреты, активно пропагандировали ленинские идеи. В 1924 г. В. И. Ленину был посвящен пятый номер журнала «Нова культура». Журнал был конфискован, но материалы о В. И. Ленине редакции удалось издать отдельной брошюрой.

Приход в лагерь революционной пролетарской литературы талантливого поэта Б. Ясенского, начинавшего как футурист, был обусловлен коренной ломкой его мировоззрения, в которой, по признанию поэта, большую роль сыграло знакомство с ленинским учением. В 1924 г., работая в редакции львовской газеты «Трибуна работнича» (легальном периодическом органе «Союза пролетариата городов и сел», а по сути дела коммунистической газете), Ясенский переводил для нее многочисленные статьи В. И. Ленина, благодаря которым «впервые принялся изучать законы, руководящие развитием капиталистического общества, теорию и практику классовой борьбы»²².

Влияние ленинских трудов на развитие своих взглядов не раз отмечал В. Броневский. В 1927 г., говоря о своих любимых книгах, он писал: «Моим любимым чтением являются... произведения Ленина (я лишь недавно познакомился с творчеством этого великого поэта фактов)»²³.

Приведем и слова из статьи Броневского, хранящейся в архиве Дома-музея поэта в Варшаве: «Работы Ленина, с которыми я познакомился в юности, привили мне на всю жизнь два благородных понятия: коммунистической этики и коммунистического достоинства»²⁴.

Велико было воздействие советской литературы на польскую пролетарскую литературу. На страницах левых изданий печатались произведения М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, В. Каменского, Н. Асеева, поэтов Пролеткульта А. Гастева, В. Казина, А. Богданова и др. В 1921 г. были изданы работы А. В. Луначарского «Школа труда» и «Культурные задачи рабочего класса»; хорошо были известны в пролетарской литературной среде в 20-е годы, как это видно из писем Вандурского к Броневскому, такие советские поэты, как А. Жаров, а также журнал «Печать и революция» (который в одном из писем Вандурский просит Броневского прислать).

Особенно сильное влияние на группу пролетарских поэтов оказала пламенная революционная поэзия В. Маяковского. В. Вандурский, познакомившийся лично с Маяковским в Москве в 1920 г., писал о своих впечатлениях от поэзии Маяковского: «В моей дорожной сумке... таились на дне несколько томиков стихов русских поэтов. Был там Асеев, Хлебников, Есенин. Однако тщательнее всех был завернут в бумагу и старое полотенце неказистый на вид, напечатанный на тонкой газетной бумаге самый толстый том: „Все, сочиненное Владимиром Маяковским“.

²¹ В 1923 — 1926 гг. См. AZHP, t. os. J. Hempla.

²² Б. Ясенский и. Вроде автобиографии. В кн.: Б. Ясенский. Стихи. М., 1931.

²³ «Wiadomości Literackie», 1927, № 47.

²⁴ Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве. Папка XVIII/77.

Сколько раз при разных обстоятельствах перелистывал я этот том! От частого чтения про себя и вслух — только вслух читаются величественные и звонкие фанфары Маяковского! — в книжке закрутились отвислые уши страниц. В рубленом ритме стиха Маяковского ходил я по чужой, парикмахерско-портновской Варшаве и по Лодзи, которые спят в летаргии промышленного застоя. Одним словом, я был тогда начинен Маяковским, как пирожок рубленным мясом»²⁵.

Массового польского читателя с поэзией Маяковского познакомили пролетарские поэты. Первый перевод Маяковского на польский язык был сделан В. Вандурским (стихотворение «Поэт-рабочий»). С этого времени стихи Маяковского не сходили со страниц левых газет и журналов.

Рассказывая о важном периоде своей жизни, — годах становления идейных и творческих взглядов, Броневский писал: «В 1921—1924 годах я учился в Варшавском университете. Большой заряд марксистской философии, социологии, экономики. Так я „менял кожу“. В том числе и благодаря поэзии. Наряду с французами — Рембо, Аполлинером и другими — я впервые столкнулся с Блоком. Множество переводов из Блока — это была моя школа и мой первый сознательный поэтический акт. Как раз в это время я начал писать стихи, которые уже не прятал в ящик стола. Настоящим потрясением была для меня поэзия Маяковского, Есенина, Пастернака и других. Я переводил их, оттачивал свое перо, но не подражал.

Поэзия Маяковского сделала из меня поэта социалистического. Стихотворение „Поэт-рабочий“ стало моей жизненной и поэтической программой, пополнило мои фронтные, еще поверхностные уроки марксизма»²⁶.

Знакомство с трудами В. И. Ленина, литературные связи с Советской Россией способствовали формированию революционного мировоззрения и эстетических взглядов польских пролетарских писателей и оказывали революционизирующее воздействие на всю прогрессивную литературу.

Буржуазная пресса травила пролетарских писателей за их симпатии к Советскому Союзу. Оценивая деятельность журнала «Дзвигня» по пропаганде советской литературы, реакционная «Газета литератка», например, писала: «Интересна здесь необычайно большая симпатия к русскому творчеству и это унижающее оплевывание всего польского. Особенно преуспевает в этом Я. Гемпель»²⁷.

Журнал «Европа», ориентируя польских писателей на буржуазную Европу, в статейке под названием «Русью пахнет» заявлял: «Коммунисты „наши“, пропагандируя Азию, доходят до цинизма: на практике они становятся эмиссарами России, их польское происхождение вроде бы случайно, а по духу, культуре, по образу мышления они принадлежат к другому обществу»²⁸.

Что ж, буржуазный критик был прав в одном: духовно польские пролетарские писатели действительно принадлежали к иному, чем он, — социалистическому обществу, за осуществление которого в Польше они упорно боролись.

Поэтический манифест — сборник стихов «Три залпа», изданный в 1925 г. Броневским, Вандурским и Станде, — первое художественное

²⁵ В. Вандурский. Маяковский и польские поэты. «Життя и революція». Київ, 1931, кн. 7, с. 75.

²⁶ В кн.: В. Броневский. Стихи. М., 1968.

²⁷ «Gazeta Literacka», 1927, № 12.

²⁸ «Европа», 1930, № 9, с. 278.

выражение общих идейных стремлений пролетарской литературной группы. Сборник открывает новую страницу в истории польской социалистической литературы. В предисловии к сборнику, написанном В. Броневским, появляются образные и яркие определения роли пролетарского поэта — активного участника борьбы за новый общественный строй: «В беспощадной борьбе пролетариата с буржуазией мы решительно стоим на левой стороне баррикады. Гнев, вера в победу и радость — радость борьбы — заставляют нас писать. Пусть наши слова как залпы падают на центральные улицы и отдадутся эхом в фабричных кварталах. Мы боремся за новый социальный строй. Эта борьба является высшим содержанием нашего творчества»²⁹.

Почти одновременно с «Тремя залпами» вышли в свет и другие сборники: Станде — «Вещи и люди» (1925), Вандурского — «Сажка и золото» (1926), Броневского — «Ветряные мельницы» (1925), «Дымы над городом» (1927). В 1926 г. с поэмой «Слово о Якубе Шеле», посвященной предводителю крестьянского восстания 1846 г., выступает Б. Ясенский. Поэма явилась оригинальным и значительным вкладом в пролетарскую польскую литературу, важной вехой в ее развитии. Сохранив некоторые стилистические особенности футуристической поэтики, поэма утверждала право художника на творческую индивидуальность, свидетельствовала об отсутствии шаблона в новом революционном искусстве, о разных путях прихода художников к социалистическому и реалистическому творчеству. В 1928 г. Ясенский написал социально-фантастический роман «Я жгу Париж» — одно из первых прозаических произведений социалистической польской литературы, высоко оцененное в международной пролетарской печати, как важная попытка показать грядущую социалистическую революцию в европейском масштабе, путь которой был проложен Великой Октябрьской социалистической революцией.

В произведениях пролетарских писателей выдвигается в качестве основной тема разоблачения польской буржуазной действительности и капиталистического мира в целом, утверждается революционная борьба пролетариата. Их творчество роднит обращение к новому герою, вырастающему в ходе этой борьбы, — сознательному революционеру. Революционная борьба выступает в их произведениях как фактор, формирующий новый тип личности и ее внутренний мир, новое эстетическое отношение к действительности. Те художественные решения общих задач, которые предлагались пролетарскими писателями, зависели, естественно, от масштаба и характера дарования, от различий в представлениях о целях и возможностях пролетарской литературы.

Пролеткультовские схемы, важные еще для критиков «Новой культуры», были отвергнуты со вступлением в пролетарскую литературу Броневского, Ясенского и других значительных художников. Конечно, понадобилось еще немало времени, чтобы пролетарские литераторы избавились от ошибок пролеткультовского и вульгарно-социологического толка. Это касается и соратников Броневского по сборнику «Три залпа» — Вандурского и Станде, которые, приняв постулаты активного участия поэта в революционной борьбе, подчиняли свое творчество конкретным агитационным задачам, отказываясь от индивидуального лирического начала (за исключением немногих стихотворений)³⁰.

Вандурский и Станде продолжили на более высоком, профессиональном уровне агитационно-призывные тенденции пролетарской поэзии,

²⁹ «Trzy salwy». Warszawa, 1925.

³⁰ О пролетарской поэзии 20-х годов см. в нашей статье «Польская пролетарская поэзия 20-х годов» в кн. «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян». М., 1963.

которые были характерны для стихотворений рабочих поэтов, публиковавшихся в коммунистической печати³¹.

Общей чертой этой поэзии была ее искренняя революционная риторика, порыв к будущему. Несомненно, эту поэзию захлестывал прилив революционных настроений польского рабочего класса в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Казалось, что после победы революции в России не за горами и мировая революция и победа рабочего класса в Польше. Один из ветеранов польской компартии вспоминал о настроениях, царивших в то время: «Мы так горячо верили в быструю победу революции в Польше, что в проекте приветствия В. И. Ленину от II съезда КПП писали, что с радостью встретим его как дорогого гостя в воротах революционных Варшавы и Кракова»³².

На творчестве этих поэтов сказались влияние поэзии советских пролеткультовцев, которых пропагандировали «Культура работница» и «Новая культура», помещая переводы стихотворений Казина, Гастева и др. Особенно большую известность получило творчество Гастева. В 1921 г. в издательстве «Ксёньжка» была издана его книга «Поэзия рабочего удара». «Выдающимся представителем борющегося пролетариата в поэзии» называла «Новая культура» Гастева, помещая его статью «О пролетарском искусстве» (в переводе В. Вандурского), переводы его стихотворений.

Участник коммунистического движения 20-х годов Л. Кшемьень, например, пишет о своих стихах того времени: «В них чувствуется огромное влияние Гастева, книгой которого „Поэзия рабочего удара“ я увлекался тогда»³³. Общность польской пролетарской поэзии с поэзией Пролеткульта объясняется прежде всего тем, что, несмотря на существенную разницу в исторической ситуации Польши и Советской России, пролетарская поэзия первых лет в Польше была вызвана к жизни, как и поэзия Пролеткульта, волной революционного подъема рабочего движения.

При всех своих слабостях пролетарская — можно сказать, рабочая — поэзия начала 20-х годов была насыщена пафосом революционной борьбы. Она, хотя и в абстрактной форме, выражала уверенность рабочего класса в своей силе и победе. Это позволяет рассматривать ее как важную часть общего процесса формирования революционной пролетарской польской поэзии в 20-е годы.

Разумеется, в еще большей степени это относится к поэзии С. Станде и В. Вандурского, в лучших стихотворениях которых вырисовывается мужественная и цельная личность революционера, преданного делу рабочего класса.

Наиболее плодотворной реализацией принципов революционной поэзии стало творчество В. Броневского. Поэзия Броневского стала примером соединения новаторского содержания и обновления формы с умением использовать, синтезировать достижения поэзии предшествующих эпох, отечественную поэтическую традицию, как это было характерно для фор-

³¹ В 1922 г. в Варшаве был издан «Первый сборник рабочей поэзии» — «первая попытка вовлечения рабочих в литературу», по словам С. Р. Станде, который принимал участие в создании сборника (см. С. Р. С т а н д е. Польская пролетарская литература. «Литература мировой революции», 1931 г., № 9, с. 172). Стремление подчинить творчество задачам агитации и пропаганды было характерно для всей пролетарской литературы начала 20-х годов. В 1920 г., например, вышла автобиографическая повесть «Возрождение» рабочего-революционера Л. Рудницкого, который впоследствии рассказывал о работе над повестью: «Что побуждало писать? Разные причины. Но прежде всего — пропагандистские». — «Nowa Kultura», 1962, № 2.

³² A. L e n o w i c z. Na II zjeździe KPP. «Kartki z dziejów KPP», Warszawa, 1958, s. 60.

³³ «Nowa Kultura», 1924, № 8.

мирования литературы социалистического реализма. Броневский быстро прошел типичный для пролетарской поэзии 20-х годов путь от эмоционального выражения революционного энтузиазма, от революционной символики к реалистическому освоению действительности. Уже в стихах первых сборников «Ветряные мельницы» (1925), «Дымы над городом» (1927) и еще более в произведениях конца 20-х годов он отверг противопоставление публицистической поэзии лирике. Броневский продемонстрировал, что пролетарская поэзия охватывает разнообразие, богатство окружающего мира и человеческих чувств, осмысляя действительность с новых мировоззренческих позиций. Он создал портреты героев революции, своих современников, расширил горизонты пролетарской поэзии, включив в нее огромный мир мыслей, чувств, страстей и переживаний, рождающихся в жизни и борьбе революционера. Многообразны были у Броневского (в той или иной степени это относится и к другим пролетарским поэтам) нововведения и поиски в области формы: «ораторско-агитационная» интонация, введение тонического стиха, широкое применение ассонанса, смелые поэтические гиперболы, энергичная ораторская фраза. Броневский сделал достоянием польской поэзии современную политическую лексику, мастерски использовал в своих стихах язык газет, листовок, рабочих собраний и митингов. Стихи Броневского с энтузиазмом принимались рабочей аудиторией, признаны были произведениями, выражающими мысли и чувства революционных масс. Популярны они были также в кругах левой интеллигенции. Броневский оказал влияние и на творчество многих сочувствовавших революционному лагерю поэтов.

В становлении Броневского — поэта социалистического реализма — велика роль идей Октябрьской революции, ленинского учения, советской культуры. Тема эта все еще недостаточно разработана исследователями. Заметим здесь, что она является частью более обширной проблемы: польско-советских культурных связей, — имеющей, в свою очередь, разные аспекты, в том числе восприятие как определенных художественных средств, так и прежде всего определенных эстетических принципов. При этом литературные связи не выступают в изоляции от культурных, общественных, идеологических связей. Литература, воспринимающая от другой идейные и эстетические принципы, подготовлена к этому собственными национальными закономерностями историко-литературного процесса. Чаще всего мы встречаемся со сложным процессом взаимодействия явлений собственного литературного развития с явлениями инационального происхождения, который возможен лишь в условиях действия общих культурных и идеологических факторов.

Один из любимых образов поэзии Броневского — дерева. В предсмертном стихотворении «Дуб» поэт сравнивал себя с могучим дубом. Продолжая это сравнение, можно сказать, что с годами поэзия Броневского все глубже прорастала корнями в глубь национальной поэтической традиции, не утрачивая при этом своей оригинальности и поэтической конкретности. Его поэзия росла и вверх, как растет дерево, каждой весной обновляя листву и наращивая годовые кольца ствола. В кольцах дерева поэзии Броневского можно увидеть слои советской поэзии, у его корней — животворные идеи Октябрьской революции, о непреходящем значении которой для всего мира он писал в послевоенные годы:

Выстрел с «Авроры» гремит
для всех поколений.
На всю Россию, на весь мир:
Победа! Свобода! Ленин!

(Перевод М. Зенкевича)

Огромной роли Октябрьской революции в мировой истории, в истории своей родины, в своей личной судьбе Броневский посвятил многие строки своих произведений.

Кланяюсь русской Революции
шапкой до земли, по-польски,
делу всенародному,
советскому, могучему,
пролетариям, крестьянам, войску.

(«Поклон Октябрьской революции».
Перевод С. Кирсанова)

Такими проникновенными словами выразил Броневский свое преклонение перед Октябрьской революцией. В стихотворении проявилась и другая характерная особенность поэтического мышления Броневского — ощущение исторической преемственности, стремление показать сплав традиций и нового времени. От русских и польских революционеров XIX в. — Рыльева, Желябова, Варыньского — тянется непрерывная нить к героям Октябрьской революции, к подвигу защитников Сталинграда, к подвигу павших под Москвой и при взятии Берлина, тех, кто защитил завоевания социализма и проложил человечеству «мост в будущее».

Мы процитировали два стихотворения (а можно было бы цитировать еще и еще) поэта об Октябрьской революции, написанные в народной Польше. Но идеи этой революции, ленинское учение, оказавшие на него решающее влияние, поэт воспринял в начале своего творческого пути. Об этом свидетельствуют и его довоенное творчество, и приведенные выше строки его высказываний о Ленине.

Приведем еще одну цитату из найденного нами в архиве наброска статьи 1922 г. «Идейная характеристика молодежи после первой мировой войны». В статье этой Броневский писал о некоторой части молодежи: «То, чего они не могут или не хотят понять либо хотя бы почувствовать, — они отталкивают от себя, говоря с ужасом: „Это большевизм“. Слово „большевизм“ в польском языке приобрело магическое значение: оно стало пугалом, которым страшат каждого, кто хочет обратиться к решению общественных вопросов...»³⁴. Броневского «большевизм» не испугал, именно в нем он увидел для себя идейный ориентир.

В последние годы опубликованы многие свидетельства польских пролетарских писателей о влиянии на их мировоззрение и творчество советской литературы. В архиве В. Броневского хранятся и другие документы³⁵, расширяющие наши представления о знакомстве поэта и его окружения с русской советской литературой и о ее восприятии. К концу 20-х — началу 30-х годов относится, по-видимому, набросок рукописи Броневского «Современная русская проза», в котором он рассматривает биографии и творчество Вс. Иванова, К. Федина, М. Зощенко, Н. Тихонова и других советских писателей, отмечая закономерность расцвета советской прозы «с переходом государства в период социалистического строительства»³⁶.

Еще более интересна в этом отношении оставшаяся в рукописи часть статьи Броневского «Литература в Советской России. Разговор с Борисом Пильняком»³⁷. «Около восьми лет назад, — писал Броневский, —

³⁴ Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве.

³⁵ Впервые опубликованы в нашей статье «Польская марксистская литературная критика». В кн. Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. М., 1972.

³⁶ Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве. Папка XVIII/49-52.

³⁷ Статья эта была помещена без опубликованной нами части в еженедельнике «Ведомости литератке» в 1931 г., № 7.

литературная среда, в которой я вращался, переживала период интенсивного изучения и поглощения того, что вносила революция в русскую литературу. Приток книг, журналов и сведений о литературной жизни и ее преобразованиях в СССР был ограничен, тем не менее почти все то, что попадало нам тогда в руки, принималось как открытие, захватывало нас, начинающих в то время поэтов и прозаиков, становилось интегральной частью интеллектуального багажа, который каждый из нас взял с собой в жизнь и творчество». Рассказывая о своем знакомстве с поэзией Маяковского, Есенина, Пастернака, Каменского и других советских поэтов, Броневский подчеркивал: «Звучная общественная нота, которая все отчетливее слышалась в творчестве русских поэтов, довольно скоро определила ситуацию у нас: одни из польских поэтов еще больше сблизились с русской революционной поэзией со стороны ее содержания, другие в отрицании ее отошли более или менее далеко»³⁸.

Важно здесь, между прочим, подчеркнуть мысль о сближении польской революционной поэзии с советской поэзией именно «со стороны содержания»³⁹.

Полностью принимая идейные основы и цели молодой социалистической советской литературы, Броневский отвергал в то же время многие программные положения различных творческих групп в советской литературе. Ему были чужды и пролеткультовские лозунги, и ограничение задач творчества агитационно-пропагандистскими целями у теоретиков ЛЕФа. В 1927 г. он писал по поводу ЛЕФа: «Характерно: несмотря на то, что группу основали поэты-лирики, ее лозунги меньше всего можно распространить на поэзию. Один из лучших современных поэтов, Пастернак, почти никогда не выходит за пределы лирики и является виртуозом поэтического языка, как и Асеев; Маяковский сводит конструктивизм к утилитаризму и пишет рифмованные фельетоны. Третьяков довольно вульгарно агитирует в стихах»⁴⁰.

В избирательном, а не апологетическом отношении к советским авторам проявилась диалектика в использовании чужого опыта, которая заключается не только в его сознательном усвоении, но и в сознательном отталкивании от него.

Говоря о воздействии отдельных советских авторов или эстетических концепций на формирование польской социалистической литературы, нельзя упускать из виду дифференциации самой советской литературы. В 20-е годы она переживала период трудных, хотя в конечном итоге плодотворных поисков пути своего развития. В то время в ней велась борьба между разными группировками, которые объединяла общая идеологическая платформа, но разделяли разные концепции развития литературы. Поэтому недостаточно ограничиться констатацией позитивного влияния советской литературы — это влияние надо рассматривать более всесторонне, учитывая противоречия в развитии самой советской литературы. Так, серьезные ошибки были допущены деятелями РАПП⁴¹.

³⁸ Архив Дома-музея В. Броневского в Варшаве.

³⁹ И в более раннем высказывании о Маяковском (в 1924 г.) Броневский подчеркивал идейную общность поэзии Маяковского и своей: «Маяковский — это поэт нового мира, мира, создаваемого и управляемого человеком. И каждый, кто хочет быть и является строителем этого мира, почувствует, поймет и признает своей идеологию поэта». — «Nowa Kultura», 1924, № 3, s. 69.

⁴⁰ «Wiadomości Literackie», 1927, № 10.

⁴¹ По словам Ю. Либединского, они были «неистовыми ревнителями революционной пролетарской чистоты, которые защищали ее с такой яростью, что дай им волю — и нежные ростки будущего советского искусства были бы выполоты начисто» (Ю. Либединский. Современники. М., 1961, с. 42).

РАППовская программа объявляла всю культуру прошлого идеологически враждебной пролетариату, тематика начинающей заново пролетарской литературы ограничивалась изображением «революционной романтики жизни и борьбы пролетариата». Другим тезисом РАППа, причинившим немалый ущерб литературе, был лозунг «союзник или враг», применяемый к так называемым попутчикам.

РАППовские идеи были восприняты и частью польских пролетарских литераторов. Вслед за теоретиками РАППа Вандурский, например, писал в 1924 г. о том, что поэзия Маяковского или Толлера чужда пролетариату⁴², и даже значительно позднее, в 1932 г., называл Броневского лишь «попутчиком» пролетарской литературы⁴³.

Как видно из приведенных нами высказываний Броневского, поэт не принял РАППовских догм, получивших отзвук и в Польше. Советские писатели, которых так высоко оценивал Броневский, назывались в РАППовской критике мелкобуржуазными писателями, которые «не осознали пролетарского характера революции» и потому не могут иметь «положительного воспитательного значения для рабочего класса»⁴⁴.

Позиция Броневского была прямо противоположной. Она более близка взглядам на развитие советской литературы одного из видных советских критиков 20-х годов А. Воронского, который допускал известные ошибки, но в борьбе с РАППом был прав. Воронский, как и Броневский, относил таких писателей, как Вс. Иванов, В. Тихонов, А. Малышкин, Н. Асеев, «к новой интеллигенции, выпестованной революцией». «Они,— писал Воронский,— беспартийны, но они боролись за нас, за советскую землю. Они выросли из революции, они дети революции, ее воспитанники»⁴⁵.

Воронский придавал важное значение изображению жизни и борьбы пролетариата. Но он был решительным противником тематической узости, утверждая, что «задача пролетарского художника совсем не в том, чтобы изображать только ту действительность, творцом которой является пролетариат, а всю современную действительность в совокупности. Нужно только эту действительность видеть глазами коммуниста»⁴⁶.

Так же смотрел на задачи литературы и Броневский. Он призывал к расширению рамок пролетарской литературы, к преодолению однобокого представления о том, что в произведениях пролетарских художников обязательно должен быть показан основной классовый конфликт.

Некоторые критики в Польше ограничивали задачу пролетарской литературы, считая, что предметом ее изображения должны быть лишь исключительно «конфликты основных классовых сил», что в одном произведении «должны быть показаны собственный и чужой классы в их динамическом столкновении»⁴⁷.

Узость подобного подхода очевидна. Партийная позиция писателя проявляется не только в показе столкновения классовых сил. «Поэт должен вникнуть практически в проблематику общественной жизни. А когда это случится, пусть он пишет о чем хочет, потому что тогда все, что он создает, будет культурным документом эпохи и фактором в борьбе за новую культуру»⁴⁸, — указывал на задачи пролетарской поэзии Броневский в 1928 г. Разумеется, поэт имел в виду проникновение в пробле-

⁴² «Nowa Kultura», 1924, № 37.

⁴³ В. Вандурский. От легионов к революции. В кн.: В. Броневский. Избранные стихи. М.—Л., 1932, с. 1—5.

⁴⁴ «На посту», 1923, № 1, с. 198.

⁴⁵ «Красная новь», 1923, № 5, с. 368—369.

⁴⁶ Там же, с. 380.

⁴⁷ «Miesięcznik Literacki», 1931, № 19, s. 870.

⁴⁸ «Głos Literacki», 1928, № 12.

матику общественной жизни с позиции передового мировоззрения. Это высказывание Броневского характеризует возросшее понимание им принципа партийности, проявляющегося не только в теме произведения, в решении основного конфликта эпохи, а прежде всего в подходе художника к явлениям жизни. При этом Броневский, как и Воронский, вовсе не отрицал первостепенности общественно-политической темы в пролетарской литературе, участия художника в революционной борьбе.

Выступая против эстетства в поэзии и против ограниченного понимания задач пролетарской поэзии, Броневский отстаивал свое право художника видеть все богатство окружающего мира, все его гуманистические ценности, созданные многовековой историей человечества.

Именно в этом направлении, чуждом какого-либо сектантства и вульгаризации принципа классовости, решался вопрос о новом искусстве марксистской мыслью. Броневский словно перекликается с Луначарским, который решительно отвергал мнение о том, что писателя должно ограничивать в выборе тем и сюжетов. «Я отнюдь не хочу сказать, — писал Луначарский еще в 1914 г. в „Письмах о пролетарской литературе“, — что пролетарскому художнику должны быть интересны только чисто революционные темы. Наоборот, весь широкий мир должен интересоваться и волновать его. Все человеческие страсти от самых бурных до самых нежных пусть будут его красками. Но ведь этот мир преломлен будет сквозь новое пролетарское сознание...»⁴⁹.

Проводя подобные сопоставления, мы вовсе не хотим утверждать, что Броневский находился под влиянием Воронского или Луначарского. Речь идет об объективном приближении представителей марксистской мысли в разных странах к ленинским решениям вопросов литературы, о типологическом сходстве взглядов марксистских литераторов, глубоко понимавших задачи новой литературы и заботившихся о ее развитии. Польская революционная и советская литературы развивались в разных общественно-политических условиях, что, разумеется, надо иметь в виду, однако их многое сближало — прежде всего принцип коммунистической партийности, общий для всех социалистических литератур.

Более углубленного рассмотрения требует вопрос об отношении поэзии Броневского к творчеству Маяковского. Он уже имеет обширную литературу, на которой мы не будем останавливаться. Заметим лишь, что большинство исследователей писало о влиянии Маяковского на Броневского, ссылаясь на известное высказывание польского поэта: «Маяковскому я обязан окончательным разрывом с символистским старьем и отношением к слову как к оружию борьбы...»⁵⁰. Но прежде всего нельзя упускать из виду проблему соотношения влияния и типологической общности. Если у Броневского (особенно в раннем творчестве) и встречаются общие с Маяковским мотивы, то надо видеть в этом не всегда только факт влияния, а и обработку одного и того же мотива с помощью разных поэтик. В пределах разных типов художественного видения — а разница поэтик этих двух больших поэтов очевидна — не только аналогичные истины, но и художественные средства обретают разные эстетические функции. И парадоксально: подчеркивая величие и исключительность фигуры Маяковского, исследователи отодвигали в тень других больших советских поэтов, с которыми Броневский был в тесном творческом общении, — Блока, Есенина, Пастернака, Асеева и других. Тем самым обеднялся и сам Маяковский, его поэзия становилась как бы прокрусто-

⁴⁹ А. В. Луначарский. Там же, с. 171—172.

⁵⁰ «Wiadomości Literackie», 1927, № 47.

вым ложем, куда напрасно пытались поместить других поэтов (не только Броневского, но и советских поэтов).

Говоря о связях Броневского с советской литературой, надо, по нашему убеждению, в первую очередь, не выискивать часто иллюзорные «заимствования», а выявлять типологические схождения и сложную работу по претворению тех творческих импульсов, которые шли от советской культуры, способствуя формированию оригинального и самобытного художника. Надо, иначе говоря, видеть близость духовного опыта разных социалистических поэтов в решении общих гуманистических задач и в то же время видеть диалектический процесс и усвоения и неприятия чужого опыта.

Переход на революционные позиции Б. Ясенского, вступление в литературу В. Броневского, а также В. Вандурского и С. Р. Станде ознаменовали качественное изменение польской пролетарской литературы. Поэты расширяют сферу своей поэзии, творчески перерабатывают художественные достижения других школ и направлений. От эмоционального выражения революционного энтузиазма, от декларации солидарности с рабочим классом эта поэзия все увереннее переходит к большим социально-историческим обобщениям, к реалистическому изображению действительности, конкретных фактов повседневной борьбы, к осмыслению опыта революционной борьбы, что влечет за собой и обогащение арсенала ее художественных средств. Эти новые черты — черты литературы социалистического реализма — наиболее полно воплотились в творчестве Броневского. Вобрав в себя богатый жизненный материал, лирика Броневского становится своего рода лирической эпопеей борьбы польских трудящихся за социализм, в ней раскрывается многогранный, тесно связанный с проблемами эпохи социально-типичный лирический характер.

Присущее поэзии Броневского романтическое начало в той или иной степени присутствует и у других пролетарских поэтов. Иначе и быть не могло. Ведь помимо закономерного проявления революционно-романтических форм художественного обобщения в процессе становления литературы социалистического реализма, огромное значение имело обращение поэтов к наиболее яркой странице польской литературы — творчеству революционных романтиков А. Мицкевича и Ю. Словацкого.

Национальную основу польской революционно-пролетарской поэзии, ее связь с романтической традицией подчеркнул А. В. Луначарский. В предисловии к сборнику «Современная революционная поэзия Запада» (1930), размышляя над всплеском «великой и кипучей волны» революционной литературы, особенно бурным после «великого революционного взрыва в России», А. В. Луначарский высоко оценил вклад в мировую поэзию, «перевитую красной лентой революционного настроения», польских поэтов, вошедшие в антологию стихотворения В. Броневского, В. Вандурского, С. Р. Станде, Ю. Тувима, Б. Ясенского. Луначарский специально выделил «прекрасные произведения поляков, полные то подлинно разьедающей иронии, то народной бунтарской мужичьей романтики». Высоко ценя новаторство революционных художников, критик подчеркивал и значение национальной традиции, ценность революционно-демократического поэтического наследия для становления новой литературы. «У поляков, — писал он, — очень сильно сказывается отзвук их знаменитых романтиков: народная напевность, эпический сказ, баллада»⁵¹.

Реализм нового типа, основой которого стал осознанный принцип коммунистической партийности, — социалистический реализм — формиро-

⁵¹ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 6, с. 59.

вался в творчестве пролетарских художников в 20-е годы. О проявлении нового метода в их творчестве свидетельствуют наиболее общие идейно-эстетические принципы, сближающие между собой творчество Броневского, Ясенского, Вандурского, Станде и проявляющиеся каждый раз в индивидуальных стилях.

Своеобразно творческое развитие каждого из писателей, различны их конкретные творческие установки, художественные средства, степень таланта; различен их вклад в польскую литературу. Но при всем различии талантов, при всем разнообразии произведений для творчества пролетарских поэтов 20-х годов характерны общие черты — коммунистическая партийность, единый социалистический идеал, принципиальная общность лирического героя-революционера, отражение закономерностей, присущих новой эпохе, открытой социалистической революцией в России.

По пути, проложенному Броневским, Ясенским, Вандурским, Станде, — по пути выражения интересов и стремлений широких народных масс, в 30-е годы пойдет целая когорта поэтов и прозаиков — художников пролетарского лагеря: Л. Кручковский, В. Василевская, Э. Шиманский, Л. Шенвальд, А. Волица, Л. Пастернак и многие другие. В их произведениях еще полнее раскроются черты метода социалистического реализма.

Обращение к художественному опыту польской социалистической литературы убеждает в несостоятельности все еще распространенных у части польских критиков взглядов на социалистический реализм как явление неорганичное для польской литературы, лишенное глубоких общественных и эстетических корней.

Для некоторых польских критиков социалистический реализм — это лишь продукт определенной эпохи — 1949—1956 годов (применительно к польской литературе), для которого характерны эстетическая нормативность, идейно-художественные ограничения, обязательные административные предписания, дидактика и т. д. В польском «Словаре литературных терминов», изданном в 1976 г., социалистический реализм трактуется как «направление в советском искусстве, действующее с 1934 года, когда оно было прокламировано на съезде писателей М. Горьким»⁵². Автор статьи считает, что литература социалистического реализма должна «продолжать только те формы, которые выработал реализм XIX века», что для нее существуют только две темы — труда и революционной борьбы, она «обязана изображать мир не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть». Социалистический реализм в Польше, по мнению автора, «был введен на Щецинском съезде польских писателей и был официальным стилем первой половины 50-х годов».

Конечно, такой «сопреализм» мало привлекателен. Но он и не имеет ничего общего с подлинным искусством новой революционной эпохи, начинающейся с Великой Октябрьской социалистической революции. В Польше это искусство вовсе не было декретировано писательским съездом в 1949 г., а явилось закономерным следствием длительного литературного развития, оно утвердилось еще в 20-е, а затем и в 30-е годы в творчестве революционных художников.

Одной из причин отрицательного отношения к понятию «социалистический реализм» в польской критике является схематическое представление о новом искусстве значительной части марксистских критиков в 40—50-е годы, имевшее свои, объективно давно преодоленные и в СССР и в Польше исторические причины. Нормативное представление о социалистическом реализме сужает смысл и значение этого понятия, столь важного для дальнейшего развития литературы, регламентирует художественные

⁵² «Słownik terminów literackich». Warszawa, 1976, s. 365—366.

средства социалистического искусства, игнорирует неповторимый национальный опыт развития разных литератур, специфику этого развития, национальные традиции.

В 1958 г. Л. Кручковский писал о версии социалистического реализма, регламентирующей средства художественного изображения: «Если мы хотим создать лучшие условия для дальнейшего правильного и вполне плодотворного развития литературы и искусства в странах социализма, абсолютно необходимо полное и окончательное преодоление этой упрощенческой и обреченной на бесплодие версии социалистического реализма — не в декларациях с тех или иных трибун, но в ежедневной практике писателей, критиков и других творческих работников»⁵³.

Преодоление этой «версии» социалистического реализма связано с немалыми трудностями, но оно явственно наметилось в работах последних лет многих литературоведов и критиков, которые стремятся без предвзятости осмыслить и в историко-литературном и в теоретическом плане как опыт социалистического реализма в прошлом, так и пути его дальнейшего развития. Главный редактор журнала «Месенчник литерацки» В. Сокорский писал, например, в статье «Непрерывность развития культуры» о том, что в Польше «уже в межвоенные годы существовало подлинное направление социалистического реализма», и об органичности прихода к социалистическому реализму польских писателей, стоявших на позициях общественного прогресса и развития Польши по социалистическому пути⁵⁴.

Преодолению ложных взглядов на социалистический реализм способствует глубокая разработка проблемы, предпринятая в последние годы литературоведами в СССР. Широкий отклик получила выдвинутая Д. Ф. Марковым и поддержанная другими советскими литературоведами концепция социалистического реализма как «исторически открытой эстетической системы», открытой и для художественного отображения новых жизненных явлений, и для восприятия художественных завоеваний предшествующего искусства на основе коммунистической идейности. В. Навроцкий, например, в своей книге «Класс, идеология, литература» (1976) обосновывает и поддерживает точку зрения на социалистический реализм, представленную в работах Д. Ф. Маркова и Б. Л. Сучкова. При этом автор подчеркивает, что формулирование концепции социалистического реализма как единства революционно-гуманистических идеалов и широкой системы изобразительных средств совершается в острой полемике с вульгарными упрощениями и ревизионистскими отклонениями, ликвидирующими границы реализма.

Подлинно гуманистические традиции искусства, рожденного революцией, живы, они участвуют в развитии современного социалистического общества и его культуры, они постоянно приумножаются социалистическими художниками разных стран.

⁵³ Л. Кручковский. Литература человеческой солидарности. «Иностранная литература», 1958, № 10, с. 165.

⁵⁴ «Nowe Drogi», 1974, № 6.

ГЕОРГИЙ ЦАНЕВ

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Связи и отношения русской и болгарской литератур имеют глубокие корни. Начало их общения восходит к средневековью, к тому времени, когда в Болгарии еще только создавались письменность и древнеболгарская литература. И если в начале этого общения культурное движение шло от Болгарии к России, то позднее, когда Болгария потеряла свою национальную независимость, оно приняло обратное направление — русский народ возвратил Болгарии свой культурный долг сторицей. Процесс этот хорошо известен. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых специфических его моментах и чертах.

Даже если ограничиться историческим периодом от Возрождения до настоящего времени, станет очевидным могучее и плодотворное влияние русской литературы, как и всей русской культуры, на литературную, культурную и общественную жизнь Болгарии. Оно чувствуется в болгарской поэзии с первых ее шагов, ощущается в общественных и литературных воззрениях болгарских революционных демократов и деятелей болгарского Возрождения, улавливается в развитии реализма до и после освобождения Болгарии от турецкого рабства. Оно очевидно в усвоении социалистического реализма нового времени. Что касается реализма, необходимо добавить, что он естественно возник на национальной болгарской почве, обусловлен спецификой болгарской действительности и трезвым реалистическим болгарским характером. В осознании реализма, в его теоретическом осмыслении и утверждении как метода и направления несомненно огромное влияние русской литературной мысли.

Для болгарского читателя русская книга всегда стояла рядом с болгарской. Это объясняется тем, что русский язык, имеющий почти такую же азбуку, как и болгарский, всегда, даже в период фашизма в Болгарии, был обязательным предметом в болгарской средней школе. Большинство писателей, культурных и общественных деятелей Болгарии как до, так и после освобождения либо получали образование в России, либо воспитывались на русской литературе. В России учились первые болгарские поэты Н. Геров, Д. Чинтулов, Хр. Ботев, Л. Каравелов. В 1845 г. в Одессе вышла первая лиро-эпическая поэма Н. Герова «Стоян и Рада». В эпоху болгарского Возрождения ряд болгарских писателей (В. Априлов, Л. Каравелов и др.), живя подолгу в России, публикуют там свои книги на русском и болгарском языках. В 1860 г. в Москве болгарские студенты издают журнал «Братский труд». В 1861 г. русский историк, этнограф и публицист И. Г. Прыжов помогает Л. Каравелову в редактировании сборника «Памятники народного быта болгар». (Позднее Прыжов стал членом группы Нечаева, был осужден и сослан в Сибирь.) Сборник Каравелова издается

на средства Славянского комитета, одним из руководителей которого был И. С. Аксаков.

Говоря об интересе к русской книге в Болгарии, следует отметить и некоторый интерес к болгарской литературе в России. После освобождения Болгарии от турецкого ига художественные произведения болгарской литературы начинают переводиться на русский язык. Одним из первых был переведен роман Ивана Вазова «Под игом». После Октябрьской революции пробуждается живой интерес к творчеству болгарских революционных поэтов Смирненского, Радевского и др.

Между болгарскими и русскими писателями велась активная переписка. Так, Ив. Вазов состоял в переписке с Умановым-Каплунским, Петко Тодоров и Георгий Бакалов — с Максимом Горьким, который сотрудничал в журнале «Съвременник», издаваемом Бакаловым. П. Тодоров встречался с Горьким на Капри. Русские издатели при составлении юбилейных сборников нередко обращались за помощью к болгарским писателям.

Я не останавливаюсь на исследовании обратного процесса — интереса русских авторов к болгарской литературе и проникновении болгарских художественных произведений в Россию, — так как профиль этой статьи в известной степени автобиографичен. Приведенные примеры лишь в общих чертах иллюстрируют характер русско-болгарских литературных отношений.

Связь болгарской и русской литератур обуславливается не только близостью языкового и этнического родства, но и исторической судьбой болгарского народа, который обязан русскому народу своим освобождением от иноземного рабства.

Русская литература всегда была для болгар родной литературой. Ее роль и значение отмечались всеми известными болгарскими писателями и литературоведами. Приведу только два примера. В 1910 г. в речи на митинге, осудившем реакционный славянский собор в Болгарии, Пенчо Славейков заявил: «Россия освободила нас политически. Это известно даже детям. Но она раскрепостила и наш разум. Ей мы прежде всего обязаны той небольшой культурой, которую мы сейчас имеем и которая является лучшим залогом нашего дальнейшего духовного развития».

«Что представляла бы сейчас наша литература без русского влияния? — писал профессор Боян Пенев в 1924 г., говоря о России как о второй родине. — Дух идеализма и гражданственности, насколько мы ими обладаем, и те идут из России».

Не следует забывать, конечно, что культурное и литературное развитие Болгарии имеет свою специфику, обусловленную причинами общественного характера. На национальной почве возникают различного рода проблемы. Однако способы их разрешения, методы и средства художественного воссоздания жизни, к которым обращаются болгарские общественные деятели и писатели, в большой степени формируются под непосредственным влиянием русской прогрессивной общественной и литературной мысли. Это не обезличивало болгарских авторов, а помогало им найти правильный творческий путь, стимулировало их художественное развитие, не умаляя национальной специфики.

На этой глубокой основе идеи Октября нашли прямой путь к сознанию болгарского народа уже в начале революции. Влияние Октябрьской социалистической революции с его новым идейным содержанием явилось новым этапом традиционного русского общественного и культурного влияния в Болгарии. Этому процессу способствовало еще и то обстоятельство, что болгарский народ испытал все бедствия войны, которая кончилась для Болгарии трагично. Революционные настроения нашли выражение в народных волнениях, прокатившихся по стране и на фронтах и вылившихся,

наконец, во Владайское военное восстание (1918). В стране создалась революционная обстановка. Наиболее прогрессивная часть болгарского народа и интеллигенции, вдохновленная коммунистическими идеями, с напряженным вниманием следила за ходом русской революции.

В первые послевоенные годы в официальной культурной среде царил атмосфера скептицизма, смирения, уныния и пессимизма. Многие писатели разочаровались в идеалах и морали старого мира. Наиболее смелые жаждали нового, искали новых творческих путей.

Именно в это время влияние Октябрьской революции, проникшее в нашу общественную жизнь, охватило и литературу. Его действие проявлялось в двух направлениях: с одной стороны, оно помогало некоторым уже сформировавшимся до 1917 г. поэтам освободиться от старых идейно-эстетических воззрений, а с другой — озаряло путь молодым, еще только начинающим поэтам, воспитывая в них революционное мировоззрение и сознание коллективизма.

Так, под влиянием болгарской общественной жизни и социалистической революции в России некоторые представители символизма, в творчестве которых еще сохранялась связь с жизнью и гражданская направленность, — поэты Христо Ясенев, Гео Милев, Людмил Стоянов и Эм. Попдимитров, — ясно осознав несостоятельность своей художественной школы, рано или поздно перешли на новые революционные позиции. Стало очевидно, что поэтика символизма окончательно отверглась революционной эпохой. Надо было искать новое содержание и новые средства поэтического выражения.

Аналогичный процесс произошел и в России. Валерий Брюсов перешел на сторону революции, воспел ее в ряде стихотворений и даже стал членом большевистской партии. Ал. Блок утвердил революцию своей поэмой «Двенадцать». А. Белый пытался по-своему воспеть революцию в поэме «Христос воскрес».

В болгарской литературе влияние Октябрьской революции сказалось на творчестве даже такого писателя критического реализма, как Г. П. Стаматов, и такого мистика и теософа, как Ник. Райнов.

Наиболее значительный из молодых поэтов, чье раннее творчество озарено сиянием Октября, — Христо Смирненский. Он вырос и сформировался как поэт в условиях войны, в атмосфере боев за социализм. Еще в 1918 г. в одном из своих стихотворений он говорит о «бодрых воинах» русской революции. Начиная с 1920 г. Христо Смирненский вырастает в крупнейшего поэта революционного рабочего класса, вдохновенного певца Октябрьской революции. Для него Октябрьская революция становится основным объектом творчества. Воплощенная в грандиозные образы, она воспевается поэтом с исключительной силой чувств, необыкновенным полетом мысли и размахом воображения.

Новые идеи, чувства, стремления, которые принес Великий Октябрь, нашли самую благодатную почву в сознании поколения, чей расцвет пришелся на эпоху социальной революции, поколения, еще до 1917 г. находившегося под влиянием гуманизма русских классиков. К этому поколению принадлежу и я.

Когда я пытаюсь вспомнить момент, с которого началось влияние русской общественной мысли и русской художественной литературы на мое духовное развитие, память возвращает меня в детство. Еще до того, как я стал ходить в школу, моя мать рассказывала мне о русских, которые освобождали Болгарию от турецкого рабства. Больше всего ей запомнились казаки. Верхом на огромных лошадях, вооруженные длинными копьями, они остались в сознании нашего народа как воплощение непобедимой русской силы.

Одной из моих первых книг была сказка «Иван-царевич, Жар-птица, серый волк и Анастасия-красавица». Обработанное и переведенное на болгарский язык это произведение русского фольклора я приобрел на ярмарке, которая ежегодно устраивалась в нашем селе в мае, ко дню Кирилла и Мефодия — праздника славянского просвещения. На этих ярмарках часто продавались дешевые книжки для народа. Так впервые в роли освободительницы и в форме фольклора вошла в мой духовный мир Россия.

Более обстоятельно с русской жизнью и русскими людьми я познакомился, когда стал читать классическую русскую литературу, вначале в переводах. Раньше всего мне сделались близкими Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой и Горький. О Гоголе я узнал еще в школе, когда в связи с празднованием 100-летия со дня рождения писателя учитель рассказал нам о его жизни и творчестве.

Л. Толстой в Болгарии пользовался исключительно широкой популярностью. Многочисленны были и последователи его учения — толстовцы. Толстовцем был мой двоюродный брат, учитель Иван Йотовский, давший мне прочесть «Царство божие в вас» и «Моя вера» («В чем моя вера»). Обе книги в красивой мягкой обложке были изданы на болгарском языке.

Толстым-художником, который и до сих пор остается одним из любимых моих писателей, я увлекся уже в гимназии. Тогда русский язык преподавался, начиная с пятого (теперь девятого) класса. Я пытался читать хрестоматию под названием «Литературный сборник», снабженную историко-литературными комментариями петроградского профессора-болгариста Н. С. Державина. Я познакомился с произведениями русских классиков, прочел главы из «Евгения Онегина», «Героя нашего времени», «Мертвых душ», поэм «Полтава», «Цыганы», «Демон», прочел в оригинале однотомники Гоголя, Кольцова, Надсона, а на болгарском и русском языках — большую часть произведений Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, М. Горького. Из горьковского «Фомы Гордеева» я даже взял себе псевдоним — Ежов. После окончания гимназии, летом 1915 г., я читал в оригинале однотомники Пушкина и Лермонтова. С целью быстрее овладеть языком я перевел книгу Овсяннико-Куликовского «Гоголь в его произведениях» и послал ее в Софию Георгию Бакалову для издания. Но началась война, и перевод, уже одобренный, не мог быть напечатан.

Забегая несколько вперед, скажу, что известные знания из области русской классической литературы я получил благодаря лекциям русского эмигранта, революционера-народника Ореста Георгиева (Ореста Михайловича Говорухина), которые он читал в начале 20-х годов на историко-филологическом факультете Софийского университета. Преподаватель русского языка, Георгиев занимал нас не столько грамматикой, сколько рассказами о русской демократической и революционной классической литературе. Пламенный оратор, он читал свои лекции без всяких записей в переполненной аудитории. Его приходило слушать все прогрессивное студенчество.

В 1925 г. Орест Георгиев вернулся с семьей на свою новую, уже тогда социалистическую, родину, где перевел на русский язык прозу Христо Ботева и роман Алеко Константинова «Бай Ганю».

В марксистском кружке при партии тесных социалистов, который я посещал еще в гимназические годы во Враце, мне удалось познакомиться с рядом философских и литературно-критических работ Плеханова, Луначарского, Фриче и других марксистов, вышедших в Болгарии на русском и болгарском языках. Я начал изучать Белинского, и прежде всего с большим увлечением прочел его «Статьи о Пушкине», изданные у нас в популярной серии «Универсальная библиотека». «Неистового Виссариона» считаю первым своим учителем в области критики не только в ее теоретических

принципах и методе, но в категорически строгом стиле и высоком эстетическом критерии. Моими последующими учителями стали А. Луначарский, болгарский профессор Боян Пенев и чех Франтишек Шалда.

Зимой 1917 г. я служил на северном фронте. Февральская революция уже сделала Россию республикой, и русские войска были настроены революционно. Началось стихийное братание солдат, вскоре прекратившееся. Чувствовалось, что русским не хотелось воевать и они делали это больше для виду, выполняя приказ Керенского о наступлении, которое вскоре провалилось.

Свершилась Октябрьская революция. Разнеслась весть о том, что Советское правительство приняло Декрет о мире. Оно призывало к всеобщему миру без аннексий и контрибуций. Всех охватила радостная надежда на окончание кровопролитной войны. Я следил по газетам за борьбой большевиков. На фронт приходила «Рабочая газета» и, несмотря на цензуру, мы узнавали о событиях, происходящих в России. Мы знали, что Ленин вернулся в Петроград. О вожде революции я знал по сообщениям, рассказывающим о его борьбе против империалистической войны на Циммервальдской и Кинтальской конференциях. Однако уже тогда имя Ленина было дорого мне, как и всякому, кто искал в мире правду. Я жадно прочитывал часто противоречивые и тенденциозные сообщения о его деятельности. Спустя год, в начале 1919 г. мне впервые удалось познакомиться с одной из ленинских работ.

Под влиянием Октябрьской революции находящиеся среди офицеров нашего полка «тесняки» образовали группу политпросвета, в которую вошел и герой антифашистской борьбы Христо Михайлов. Мы собрали библиотеку из имеющихся у нас книг. Среди них оказалась работа Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Помню, мы читали ее с жадностью, а потом подробно разбирали основные ее положения. Работа оказала на меня благотворное влияние: она помогла освободиться от целого ряда устаревших положений «тесных» социалистов.

Первой работой, которую я прочитал в 1920 г., еще более прояснившей образ Ленина, была книга «Государство и революция».

Для нас, изучавших марксизм в школьных кружках еще до первой мировой войны, Октябрьская революция и ленинские работы явились настоящим переворотом в сознании. Мы учили, что социалистический строй должен утвердиться в разных индустриальных государствах одновременно, что социализм придет с Запада. А он пришел с Востока. Октябрьская революция показала, что при известных условиях социалистический строй может установиться и в таких отсталых странах, как Россия. Мы больше не разделяли заблуждений, содержащихся в работах типа книги Каутского «На другой день после социальной революции».

Революция была для нас далекой мечтой. Никто не ожидал, что она свершится так скоро. Октябрьская революция опрокинула наши представления о масштабах исторического развития, разрушила идею автоматического прихода социализма...

Вслед за идейным и общественно-политическим влиянием Октябрьской революции шло воздействие созданных ею новой культуры, новой литературы и искусства. Молодая советская литература проникала к нам, несмотря на постоянно чинимые этому препятствия. С каким священным трепетом, в ожидании встречи с чем-то исключительным, открывали мы первые советские книги и журналы, доставляемые нелегально по Черному морю. Литература перевозилась на моторных лодках в мешках под водой. Напечатанные на плохой бумаге, пропитанные запахом моря страницы окрыляли нас. Они рассказывали о том, что уже сбылось в великой братской стране и о чем мы могли еще только мечтать.

Не стану рассказывать о всех путях, которыми проникала к нам советская литература, и о том, какие произведения советских авторов мне удалось прочитать в то время. Приведу лишь некоторые факты, связанные с моей литературной практикой этого периода.

Ныне мы идем одним путем с Советским Союзом. Хорошо известно, что болгарская и советская литературы развиваются в свободном плодотворном общении. Но в тяжелые годы начавшегося в нашей стране фашизма голос свершившейся в России революции был для нас голосом надежды на освобождение от всякого рабства, призывом к борьбе за новую жизнь. Всякая связь с советской литературой или выражение любви к ней считались проявлением антифашизма.

Получаемые нелегально в редакциях изданий нашей компартии и культурных центрах Синдикального дома на ул. Кирилла и Мефодия советские книги и журналы передавались из рук в руки и содержание их жадно поглощалось.

Среди первых ласточек советской литературной весны сильное впечатление на меня и моих товарищей произвели поэмы «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока, известного у нас еще до революции. С вдохновением молодости мы декламировали эти произведения, особенно часто повторяя строки:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.
Пока не поздно — старый меч в ножны!
Товарищи! Мы станем — братья!

Любили скандировать также звучные стихи Андрея Белого:

Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Это была не только новая поэзия. Это были революционные лозунги, вошедшие в нашу жизнь, ставшие выражением нашей непримиримой страсти.

У меня случайно сохранилась тетрадь с заметками о советской литературе, относящимися к началу 20-х годов. Здесь и названия прочитанных книг (сборник пролетарских поэтов «Завод огнекрылый», 1918; Н. Поморский. «Цветы восстания», 1918; В. Кириллов. «Стихотворения», 1918; А. Луначарский. «Королевский брадобрей», 1918), и различные стихотворения, и целые абзацы статей из пролеткультовского журнала «Грядущее», из журнала «Красная новь», который мне особенно нравился, и журнала «Под знаменем марксизма». Тогда мы жадно искали в журналах статьи Луначарского и старательно их изучали. Его «Позитивную основу эстетики» я прочел еще до войны.

Вспоминаются произведения тех лет — пьеса Маяковского «Мистерия-буфф», сборник стихов Василия Казина «Рабочий май», 1922, в котором меня особенно восхищали стихотворения «Рубанок» и «Гармонист», повесть Ю. Либединского «Неделя». В 1921 г. Крум Кюлявков привез из России книгу в то время модного писателя А. Гастева «Поэзия рабочего удара» и совместно с Х. Смирненским перевел ее на болгарский язык. Сборник вышел под названием «Химни на труда».

Надо признаться, что в свое время мы не чувствовали пороков пролеткультовской поэзии и ее теории. Мы безоговорочно принимали ее, как и все, что шло из страны строящегося социализма. Однако меня смущало и порой даже возмущало нигилистическое отношение пролеткультовских поэтов к литературному и вообще культурному наследию. Я не мог согласиться с В. Кирилловым, который заявлял в своем стихотворении «Мы», что необходимо отречься от всего старого искусства и старой культуры:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растощем искусства цветы.

Не соглашались и другие. Наш ведущий марксистский критик этого времени Георгий Бакалов в своей книге «Беседы по искусству» (1924) возражает именно этому нелепому утверждению Кириллова.

О литературной жизни Москвы и Петрограда мы узнавали из издаваемых в Берлине журнала «Накануне», еженедельного приложения к газете «Накануне» и журнала «Новая русская книга». Журнал «Накануне» редактировал А. Толстой, который к тому времени перешел на позиции Советской власти и активно боролся с белой эмиграцией. Я регулярно покупал этот еженедельник. В нем печатались стихи Есенина, П. Орешина, Н. Асеева, О. Мандельштама и других поэтов, рассказы и отрывки из романов Вс. Иванова, Федина, Л. Никулина, Вл. Лидина, М. Пришвина и самого А. Толстого. Чаще всего печатались произведения «Серационов». О них тогда много писали. Были целые номера, посвященные А. Блоку (в связи с годовщиной со дня смерти), М. Горькому (к 30-летию его литературной деятельности).

В журнале «Новая русская книга» (№ 5, 1922) я прочел автобиографию С. Есенина, некоторые стихотворения которого мне уже были известны. Его жизнь казалась мне необычайно интересной.

Жизненный и творческий путь Есенина вызвал у меня, горожанина сельского происхождения, острый интерес. Тому способствовала еще и причина личного характера. Из его автобиографии я узнал, что год, месяц и день рождения Есенина совпадают с моими. Тщательно следя за всем, что выходило из печати, я собрал почти все произведения Есенина того времени: поэмы «Инония» и «Товарищ», напечатанные в книге «Россия и Инония» (изд. «Скифы», Берлин, 1920), собрание стихов и поэм (изд. Гржебина, Берлин — Петербург — Москва, 1922), «Стихи скандалиста» (изд. И. Т. Благова, Берлин, 1923), «Пугачев» (Русское универсальное издательство, Берлин, 1922). Кажется, было и еще что-то, выходящее до 1922 г. Позднее покупал подряд все его издания до последнего полного собрания сочинений. Есенин, которого Горький называет «инструментом, созданным природой для поэзии», безраздельно завладел мною. Он и сейчас один из моих любимых поэтов. Есенин был первым советским поэтом, который приобрел у нас широкую известность, завоевал любовь многих и оказал влияние на целый ряд наших поэтов молодого поколения. Почти одновременно мы познакомились с творчеством В. Маяковского.

Благодаря берлинским русским издательствам Гржебина, Ладыжникова, «Эпохе» и др., а также недостаточной компетентности цензуры, мы знакомились со многими произведениями советских писателей. В Берлине выходил также обемистый журнал по вопросам науки и литературы «Беседа», издаваемый, как отмечалось на его первой странице, «при близком участии М. Горького». Издавалась и небольшая по формату «Библиотека для всех», один из номеров которой представлял крайне односторонне составленную антологию «Поэзия большевистских дней» (1921). В 1922 г. вышел сборник «Серационовы братья. Заграничный альманах». Хотя я уже читал о писателях этого круга статьи в журнале «Накануне» и даже отдельные произведения некоторых его авторов, в этом сборнике мне впервые довелось познакомиться с ними достаточно полно. Здесь были произведения Мих. Зощенко, Льва Лунца, Вс. Иванова, Мих. Слонимского, Констан. Федина, В. Каверина, Ник. Тихонова, Елизаветы Полонской, Ник. Никитина, Ильи Груздева. Благодаря берлинскому «Книгоиздательству пи-

сателей» я приобрел книгу стихов Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые», повесть Ник. Никитина «Русские ночи» (1923), роман «Голубые пески» (1923) и повесть «Возвращение Будды» Вс. Иванова.

Вскоре первые советские издания стали появляться и у нас, вначале, кажется, в книжном магазине на Русском бульваре напротив русской церкви. Это был магазин русского эмигрантского издательства «Печатное дело». Он торговал главным образом эмигрантскими изданиями, но среди них попадались книги, издаваемые в Советской России. Продавцы хорошо знали своих клиентов, и когда приходил покупатель, которого интересовали советские книги, продавец наклонялся и, доставая из-под прилавка ту или иную книгу или журнал, с любезной улыбкой сообщал: «Это для вас».

У ограды нынешнего здания советского посольства раскладывал свои книги и русский эмигрант Иваней, известный всем любителям русской книги. Здесь были старые русские книги и эмигрантские произведения, но водились и советские издания. Порой ему можно было даже заказать ту или иную книгу. Советские книги и журналы можно было доставать по абонементу у издателей Чипевых, где этим занимался русский эмигрант Павел. В этих трех местах во второй половине двадцатых годов и позднее, вплоть до начала войны, я доставал советскую литературу.

Среди первых приобретенных мною книг советских писателей, кроме упомянутых, были сборники стихов «В такие дни» (1921) и «Дали» (1922) Валерия Брюсова, «Серп» (1921) Сергея Городецкого, характерные для идейного развития этих поэтов, рассказы «Сопки» (1923) Вс. Иванова и «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах» (1924) Луначарского. Все это были издания госиздата Москвы и Петрограда, что нас особенно привлекало.

Одним из первых произведений советской прозы, которое произвело сильное впечатление не только на меня, но и на многих болгарских читателей, были входящие в сборник «Сопки» партизанские повести Вс. Иванова: «Партизаны», «Цветные ветра» и особенно «Бронепоезд № 14—69». Мой близкий друг писатель Ангел Каралийчев перевел отрывок из «Бронепоезда», который был опубликован в 1924 г. в воскресном издании «Наши дни», где мы оба сотрудничали.

Нет необходимости перечислять все советские книги моей библиотеки из советской литературы. Я всегда стремился приобрести все, что так или иначе было связано с моей литературной работой. Я всегда был уверен в том, что мы не смогли бы идти вперед, не следя за развитием советской литературы. В 30-е — 40-е годы по недосмотру фашистской полиции мне удавалось доставать сборники литературно-критических статей М. Горького, историко-литературные исследования А. Луначарского, сборники стихотворений В. Маяковского, романы К. Федина, А. Фадеева, М. Шолохова, Леонида Леонова, Ильфа и Петрова, А. Толстого, роман которого «Петр Первый» и заметки по поводу работы над ним очень помогли мне в 1942 г. при работе над статьей «Об историческом романе», повести и рассказы Л. Сейфуллиной. Сейфуллина была первым советским писателем, с которым мне довелось встретиться. Это было в 1927—1928 гг. в Праге.

В 1934 г. дипломатические отношения между Болгарией и Советским Союзом восстановились. Этому радостному историческому событию писатели Св. Минков, Эмиль Коралов и я решили посвятить весь девятый номер редактируемой нами газеты ЛИК («Литература, искусство, критика»).

Мы стремились публиковать в газете статьи о советской литературе, а также переводы отдельных произведений. Так, в подвальной части газеты печатался роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Однако далеко не все разрешалось цензурой. Например в десятом номере она запретила поместить портрет известного советского режиссера Таирова и сообщение

о праздновании двадцатилетия его творческой деятельности в Советском Союзе, несмотря на нашу пометку, что сообщение взято из французской газеты «Nouvelles littéraires».

Особенно трудно было подписаться на советские периодические издания. Подписка принималась только отдельными издательствами, но получение всех номеров не гарантировалось, так как полиция постоянно принимала меры, чтобы помешать их регулярной доставке — она конфисковывала тиражи и преследовала подписчиков. Но мне все-таки удалось получить ряд номеров «Литературной газеты» в 1932, 1934—1935 гг., а также достать отдельные номера газеты «Литературный Ленинград» за 1935 г., а из журналов — «Красную новь» и «Звезду». Регулярно приходили только «Литературный критик» и «Новый мир», журналы, которым я многим обязан. Они в значительной степени удовлетворяли мой интерес к развитию советской литературы, знакомили с творчеством советских писателей и достижениями советского литературоведения.

В 1938 г. под моей редакцией начал выходить журнал «Искусство и критика», который объединил коммунистов, демократов, антифашистов — всех прогрессивных представителей художественной интеллигенции Болгарии. Среди задач журнала была публикация статей, посвященных классикам русской литературы и советским писателям, а также их произведениям. Однако добиться разрешения на издание такого журнала было нелегко. Когда после долгого периода ожидания я, наконец, получил разрешение, секретарь председателя совета министров строго предупредил меня, что издание разрешается только благодаря авторитету книгоиздательства Христо Данова, которое брало на себя издательские расходы журнала при условии, что в нем не будет допущено никаких статей и художественных произведений коммунистического содержания.

Цензура пристально следила за всем, что готовилось к печати, становясь год от года все более свирепой. С ней мы имели неоднократные столкновения, всякий раз кончавшиеся предупреждением не печатать недозволенного. У меня не сохранилось всех запретов цензуры, но некоторые из них я могу привести. Так, для июньского номера за 1939 г. было подготовлено переведенное Блениковой стихотворение А. Жарова «Новый май». Цензор его вычеркнул. После длительных объяснений и хождения по инстанциям стихотворение разрешено было напечатать с указанием в следующий раз не допускать подобных стихов. Когда мы подготовили путевые заметки о Советском Союзе Крыстю Белева, где приводилось описание одного большого колхоза, цензура запретила их печатать, не желая слушать никаких объяснений. Особенно трудным был следующий случай. К столетию со дня смерти Лермонтова в журнале были помещены переводы нескольких стихотворений поэта и среди них «Предсказание» («Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет»), которое прошло незамеченным цензурой. В день празднования годовщины в Народном театре артистка Марта Попова с большим вдохновением прочла это стихотворение в присутствии представителей двора и местной власти. Разразился настоящий скандал. Актриса была выслана в маленький провинциальный городишко, а журнал было приказано закрыть. И только благодаря авторитету издательства его удалось спасти.

В 1940 г. с писателем Христо Радевским, активным сотрудником «Искусства и критики», отличным знатоком советской литературы, о которой им было написано и опубликовано в журнале немало статей, мы решили отметить десятилетие со дня смерти Маяковского. В специально посвященном этой дате номере мы поместили портрет поэта, Радевским было переведено стихотворение «Юбилейное», а мною написана большая статья «Маяковский у нас».

Стремясь выразить наше отношение к советской литературе и ее творцам, я посылал по пять экземпляров каждого номера журнала в Москву в ВОКС, надеясь, что он привлечет внимание интересующихся болгарской литературой, один экземпляр — профессору Н. С. Державину и один — в Киев, Государственному издательству национальных меньшинств. В 1939 г. я получил письмо из ВОКСа следующего содержания (привожу полностью).

«ИЗКУСТВО И КРИТИКА»

Москва, 3 августа

ежемесячный

1939

литературно-художественный журнал

№ 348—09

Бул. Цар. Освободител 6

С О Ф И Я

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей выражает Вам глубокую благодарность за регулярную присылку Вашего интересного журнала и было бы чрезвычайно радо иметь возможность посылать Вам взамен любое из наших советских изданий. Просим Вас указать, какие периодические издания Вы хотели бы получать от нас в 1940 г.

Кроме того, мы могли бы выслать Вам небольшие статьи на русском и французском яз. на любую интересующую Вас тему о советском искусстве, литературе, театре и т. д.

В ожидании Вашего ответа
с совершенным уважением
Зам. председателя ВОКС
Хейфец

Трудно передать мою радость при получении этого письма. Но, к сожалению, война помешала осуществить эти контакты. И только в 1956 г., посетив в Москве музей Маяковского, я узнал, что посвященный поэту апрельский номер журнала «Искусство и критика» за 1940 г. был получен музеем вовремя. Об этом номере нашего журнала «Литературная газета» от 28 июня 1940 г. (№ 35) писала: «В четвертой книге болгарского журнала „Искусство и критика“ (София) напечатаны „Юбилейное“ („Юбилейно“) Маяковского в переводе Хр. Радевского и статья Георгия Цанева „Маяковский у нас“. Г. Цанев пишет о большой популярности Маяковского в Болгарии, о характере и особенностях его творчества, о его влиянии на многих болгарских поэтов, разбирает качество многочисленных переводов Маяковского на болгарский язык.

Трудно точно установить дату первого знакомства Болгарии с великим русским поэтом, пишет Цанев, но имя Маяковского упоминалось еще в 1921 году в статье, опубликованной в журнале „Везни“ (№ 4), а в 1924 г. автор „150 000 000“ уже был хорошо известен в Болгарии, и его произведение с увлечением переводили болгарские поэты. Гео Милев писал о Маяковском в те годы, что это „быть может, самый великий русский поэт, рожденный революцией“.

В 1930 г., узнав о смерти Маяковского, группа писателей, объединенных вокруг журнала „Новис“, выпустила специальный номер „Маяковский лист“. В редакционной статье говорится: „В Болгарии Маяковский — наш“. Стихи для номера переводили Ламар, Николай Хрелков и Славчо Красинский.

Разбирая переводы Маяковского на болгарский язык, Цанев приводит примеры часто допускаемых переводчиками искажений смысла, наруше-

ний ритма и т. д. Наиболее близкими к оригиналу он считает переводы Хр. Радевского».

Статья в «Литературной газете» свидетельствовала об осуществлении связи писателей нашего круга с советской литературой.

После победы сентябрьской революции я стал членом болгаро-советского общества, а затем и председателем его Литературной секции. Когда в Болгарии еще находились советские войска, в Софию приезжали советские писатели Илья Эренбург (его имя было потом присвоено одной из софийских школ) и Николай Тихонов, с которым я познакомился у Людмила Стоянова.

Новая эпоха ставила перед нами те же задачи, что и перед советскими писателями. Необходимость дружеского общения и обмена опытом становилась очевидной. Об этом писал мне в одном из своих писем Ник. Тихонов.

Москва, 18 октября 1945

Дорогой товарищ Цанев,

У меня к Вам есть две небольшие просьбы. Я написал письма болгарским друзьям — поэту Людмилу Стоянову и писательнице Веселине Геювской.

Я хотел бы передать их через Литературную секцию Болгаро-советского общества.

Я считаю, что писатели Болгарии и Советского Союза должны быть постоянно в самой оживленной переписке по творческим вопросам, которые ставит время перед мастерами литературы, и в дружеской беседе о книгах, ими написанных.

Посылая Вам самые лучшие пожелания успеха,
остаюсь с уважением
Н и к о л а й Т и х о н о в

14 мая 1946 г. я получил второе письмо от Николая Тихонова, тогда уже председателя Союза советских писателей. На бланке «Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР», напечатанном на русском, французском, английском, немецком и испанском языках, предназначенном по-видимому для отправки в различные страны, было написано:

Вы были в числе тех исследователей литературы, которые писали о Горьком. Подготавливая в связи с десятилетием со дня смерти писателя (18 июня 1946 г.) книгу «Писатели мира о Горьком», мы приглашаем Вас принять участие в этой книге и дать для нее Ваше мнение о значении Горького для литературы Вашей страны.

Размер статьи до 1000 слов.

Председатель Правления
Союза советских писателей СССР
Н. Тихонов

Разумеется, я написал и послал тогда статью. С Тихоновым мы встречались потом неоднократно, последний раз в 1972 г. в Москве, на вечере, посвященном памяти Георгия Димитрова.

После революции 9 сентября 1944 г. перед болгарскими литераторами встала большая задача — переоценка литературного наследия. Мне предстояло решать ее и как литературному критику и как преподавателю университета. Содержание задачи имело два аспекта: разработку марксистской периодизации болгарской литературы и определение отношения к несоциалистическим писателям. Одновременно я составлял программу преподавания литературы в университете и писал учебник по болгарскому языку и литературе. Меня интересовал советский опыт составления программ и

учебников. По моей просьбе проф. Д. Михалчев обратился к советской Академии наук с просьбой прислать нам соответствующую литературу. В ответ было получено письмо от директора Института мировой литературы им. Горького В. Ф. Шишмарева.

12 марта 1945 г.

Председателю Болгарской Академии наук
профессору Д. Михалчеву

Уважаемый господин председатель,

Прошу извинить меня за столь поздний ответ на Ваше письмо от 16 XII 1944 г., полученное мною лишь после недавнего моего возвращения в Москву. Наш Институт, в составе которого имеется специальный отдел истории советской литературы, руководимый профессором Л. И. Тимофеевым, готов помочь болгарским историкам литературы в деле более глубокого ознакомления с советской литературой. К сожалению, подготавливаемое нами руководство еще не настолько готово, чтобы господину Цаневу можно было предоставить рукопись этого труда. Мы можем дать ему пока только рекомендуемый библиографический список, об изготовлении которого я дал указание сотрудникам Института. Как только он будет готов, он будет выслан по Вашему адресу.

Директор Института
В. Ф. Ш и ш м а р е в, член-корреспондент
АН СССР

Собственно это и было моим желанием — получить библиографию, по которой я смог бы выяснить интересующие меня вопросы.

Я отдался работе с большим увлечением, и скоро учебник по болгарскому языку и литературе был готов. На основе многолетнего изучения предмета мною были написаны разделы, посвященные болгарской и советской литературам. (Раздел по другим славянским литературам был написан проф. Э. Георгиевым). За вводной главой, представляющей очерк развития советской литературы, следовали монографические очерки о Горьком, Маяковском, А. Толстом, А. Фадееве, М. Шолохове, Н. Островском.

Это был первый в Народной Болгарии учебник, куда вошли новая болгарская литература и литература советская.

Я не считал бы свой рассказ о роли русской классической и советской литературы в моей литературной судьбе законченным без следующего. С самого начала моей литературной деятельности, воспитанный на традициях прогрессивных болгарских писателей и писателей русской классической литературы, я усваивал великие общечеловеческие идеи, идеи гуманизма и социальности как существенные элементы подлинного искусства. Октябрь укрепил во мне эти убеждения и уже с первых шагов моей деятельности как литературного критика обратил внимание на революционную, демократическую и гуманистическую литературу, литературу, которая способствует смене старого классового общества новым, воспитывает борцов для этого нового общества. Исследование влияния Октябрьской революции на развитие болгарской литературы и ее отдельных мастеров, которому я посвятил немало статей, стало одним из любимых предметов моей литературно-критической деятельности.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Сборник документов и материалов. «Наука», 1976

Вождь Октябрьской революции В. И. Ленин, направляя партию большевиков, рабочий класс и всех трудящихся России на решительную борьбу за свержение господства капиталистов и помещиков, указывал, что в этой борьбе союзником российского пролетариата является пролетариат всех стран, что с переходом власти к Советам ему обеспечена международная поддержка трудящихся и что социалистическая революция в России явится мощным ускорителем мирового революционного процесса. Весь ход всемирно-исторического развития со времени Великого Октября неопровержимо подтверждает правоту ленинских идей. Интернациональная солидарность трудящихся содействовала победе пролетарской революции в России. «Одной из замечательных черт Октябрьской революции был пролетарский интернационализм, который прочными узами связал рабочих России с их братьями по классу во всем мире», — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Можно с полным основанием сказать, что победа Октября — это и победа международного братства трудящихся, победа пролетарского интернационализма. В рядах Красной Армии плечом к плечу с сынами народов нашей страны сражались венгры и поляки, сербы и хорваты, чехи и словаки, болгары и австрийцы, немцы и финны, румыны и монголы, корейцы и китайцы, представители многих других национальностей. Это был боевой интернационал революционеров¹.

Идеи пролетарского интернационализма, под знаменем которого совершилась первая в мире социалистическая революция, имели международный характер и значение, получили дальнейшее развитие на всех последующих этапах всемирного революционного процесса. «Под знаменем интернационализма была одержана победа Октября, укреплялись позиции первого социалистического государства, возникла мировая система социализма, крепнет и развивается содружество социалистических государств, растет и сплачивается международное коммунистическое,

рабочее движение», — указывает ЦК КПСС в постановлении о 60-й годовщине Октябрьской революции².

Возрастающая роль пролетарского интернационализма в деле упрочения позиций мирового социализма, сплочения международного коммунистического движения, единства всех антиимпериалистических сил в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс обуславливает актуальность глубокой научной разработки его теории и политики, истории интернациональной солидарности трудящихся. Важное значение такой разработке придает КПСС. Л. И. Брежнев в приветствии участникам Всесоюзной научно-теоретической конференции «60-летие Великого Октября и торжество пролетарского интернационализма», состоявшейся в апреле 1977 г. в Ташкенте, подчеркнул, что тема конференции имеет особую актуальность, указал на большое значение научного анализа богатейшего опыта Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР как революционной школы пролетарского интернационализма, раскрытия величия теории и политики пролетарского интернационализма на современном этапе мирового революционного процесса³.

В числе проблем, которые особенно широко стали исследоваться в последние два десятилетия, выделяется изучение истории участия зарубежных трудящихся в борьбе за победу Советской власти в России. За эти годы в социалистических странах опубликовано несколько сотен работ, посвященных этой проблематике. Большая часть их выполнена учеными нашей страны. Научная разработка истории интернационалистского движения среди зарубежных трудящихся в России в период Октябрьской революции и гражданской войны является важным, перспективным направлением в развитии советской исторической науки.

Важное значение для успешного проведения исследований имеют документальные издания. В 1957—1976 гг. опубликованы сборники, содержащие несколько тысяч документов, ставших ис-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, с. 81—82.

² «Правда», 1977, 1 февраля.

³ «Правда», 1977, 14 апреля.

точниковедческой основой для изучения интернационалистского движения. Ряд документальных публикаций создан совместными усилиями научных учреждений социалистических стран. Это относится и к рецензируемому сборнику документов, подготовленному большим коллективом историков и архивистов СССР и Югославии к 60-летию Великого Октября. Оценивая советско-югославскую публикацию как убедительное доказательство плодотворности тесных связей в сфере науки, председатель советской части комиссии историков СССР и СФРЮ академик А. Л. Нарочницкий отмечал, что сборник рисует широкую картину содружества югославских интернационалистов с российскими рабочими и крестьянами в борьбе с внутренней контрреволюцией и интересами за победу Советской власти в России⁴.

При оценке научной значимости документальной публикации прежде всего выдвигаются такие критерии, как широта охвата архивов и фондов, которые были обследованы с целью розыска материалов, новизна публикуемых документов, археографические методы обработки документов. Анализируемый сборник отвечает самым высоким научным требованиям. Для его создания были обследованы десятки архивных фондов, периодическая печать и другие источники, хранящиеся в партийных и государственных архивах, музеях и библиотеках СССР и СФРЮ. В результате было выявлено много сотен документов и материалов, из которых более 400 вошло в сборник, другие были использованы в научно-справочном аппарате. В подавляющем большинстве документы ранее не публиковались, хотя известная их часть в той или иной мере уже была использована в литературе. Однако в сборнике немало и документов, которые не были известны и введены в научный оборот впервые. Документальное издание позволяет продвинуть вперед изучение проблемы, получить новые научные данные и сделать важные обобщения.

Сборник открывается обстоятельным предисловием, раскрывающим ленинские положения о всемирно-историческом значении Октябрьской революции и ее примера для развития мирового революционного процесса, показывающим роль интернационалистского движения в усвоении и распространении опыта Октября, знакомящим читателя с основными этапами антивоенного, национально-освободительного и революционного движения среди сотен тысяч югославянских трудящихся в России. В предисловии изложены принципы публикации, разработанные редколлегией сборника.

Содержащиеся в сборнике документы

позволяют с большой полнотой проследить возникновение революционных настроений среди югославянских трудящихся в России, глубокое воздействие на них Октябрьской революции. Они убедительно показывают, что Октябрь стал решающим фактором для развития интернационалистского движения, в том числе и среди представителей югославянских народов — сербов, хорватов, словенцев, черногорцев, македонцев, жителей Боснии и Герцеговины. Отражая общие процессы интернациональной солидарности, материалы сборника раскрывают в то же время и специфические особенности революционного движения среди югославян, обусловленные рядом обстоятельств, в том числе историческими условиями и задачами национально-освободительной борьбы югославянских народов. Они раскрывают глубокую взаимосвязь интернациональных и национальных задач в движении солидарности зарубежных трудящихся в России.

Документы сборника позволяют пересмотреть и уточнить некоторые сложившиеся в историографии оценки. В частности, это относится к освещению истории Югославянского революционного союза. Авторам удалось найти устав союза (документ сохранился плохо, в сборник включены в виде фотокопий только титульный лист и первая страница устава) и резолюцию конференции, проведенной в Киеве в январе 1918 г. (док. № 60). Если в литературе содержалось утверждение (основанное на воспоминаниях) о том, что союз перешел на позиции поддержки социалистической революции, то публикуемые документы показывают, что этого еще не произошло. Вместе с тем они свидетельствуют об определенных сдвигах в его программных установках после победы Великого Октября. В уставе, составленном до осени 1917 г., союз ставил своей задачей только борьбу за национальное освобождение народов Югославии, причем это освобождение исключительно связывалось с победой Антанты над Германией и Австро-Венгрией. Между тем в резолюции конференции на первое место уже выдвинуто социальное освобождение трудящихся югославянских земель, содержится признание, что его можно достигнуть только посредством классовой борьбы.

Восприняв Октябрьскую революцию как интернациональное дело пролетариата всех стран, революционные элементы из числа югославянских трудящихся приняли участие в борьбе за установление власти Советов в Москве, Екатеринославе, Киеве, Одессе и других местах. Но надо заметить, что содержащиеся в литературе факты об этом извлечены только из воспоминаний. Составителям сборника не удалось выявить и ввести в научный оборот документы об участии югославских интернационалистов в установлении Со-

⁴ А. Л. Нарочницкий. За общее дело. «Правда», 1976, 29 ноября.

ветской власти. Поиски такого рода целесообразно продолжить.

Большую группу документов составляют документы (устав, протоколы, отчеты, доклад и другие материалы) Южнославянской группы РКП(б). Немало включено и документов местных югославянских коммунистических организаций, действовавших на Урале и Украине, в Поволжье, Туркестане, Сибири и других районах. Эти источники позволяют всесторонне изучить многогранную партийно-организационную, агитационно-пропагандистскую и военную деятельность коммунистов-югославян среди своих соотечественников в Советской республике. Они показывают, что большевистская партия стала для вступивших в нее югославянских революционеров величайшей школой марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Великий Октябрь, партию Ленина, Советское государство югославянские интернационалисты рассматривали как источник бесценного революционного опыта, считали важным использование его в революционно-освободительном движении на родине, учитывая конкретные местные условия, сложившиеся традиции и задачи.

Анализ состава сборника и сопоставление его с имеющимися в нашем распоряжении материалами дает основание заключить, что документы центральных организаций югославянских коммунистов опубликованы с достаточной полнотой. Хотя в сборнике имеется немало документов местных югославянских организаций РКП(б), однако они могли бы быть представлены полнее. Также на наш взгляд следовало бы включить и ряд документов местных комитетов РКП(б) по руководству деятельностью организаций зарубежных коммунистов. В качестве примера такого рода интересных и важных документов можно назвать циркуляр Сибирского областного бюро РКП(б), изданный в сентябре 1920 г. и определявший задачи работы среди беженцев и военнопленных, возвращавшихся на родину⁵.

Защиту завоеваний Великого Октября югославянские интернационалисты считали своей интернациональной обязанностью по отношению к Советской республике и патриотическим долгом по отношению к братьям по классу и родине. Интернационалисты понимали, что, сражаясь за свободу трудящихся России, они тем самым борются и за свободу своих народов, за будущую социалистическую Югославию. И это прослеживается по всему документальному сборнику. Его многие материалы характеризуют формирование подразделений Красной Армии, включавших добровольцев-югославян, их участие в борьбе с австро-немецкими агрессорами, контрреволюцией на Волге и

Дону, в Сибири и других местах. Благодаря публикации в рецензируемом сборнике исследователи получали целый ряд или впервые вводимых в научный оборот или еще мало использованных документов. В частности, это относится к деятельности югославянских революционеров в штабе по формированию интернациональных революционных войск, действовавшим весной 1918 г. в Москве (док. № 42—44, 47, 49, 52, 53, 61, 63—66, 68—76 др.). Отдельные документы вносят большую ясность и дают возможность уточнить обстоятельства, связанные с формированием воинских частей югославянских интернационалистов в Поволжье, Сибири и других местах (док. № 98—100, 109, 110, 112 и др.).

Значительный интерес представляют документы о героях гражданской войны и командирах Красной Армии О. Дундиче, Д. Сердиче, начальнике Интернациональной дивизии Б. Агатоновиче и др. (док. № 132, 269, 301—303, 334, 335, 375, 376, 418 и др.). Несомненный интерес представляет докладная записка Югославянского отдела Наркомнаца от 7 октября 1918 г. (док. № 153), в которой содержатся сведения о том, что к этому времени в рядах Красной Армии состояло около 5 тыс. югославянских добровольцев, что позволит в будущем с учетом других источников за последующий период ввести ясность в весьма трудный вопрос об определении общей численности югославянских интернационалистов в Вооруженных силах Советской республики за все годы гражданской войны.

Археографическая обработка документов и материалов к публикации — передача текста, датировка и составление заголовков, комментирование — соответствует требованиям, предъявляемым к документальным изданиям научного типа. Составители успешно справились со сложностями, возникающими при передаче текста документов, написанных на иностранных языках, а также документов на русском языке, составленных иностранцами, включавшими в текст слова и фразы из других языков. Все текстовые особенности таких документов оговорены в примечаниях (док. № 3, 8, 22, 40, 62, 91 и др.). Только в отдельных случаях составителям сборника не удалось установить авторство (203) или точную дату документа (45, 60, 74).

Комментарии к документам, а их в сборнике несколько сотен составлены на основе широкого круга источников и в большинстве своем носят исследовательский характер. Они расширяют научно-информационную ценность сборника, раскрывают взаимосвязи между отдельными публикуемыми документами и освещаемыми в них фактами и событиями.

Отмечая высокий научный уровень комментариев, следует в то же время заметить, что в отдельных случаях, в силу

⁵ «Известия Сибирского областного бюро РКП(б)», 1920, 5 сентября.

их краткости, некоторые факты освещены неполно, односторонне. Так, рассматривая брожение, охватившее Сербский добровольческий корпус после Февральской революции и выразившееся в уходе из него части солдат и офицеров, авторы комментария пишут, что развал корпуса мог нанести политический и военный ущерб делу освобождения Сербии (док. № 2, прим. 1). Такая оценка касается лишь одной стороны вопроса — использования добровольческого корпуса в боях за освобождение Сербии (на Салоникском фронте). Между тем в нашей литературе показано, что национальные формирования — украинские, армянские, польские, чехословацкие, румынские, югославянские, которые сколачивались националистической контрреволюцией, являлись одним из средств затормозить революционное движение среди рабочих и крестьян нерусских национальностей и иностранных трудящихся, ослабить интернациональную солидарность, представляли существенную опасность для назревавшей социалистической революции в России и борьбы украинских, польских, югославянских и других трудящихся за свое социальное освобождение после свержения национального гнета. Что касается Сербского добровольческого корпуса, то уход части солдат и офицеров из него облегчил возникновение революционно-демократического движения в среде югославянских трудящихся и ограничил возможности контрреволюции по использованию национальных воинских формирований в борьбе против Советской власти (остатки корпуса были переброшены на Салоникский фронт).

Недочеты в комментировании обусловлены прежде всего неизученностью отдельных аспектов проблемы.

Так, в сборнике помещен подлинник воззвания Югославянской революционной федерации с призывом к сербам, хор-

ватам и словенцам, обманом и насилем втянутым в войска интервентов, не участвовать в войне с Советской республикой (док. № 126). При этом, однако, следовало бы сообщить, что оно было опубликовано в газете «Известия» 19 августа 1918 г. и, ознакомившись с ним, В. И. Ленин распорядился распространить воззвание в форме листовок на фронте⁶.

Важным элементом научно-справочного аппарата документальных изданий являются указатели, схемы, перечни и т. д. «Указатель имен» рецензируемого сборника, содержащий краткие биографические сведения об упоминаемых в документах лицах, представляет определенный шаг вперед в области развития практической археографии. Исследователь получает возможность лучше понять и отобразить роль тех или иных лиц в исторических событиях.

Завершая анализ совместного советско-югославянского сборника документов, хотелось бы высказать некоторые замечания о перспективах развития публикации источников по теме. Значительный интерес представляло бы издание хранящихся в архивах, прежде всего в фонде Землячества интернационалистов в ЦГАСА, неопубликованных воспоминаний, автобиографий и анкет зарубежных участников Октябрьской революции и гражданской войны, а также фототипические издания прессы интернационалистов за 1917—1920 гг. Введение в научный оборот новых исторических источников сыграло положительную роль в изучении темы, которая остается одним из важных и перспективных направлений в исследованиях, посвященных Великому Октябрю.

В. Р. Копылов

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 38, л. 6.

«ZSSR — Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna». Pod red. naukową H. Chołaja i I. Dudinskiego. Warszawa, 1976, 504 s.

«СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь»

Глубокое и всестороннее раскрытие проблемы советско-польских отношений, изучение советско-польского сотрудничества и его роли в укреплении дружбы между советским и польским народами имеет важное политическое и научное значение.

Поэтому появление сборника материалов международной научной конференции, проходившей в Москве 24—25 апреля 1975 г. в ознаменование 30-летия подписания Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, вызвало значи-

тельный интерес научной общественности обеих стран.

В конференции приняли участие представители партийных и советских органов, профсоюзных и других общественных организаций, деятели культуры, а также видные ученые: философы, экономисты, юристы и историки СССР и ПНР. Поэтому тематика опубликованных в рецензируемой книге докладов охватывает широкий круг вопросов.

Сборник открывается докладом К. Ф. Катусева «В братском союзе». Советско-польское братство, указывает автор, ро-

дилось в общей борьбе поколений русских и польских революционеров. Под знаменем интернационализма десятки тысяч поляков вместе с рабочими России боролись за победу Октябрьской революции, сражались в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Договор 21 апреля 1945 г. о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ПНР стал важным этапом в укреплении братства обеих стран. Автор раскрывает различные аспекты сотрудничества в области экономики и культуры, базирующегося на идеологическом и политическом единстве КПСС и ПОРП. Тесный советско-польский союз, подчеркивает автор, еще больше укрепляет единство всей мировой системы социализма.

Последующие две статьи сборника: А. Вербяна — «Союз, сотрудничество и дружба народной Польши с СССР — фундаментальная основа политики ПОРП» и Ю. М. Жукова — «Братская дружба и сотрудничество народов Советского Союза и Польской Народной Республики — воплощение принципов социалистического интернационализма» — как бы дополняют и развивают доклад К. Ф. Катусева. В них приводятся многочисленные примеры сотрудничества в различных областях и на различных уровнях. Подчеркивается, что только социалистическая революция открывает дорогу к образованию поистине братских, добрососедских отношений между народами.

Доклад Тадеуша Пыки «Совместное участие Союза Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республики в осуществлении комплексной программы социалистической экономической интеграции» открывает новый раздел, посвященный вопросам советско-польского экономического сотрудничества. В нем приводятся ценные сведения из истории развития и становления польско-советских экономических связей, в частности о создании в 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи и его значении в развитии экономических связей между странами — участницами СЭВ, о договорах, заключаемых ежегодно между СССР и ПНР в различных отраслях народного хозяйства. Участие обеих стран в осуществлении комплексной программы социалистической экономической интеграции поднимает их сотрудничество на еще более высокую ступень, способствует росту экономического могущества СССР и ПНР, всего мирового социалистического содружества.

Как известно, в последнее время братские партии, правительства стран социалистического содружества уделяют огромное внимание перспективным направлениям социально-экономического развития и составлению долгосрочных программ международного экономического сотрудничества и прежде всего социалистической интеграции. О том, как осуще-

ствляется и будет осуществляться такая долгосрочная программа экономических связей между СССР и ПНР (вплоть до 1990 г.), показано в исследовании О. Т. Богомолова, А. Н. Барковского и Л. С. Семеновой — «Основные направления и факторы долгосрочного экономического сотрудничества СССР и ПНР».

На современном этапе развития стран социализма особенное значение имеет ускорение научно-технического прогресса и органическое совмещение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. В документах XXV съезда КПСС и последних съездов братских партий социалистических стран подчеркивается, что ускорение научно-технического прогресса является решающим фактором повышения эффективности производства и одним из главных факторов успешного строительства социалистического, и коммунистического общества. Именно поэтому в постановлении XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза по проекту ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» указано на необходимость «всемерно расширять и углублять экономическое и научно-техническое сотрудничество с социалистическими странами на основе взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи»¹. В рецензируемом сборнике вопросам советско-польского научно-технического сотрудничества посвящена статья польского автора Яна Качмарека.

В системе многостороннего сотрудничества СССР и ПНР важное место занимают связи в области общественных наук, осуществляемые на различных уровнях между научными учреждениями, отдельными учеными-обществоведами. Этим вопросам посвящена статья польских исследователей В. Маркевича и Г. Холая «Польско-советское сотрудничество в области общественных наук». Связи эти, как указывают авторы, имеют свои богатые традиции. Особое внимание в статье уделено анализу совместной деятельности в решении главных проблем теории социализма, а также вопросам борьбы с буржуазной идеологией, ревизионизмом.

Последние годы озаглавлены динамичным развитием идеологического сотрудничества КПСС и ПОРП. Опубликованная в сборнике статья И. Г. Богомоловой «Некоторые вопросы советско-польского идеологического сотрудничества» дает новые сведения из этой важной области сотрудничества, охватывающего все основные отрасли общественно-политической жизни и включающего широкий обмен опытом социалистических преобразований, партийного и хозяйственного

¹ «XXV съезд КПСС. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». М., 1976, с. 90.

строительства, деятельности массовых общественных организаций, идеологической работы. Традиционным стало проведение совместных научных конференций, симпозиумов, совещаний по различным вопросам идеологической деятельности обеих стран.

В сборнике уделено большое внимание вопросам советско-польского братства по оружию, сотрудничеству СССР и ПНР в области укрепления единства социалистической системы, упрочения мира во всем мире, обеспечения безопасности в Европе, помощи народно-освободительному движению, сотрудничеству обществ советско-польской и польско-советской дружбы, профсоюзных и молодежных организаций. Эти важные вопросы нашли всестороннее освещение в статьях В. Полянского, М. Добросельского, В. Барщевского, Р. Поспешинского, В. И. Валевского, Б. Валигурского, А. А. Малихина.

Ценное исследование провели польские историки Л. Базылев и М. Войцеховский. В их статье, посвященной критике буржуазной историографии по вопросу польско-советских отношений, аргументированно показана несостоятельность враждебных социализму «теорий» современных буржуазных и реформистских фальсификаторов истории, идеологов антикоммунизма.

В процессе строительства коммунистического общества в СССР и развитого социалистического общества в ПНР возрастает роль воспитания и обучения. В сборнике помещены статьи С. Чайки «Ленинская концепция воспитания и обучения в развитии социалистической педагогики в народной Польше» и Я. Ключинского «Развитие форм польско-советского сотрудничества в области просвещения», в которых глубоко анализируются вопросы сотрудничества СССР и ПНР в области науки и просвещения.

В строительстве новой, социалистической культуры, в совместной борьбе против буржуазной идеологии важное место принадлежит интернациональным связям и сотрудничеству СССР и ПНР в области искусства и культуры. В рецензируемом сборнике этим вопросам посвящено пять материалов советских и поль-

ских авторов — доклады: А. Сычевского — «Развитие и совершенствование форм культурного обмена между СССР и ПНР», Е. Коссака — «Польско-советские культурные связи и развитие культуры в народной Польше», К. Жигульского — «Культурное сотрудничество как фактор сближения польского и советского народов», Н. И. Бухарина — «Советско-польское культурное сотрудничество и его место в системе культурных отношений социалистических стран» и Т. В. Порфирьевой — «Роль советско-польского культурного сотрудничества в формировании социалистического способа жизни».

Наряду с традиционными политическими, экономическими и культурными связями на советско-польском сотрудничестве на протяжении минувших трех десятилетий появились новые формы, в частности, установлены прямые и непосредственные контакты между соседними приграничными районами СССР и ПНР и городами. Об этом рассказано в статьях: Т. Ковалюка — «Сотрудничество советских и польских кооперативных организаций», В. С. Толстого — «Формы сотрудничества между соседними районами Белорусской ССР и ПНР», Ф. Жигараса — «Отношения между городами-побратимами и приграничными районами Советской Литвы и народной Польши».

Материалы, помещенные в рецензируемом сборнике, дают целостное представление о всестороннем советско-польском сотрудничестве и представляют большой интерес для исследователя взаимоотношений между социалистическими странами, всех тех, кто интересуется вопросами взаимоотношений между братскими странами социалистического содружества.

Сборник имеет отличное полиграфическое оформление. Опубликованные в нем материалы в значительной мере восполняют пробел в исследовании актуальных вопросов взаимоотношений братских стран мирового социалистического содружества и, в частности, Советского Союза и Польской Народной Республики.

П. М. Калениченко, В. П. Колесник

«KSC a naše priateľstvo a spojenectvo so ZSSR». Druhé doplnené vydanie. Bratislava, 1975, 374 s.

«Коммунистическая партия Чехословакии и наша дружба и союз с СССР»

В 1975 г., в 30-ю годовщину освобождения Советской Армией Чехословакии, был издан ряд коллективных работ, посвященных проблематике чехословацко-советских отношений¹, и среди них рецензируемый сборник статей словацких историков. Во вступительных статьях президент Словацкой академии наук В. Гайек и известный словацкий историк Й. Грозненчик раскрыли политическое значение этой работы (с. 7—32). В частности, В. Гайек отмечает, что выпуск этого сборника преследует не только сугубо научные цели, но и поможет политическому воспитанию широких кругов трудящихся и в первую очередь молодежи (с. 9).

Главная задача, которая ставилась при издании сборника, подчеркивает далее В. Гайек, показать, что дружба народов Чехословакии с советским народом имеет большие традиции и что в деятельности Коммунистической партии Чехословакии развитию дружеских отношений с Советским Союзом всегда придавалось важное значение.

Тематически сборник можно разделить на две части. Первая представлена статьями А. Губенака «Из истории чехословацко-советских отношений в межвоенное время» (с. 33—169) и Э. Райсовой «Борьба КПЧ за дружбу и союз с СССР в 1934—1938 гг.» (с. 171—203). А. Губенак, используя большой документальный материал из Центрального государственного архива Братиславы и местных словацких архивов городов Трнава, Мартин и других, а также периодическую чешскую и словацкую коммунистическую печать, осветил все важнейшие аспекты чехословацко-советских отношений в межвоенное время: борьбу трудящихся Словакии против войны Польши с Советской Россией; интернациональную помощь трудящихся Словакии Советской России во время голода в Поволжье в 1922 г. и при создании чехословацкого кооператива в СССР «Интергельбо»; многолетнюю борьбу народных масс Словакии под руководством КПЧ в защиту первого в мире социалистического государства и за признание Советского Союза Чехословакией де-юре. Автор вводит в научный оборот значительное количество новых интересных материалов, касающихся

Словакии, например, о торжественных собраниях, посвященных памяти В. И. Ленина, деятельности «Общества экономического и культурного сближения с Советским Союзом» и «Союза друзей СССР», тексты выступлений словацких деятелей литературы П. Илемницкого, Я. Поницана и Э. Шандора и рабочих — членов делегации в СССР о первом социалистическом государстве.

Э. Райсова рассматривает деятельность КПЧ, направленную на создание единого антифашистского фронта внутри страны и укрепление дружественных отношений с СССР. В своем исследовании автор опирается на многочисленные публичные выступления по вопросам защиты независимости чехословацкого государства виднейших деятелей компартии: К. Готвальда, А. Запотоцкого и Я. Швермы.

Вторая часть рецензируемого сборника представлена исследованием словацкого историка Я. Пиволуски «Национально-освободительное движение в Словакии и Советский Союз. 1939—1945» (с. 205—317) и его сообщением «Решающая борьба за чехословацко-советский союз» (с. 319—335).

Уже в первом разделе своей основной работы Я. Пиволуска, освещая внутреннюю обстановку в Словакии 1939—1941 гг., отмечает, что, несмотря на фашизацию страны, широкие массы словацкого народа симпатизировали Советскому Союзу, его миролюбивой внешней политике и верили в возможность освобождения от фашистского гнета с помощью СССР, о чем свидетельствуют многочисленные документы, извлеченные автором из центральных и провинциальных архивов Словакии (с. 216—218). Решающую роль в проведении антифашистской пропаганды в эти годы играли словацкие коммунисты. В частности, выпущенные ими листовки «Обращение коммунистической партии к словацкому народу» (март 1940) и «Обращение к рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции» помогали трудящимся Словакии разобраться в сложных вопросах международной политической жизни (с. 228).

Значительно активизировали свою деятельность, как пишет Пиволуска, словацкие коммунисты с начала Великой Отечественной войны. Так, нелегальный ЦК компартии Словакии наряду с пропагандой стал уделять большое внимание организации саботажа и диверсий в промышленности и на транспорте, созданию первых партизанских отрядов (с. 235) и особенно — работе в армии, так как сло-

¹ «Přehled dějin československo-sovětských vztahů v období 1917/1939. Praha, 1975, а также материалы чехословацко-советского симпозиума — «Československo-sovětské vztahy jako faktor mezinárodní politiky (1917—1970)». Praha, 1975.

вацкое фашистское правительство решило послать ее на восточный фронт, т. е. против Советского Союза. Основываясь на архивных документах, автор сообщает о нежелании словацких солдат воевать против советского народа. Так, например, из первой словацкой моторизованной бригады, в конце июня 1941 г. посланной на советско-германский фронт, часть офицеров и солдат перешла на сторону Советской Армии (с. 245). Детально разбираются причины начавшегося в 1942—1943 гг. разложения словацкого государства, главная из которых — влияние побед Советской Армии на Волге (с. 251—252). Приводятся автором и многочисленные факты, свидетельствующие о массовом переходе к концу 1943 г. словацких солдат и офицеров на сторону Советской Армии (с. 257—258, 270). Пиволуска анализирует два важнейших документа антифашистского движения Сопротивления в Словакии: «Рождественское соглашение»², заключенное в самом конце 1943 г. между оппозиционными партиями по инициативе V нелегального ЦК компартии Словакии, и обращение «К словацкому народу и армии», подписанное 2140 словацкими воинами, перешедшими на советскую сторону. В обоих документах, отмечает автор, речь шла о борьбе за новую демократическую Чехословакию, в которой словаки будут равноправны с чехами (с. 270—274).

В специальном разделе этого исследования, посвященном Словацкому национальному восстанию, рассказывается о большой помощи, оказанной восставшим Советским Союзом. Так, повстанцам были доставлены на самолетах вооружение, боеприпасы, переброслена 2-я парашютно-десантная бригада, прибыли в Словакию и некоторые руководители советского партизанского движения (с. 282). Подчеркивает автор и тот факт, что, идя навстречу пожеланиям московского ру-

² См. об этом: Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, с. 98—100.

ководства КИЧ и выполняя свои союзнические обязательства по договору от 12 декабря 1943 г. Советское верховное командование изменило направление наступления советских войск, в результате чего 9 сентября 1944 г. началась Дукельская операция (с. 283). О большом стремлении к укреплению дружбы с Советским Союзом широких масс словацкого народа свидетельствует, в частности, успешная деятельность курсов русского языка на повстанческой территории.

Советская общественность с большим вниманием следила за ходом Словацкого восстания. Центральная советская печать регулярно помещала материалы советских журналистов, посвященные Словацкому восстанию. В те дни была опубликована статья К. Готвальда «К национально-освободительной борьбе» (с. 291—295). Нельзя не согласиться с Пиволуской в том, что в совместной борьбе на фронтах Словацкого национального восстания окрепло братство и союз народов Чехословакии и Советского Союза (с. 296). Приводит автор и многочисленные интересные свидетельства, относящиеся к более позднему периоду: благодарственные письма словацких жителей освобожденных Советской Армией городов и сел в адрес Верховного командования Советских Вооруженных Сил (с. 301—303). Со своей стороны, советские партизаны — участники Сопротивления в Словакии выражали в письмах своим словацким братьям по борьбе признательность за оказанное им гостеприимство (с. 303—304).

В своем кратком сообщении «Решающая борьба за чехословацко-советский союз» Я. Пиволуска рассказывает об острой борьбе, которую вели чехословацкая компартия и другие революционные силы в течение первых послевоенных лет против реакции за внешнюю ориентацию на Советский Союз.

Рецензируемый сборник по столь актуальной проблеме представляет большой интерес для читателей.

Ф. Молок

ЦЕННОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Подготовленный большим коллективом советских и болгарских историков и архивистов первый том совместной публикации документов и материалов¹ пред-

¹ «Советско-болгарские отношения. Документы и материалы», т. I, ноябрь 1917—сентябрь 1944. Ред. коллегия тома: Л. Б. Валев (отв. ред. советской части редколлегии), М. А. Бирман, Р. П. Гришина, В. И. Злыднев; В. Хаджинико-

ставляет значительный научный и политический интерес. Коллективом составителей проделана огромная работа по выявлению и систематизации документов и материалов по истории советско-болгарских отношений почти за три десятилетия. В том I сборника включено

лов (отв. ред. болгарской части редколлегии), Е. Диловска, П. Панайотов. «Наука», 1976, 651 с.

более 650 документов: правительственные сообщения, договоры и соглашения, ноты и письма НКВД СССР и болгарского МИД, записи бесед советских и болгарских дипломатов, воззвания партийных и общественных организаций, переписка деятелей культуры и т. п. Большая часть их публикуется впервые. Подобранные в хронологическом порядке, материалы дают полное представление о развитии государственных, дипломатических, общественно-политических, экономических, научных и культурных отношений между СССР и Болгарией от победы Великой Октябрьской социалистической революции до 9 сентября 1944 г.

Сборник открывается историческими ленинскими документами, в которых сформулированы основные принципы внешней политики Советского государства, которое с первых дней своего существования выступало за мир, за установление дружественных, добрососедских отношений с Болгарией.

Многие страницы сборника отражают деятельность БКП (т. с.) по организации массового движения в защиту Советской России. «Болгарский народ не может быть союзником русских контрреволюционеров», — говорилось в одном из воззваний (док. № 50). В результате решительных выступлений рабочего класса планы империалистов использовать Болгарию в качестве плацдарма для антисоветских авантур, втянуть ее в интервенцию против молодой Страны Советов были сорваны.

Рецензируемая публикация убедительно показывает, что правительство А. Стамболийского, пришедшее к власти в мае 1920 г., стало на путь постепенного, но неуклонного сближения с Советской страной. Этому способствовали переговоры между Г. В. Чичериным и Стамболийским в Генуе (док. № 132). Были предприняты конкретные шаги для нормализации отношений между двумя государствами. Болгария первой из балканских стран наладила торговые связи с Советской Россией. Она единственная в этом регионе приняла официальную советскую миссию Красного Креста, что означало, по существу, признание Советской республики де-факто.

Перспектива нормализации отношений между двумя государствами, предполагавшая установление дипломатических отношений вызвали активное противодействие международной и внутренней реакции. «Опыт видного болгарского государственного деятеля Александра Стамболийского изменить линию внешней политики, — отмечал Г. Димитров, — как известно, завершился насильственным свержением его правительства и злодейским убийством самого Стамболийского»².

Установление фашистского режима в июне 1923 г. привело к полному разрыву болгаро-советских отношений. А. Цанков и его правительство развернули антисоветскую кампанию, распространяя измышления о «руке Москвы» как первопрямой причине революционного движения в Болгарии и, в частности, Сентябрьского восстания 1923 г., обвиняя Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела страны. По поводу клеветнической шумихи болгарских фашистов Г. В. Чичерин в письме советским дипломатическим миссиям за границей писал: «Необходимо разоблачить этот подлый маневр дошедшего до крайности контрреволюционного правительства» (док. № 210).

В сборнике представлены многочисленные материалы, рисующие яркую картину крепнущих интернациональных уз советского и болгарского народов. Подробно освещается движение солидарности советского народа с трудящимися Болгарии, ставшими жертвами массового террора и зверств фашистов, а также активная борьба болгарского пролетариата за установление дипломатических и торговых отношений, за дружбу с Советским Союзом.

Вопреки позиции болгарских правящих кругов поддерживались культурные и научные контакты между двумя странами. Хочется отметить, в частности, документы, свидетельствующие об избрании членами-корреспондентами Болгарской академии наук видных советских ученых-славистов А. И. Соболевского, Ф. И. Успенского (1926), Г. И. Ильинского (1930), А. М. Селищева (1930), Б. М. Ляпунова (1932), а болгарских ученых С. Младенова (1931), Г. Бакалова (1932) членами-корреспондентами АН СССР.

Читатель найдет в сборнике много новых интересных документов, освещающих процесс установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в июле 1934 г. В этот период создавались реальные условия для развития конструктивного сотрудничества в обоюдных интересах. На правительственном уровне рассматривались вопросы торгово-экономических отношений (док. № 396, 397, 405—407). Развивались научные и культурные связи (док. № 401, 402 и др.). Было основано Болгаро-советское общество (док. № 394, 395). К сожалению, этот плодотворно начавшийся новый этап болгаро-советского сближения был непродолжительным. Отстранив в январе 1935 г. К. Георгиева от власти, реакционные силы во главе с Борисом III вернулись к откровенному антисоветизму. Учитывая широкий размах антифашистского движения в стране, болгарская монархо-фашистская верхушка пыталась создать иллюзию, что проводит «нейтральную», «независимую» линию во внеш-

² Г. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 11. София, с. 406—407.

ней политике. Однако на деле нацистская Германия с каждым годом расширяла свое влияние в Болгарии, превращая ее в орудие антисоветских планов.

Советская страна готова была установить дружественные отношения с Болгарией, расширить торговое и культурное сотрудничество (док. № 473, 482 и др.). Несомненный интерес представляют многочисленные документы (их свыше ста) о большой работе, проделанной ВОКСом, о тех усилиях, которые предпринимали болгарские коммунисты, демократическая общественность, чтобы преодолеть полицейские препоны, добиться расширения культурных связей между Болгарией и СССР. Заслуживает внимания деятельность Болгаро-советского общества, которое содействовало распространению советской книги, проводило утренники и вечера, посвященные советской культуре и искусству, организовывало выставки советской живописи и советской книги, демонстрировало фильмы, проводило лекции и беседы о Советском Союзе.

После начала второй мировой войны, при всей сложности болгаро-советских отношений, СССР оставался единственной страной, готовой оказать действительную помощь и поддержку Болгарии в сохранении ее безопасности и независимости. Привлекают внимание новые документы из Архива внешней политики СССР, опубликованные в сборнике. Как свидетельствует запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с болгарским посланником (20 сентября 1939 г.), на вопрос последнего: «Может ли Болгария в случае необходимости рассчитывать на помощь Советского Союза?» — нарком ответил: «Может, но на условиях взаимности» (док. № 505).

Заботой об укреплении внешнеполитических позиций Болгарии, ее безопасности и суверенитета было продиктовано предложение Советского Союза в ноябре 1940 г. заключить пакт о дружбе и взаимной помощи. Большая группа документов воскрешает в памяти всенародное движение, развернувшееся в Болгарии за установление союзных отношений с СССР. Широкие слои трудящихся масс, всегда свято хранившие глубокое уважение и горячие симпатии к Советской стране, видели в этой поддержке важнейшее средство предотвратить втягивание своей страны в военный конфликт. Как сообщал советский полпред в Софии А. Лаврицев в НКВД СССР 21 января 1941 г., «предложения Советского правительства подняли в стране сильную волну проявления со-

ветофильских и антинемецких настроений народа... Десятки тысяч писем, телеграмм и резолюций с десятками, сотнями и тысячами подписей поступили в адрес царя, министров, парламента, депутатов и редакций газет с требованием заключения пакта о взаимопомощи с СССР» (док. № 569).

Однако вопреки воле народа монархофашистские круги отвергли советское предложение, заключили союз с третьим рейхом и дали согласие на ввод в страну нацистских войск (док. № 582).

Когда гитлеровская Германия напала на СССР, трудящиеся Болгарии под руководством партии коммунистов начали героическую борьбу против монархофашистов, против вовлечения страны в войну с Советским Союзом. 22 июня 1941 г. ЦК БРП в воззвании к рабочему классу и всем трудящимся выразил твердую уверенность, что «болгарский народ, который в своем подавляющем большинстве питает безграничную любовь к братскому советскому народу и связывает с ним все свои надежды на лучшее будущее, ...не останется в стороне» (док. № 593). Немалый интерес представляют опубликованные в сборнике письма, полученные советской миссией в Софии в конце 1941 — начале 1942 г. от различных групп трудящихся, в которых выражалась полная уверенность в победе советского народа.

Успехи Советской Армии на советско-германском фронте способствовали дальнейшему подъему антифашистской борьбы болгарского народа. В феврале 1943 г. ЦК БРП принял директиву о подготовке вооруженного восстания. Широилось партизанское движение, в котором участвовало более 30 тыс. бойцов и до 200 тыс. их помощников-ятаков.

Заключительные документы посвящены освободительной миссии Советских Вооруженных Сил, оказавших помощь болгарскому народу в его борьбе против монархофашистского режима, за национальное и социальное возрождение.

Сборник, несомненно, будет высоко оценен всеми, кто интересуется историей внешней политики СССР, советско-болгарскими отношениями. Он дает всестороннее представление о последовательной политике Советского правительства, постоянно стремившегося к установлению с Болгарией добрососедских отношений на началах равноправия и мирного сосуществования.

Д. Б. Мельцер

«Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза начала 70-х годов». «Наука», 1976, 238 с.

Самое общее впечатление, складывающееся при чтении этой коллективной монографии, сводится к тому, что рассмотренные в ней литературы переживают процесс глубочайшего перелома, вызванного той смелой общественно-экономическими формаций, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Хотя авторы не ставили целью дать полное освещение современного литературного процесса, однако его важнейшие черты им удалось раскрыть.

Слово «От редколлегии» (Д. Ф. Марков, В. А. Хорев, С. А. Шерлаимова), открывающее сборник, характеризует общее состояние художественной прозы 70-х годов в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии.

Исследованиям по каждой из этих стран предшествует небольшое введение Д. Ф. Маркова «По логике истории». Его назначение — напомнить об основных этапах, пройденных литературой европейских социалистических стран от возникновения в них социалистического реализма до настоящего момента. Так как в специальных статьях не сопоставляются различные пути национального развития литератур, то такой исторический экскурс здесь необходим — он подготавливает мысль к сравнительно-типологическому обобщению и позволяет в итоге сделать заключение, что «литературы европейских социалистических стран идут сегодня в авангарде художественного прогресса» (с. 21).

Из «Заметок о современной болгарской прозе» Н. Н. Пономаревой и статьи С. В. Рожновского «Реальность вымысла и невымышленная реальность (Новые тенденции в литературе ГДР)» видно, что в этих литературах 70-е годы открывают новый этап поступательного развития социалистического реализма, в Болгарии опирающегося на достижения Д. Димова, Д. Талева и Г. Караславова, а в ГДР — В. Бределя, Г. Мархвицы, Л. Ренна и А. Зегерс.

Интеллектуализация болгарской прозы, которой в 60-х годах способствовало творчество К. Калчева, П. Вежинова, Б. Райнова и др., повлекла за собой ее жанрово-стилевую перестройку, усилила влияние документальной, эссеистской и мемуарной литературы, повысила роль монологического начала повествования, «исповедальной» формы, лиризма и т. п. Тема строительства социализма в Болгарии по-прежнему остается центральной, но преломляется она все более многогранно. С ее разработкой, как показывает Н. Н. Пономарева, сопряжены и расчеты с прошлым, и интерес к труду рабочих, и проблема воспитания молодежи,

и выявление социально-нравственных последствий отмирания старого болгарского села, и обращение к периоду героического сопротивления монархо-фашизму, позволяющее молодым литераторам решать актуальнейшие вопросы нравственного выбора. Отступление от масштабного романа, вызванное повышенным вниманием к духовному миру новой личности, по мнению Н. Н. Пономаревой, создает необходимые литературные предпосылки для возвращения к эпическому изображению на более высоком уровне.

В литературе ГДР, как показывает С. В. Рожновский, на передний план выдвинулось изображение творческих исканий художника, его профессиональных забот, нравственных сомнений, раздумий над отношением литературы к действительности и т. п. Самоанализ писателей порожден их глубокой личной заинтересованностью судьбами искусства, здесь, как утверждает советский ученый, встают «более общие проблемы» (с. 72), возникшие в результате достигнутого за истекшую четверть века нового уровня философского и социального мышления.

Иначе выглядят судьбы реализма в Венгрии, Чехословакии, которым посвящены соответственно статьи Ю. П. Гусева — «Некоторые особенности развития венгерской прозы на современном этапе», С. А. Шерлаимовой — «Чешская проза в начале нового этапа» и Ю. В. Богданова — «Новые координаты словацкой прозы». В этих литературах социалистический реализм пережил полосу известного отступления, вследствие которого, по меткому замечанию С. А. Шерлаимовой, «оказался перед необходимостью вновь завоевывать утерянные рубежи» (с. 158).

В Венгрии конструктивный подход к художественному освоению новых явлений жизни возобладал в середине 60-х годов. Сейчас литература социалистической Венгрии представлена как общегуманистическим направлением (Л. Немет, Т. Дери, И. Ваш и др.), так и собственно социалистическим (П. Вереш, И. Дарваш, Д. Факете, А. Гидаш и др.). «Сама переходность настоящего периода в Венгрии, — пишет Ю. П. Гусев, — влияние различного рода отрицательных факторов, как внешних, так и внутренних, еще часто порождает aberrацию в общественном сознании — в том числе и в художественном» (с. 55). От приверженцев общегуманистического идеала писатели, освещающие жизнь с марксистско-ленинских позиций, отличаются более глубокими, более реалистическими решениями самых сложных проблем. Центральная из них — «задача формирования новой социалистической личности, нового отношения человека к человеку и к обществу»

(с. 69). Как и в ГДР, она решается анализом переживаний «интеллигенции, в меньшей мере крестьянства и очень мало — рабочих» (с. 58). Характерен также расцвет «социологических жанров» (с. 68) — очерково-социологической литературы факта. Наиболее влиятельными остаются «романы и повести социально-аналитического характера» (с. 62), связанные с традицией Горького и Шолохова, но не повторяющие их, а прокладывающие неизведанные пути познания человеческой души. На этом пути Ю. П. Гусев, как и Н. Н. Пономарева, тоже отмечает известное «ослабление эпического элемента» (с. 62).

В чешской прозе начало нового этапа, отмеченного возрождением социалистических идеалов и восстановлением преемственности с прогрессивными традициями, приходится на 70-е годы. С. А. Шерлаимова констатирует, что засилию ревизионистской литературы, насаждавшей в 60-е годы моральный релятивизм и антигуманистические тенденции, пришел конец. Интенсивно возрождается реализм на почве исторической эпикки («Преклони предо мной колена» Б. Ржиги, «Императрица» Н. Фрида, «Когда Европа танцевала вальс» М. В. Кратохвила и др.). С. А. Шерлаимовой удалось убедительно доказать, что, утверждая незыблемость истинных человеческих ценностей, новая волна чешской исторической прозы значительно расширила позиции реализма. И все же разработка новых принципов изображения, в частности и социалистического реализма, всегда определялась художественным освоением современности. Под этим углом зрения С. А. Шерлаимова выделяет романы о деревне: «Святой Михаил» Я. Козака и «Большая вода» Б. Ногейла. Даже жизнь рабочих («Трудности равнин» М. Рафая) и интеллигенции («Доктор Медузин» Б. Ржиги) раскрывается в сельской обстановке.

Аналогичные тенденции отмечает Ю. В. Богданов в Словакии, где обращение писателей к прошлому тоже ведет к усилению реализма, хотя мотивы их интереса к отечественной истории иные, чем у чехов. Большое значение имеет для них и история антифашистского Сопротивления — неуывдаемая тема Словацкого национального восстания. Многим писателям, особенно молодым (например В. Швенковой, автору романа «Кедровый бор»), ее разработка позволяет решать «проблематику морально-нравственного выбора» (с. 199). Из достоинств работы Ю. В. Богданова стоит указать на его убедительную попытку объяснить «неизбежность самосознания» (с. 188), проявляющуюся в массовом тяготении писателей к автобиографической достоверности, к ретроспективному анализу и т. п. Под этим углом зрения рассматривается в статье книга А. Плавки «Влюбленный в жизнь», а также исторические эссе

В. Минача. Недавнее увлечение словацких писателей экспериментами в духе Кафки, Сартра, Роб-Грийе или Йонеско, по Ю. В. Богданову, нельзя оценивать только в плане выражения чуждых социализму тенденций (с. 190). Ю. В. Богданов рассматривает литературное развитие как движение по восходящему витку спирали, при котором и негативный опыт прошлых лет приобретает известную ценность — в конце концов, именно учет и положительного и отрицательного опыта помог писателям преодолеть кризис и начать активное обновление социалистической литературы Словакии.

Если рассматривать литературу не в алфавитном порядке, как они размещены в сборнике, а стадийно, то особое место на крутом повороте современной истории придется поискать, очевидно, для польской, румынской и югославских литератур.

Из «Заметок о польском романе начала 70-х годов» В. А. Хорева мы узнаем, что польские писатели тоже проявляют повышенный интерес к проблеме человеческой личности и заняты усиленными поисками новых средств выражения жизненной правды. Заостряя на этом внимание, В. А. Хорев начинает характеристику польской прозы с «Приключений мыслящего человека» М. Домбровской — реалистки, которая всегда строго придерживалась классических традиций, но на склоне лет попыталась, выражаясь ее словами, «выскользнуть из старой эпической шкуры». Поиск новых способов реалистического обобщения отмечает советский полонист также у известных писателей-коммунистов Е. Путрамента и Т. Голуя. «Нетрадиционные решения, смелое использование условных форм, приемов „литературы факта“, метафоричность» (с. 106) многих значительных произведений последних лет демонстрирует В. А. Хорев разбором романа Е. Брошкевича «Десять заповедей». Автор обнаруживает в Польше почти все те тенденции и формы, какие наблюдаются в развитии исследуемых в сборнике литератур, и в этой демонстрации многоголосности новейшего польского романа заключается достоинство работы В. А. Хорева. Непонятно только, зачем понадобилось автору в ряду художественных произведений рассматривать «Дневник военных лет» покойной Э. Налковской.

В отличие от других М. В. Фридман в своем очерке «Реализм, а не мифы (О некоторых тенденциях развития современной румынской прозы)» касается всех ее послевоенных этапов. В 60-е годы произведения предшествующих лет, — конечно, исторически ограниченные, но тем не менее представлявшие значительное национальное достижение румынской литературы и в особенности социалистического реализма, — подверглись огуль-

ному осуждению. И хотя творчество Э. Станку, М. Преда, Э. Барбу, Д. Р. Попеску и других приверженцев марксизма способствовало удержанию реалистических позиций, однако широкое распространение среди писательской интеллигенции убеждений о якобы вечном разрыве между жизнью индивида и общества привело к вытеснению из литературы социальной проблематики и вместе с тем к выхолащиванию из образа человека его живой души. Началось повальное увлечение экспериментами; отрываясь от национальных традиций, произведения становились все более герметичными, неудобочитаемыми. Нарастающий отрыв литературы от реальных потребностей общества в художественном освоении новой жизни, в конце концов, вызвал «дискуссию о реализме и его значении для литературы социалистической Румынии» (с. 135). Участвовавшие в ней писатели говорили о необходимости возвращения в лоно реализма и отказа от экспериментов. Но между этими декларациями и практикой в Румынии пока еще существует заметное расхождение. В качестве первых шагов на пути его преодоления М. В. Фридман указывает на ряд романов 70-х годов Ал. Симеоана, Пл. Пардэу, Ал. Ивасюка (одаренного писателя, трагически погибшего во время недавнего землетрясения) и др. Небезынтересно, что возвращению писателей на позиции реализма здесь, как и в Чехословакии, способствует осмысление отечественной истории.

Хотя борьба с антиреалистическими течениями занимает немалое место в истории утверждения социалистического искусства и в Венгрии, и в Чехословакии, и в Польше, и в Румынии, однако нигде модернизм не пускал таких глубоких корней, как в Югославии. Поэтому статья Г. Я. Ильиной «Время романа (О романе-эпопее в литературах Югославии)», констатирующая, что и здесь наступил решительный поворот в литературном развитии, представляет огромный интерес. Вообще говоря, реалистическое направление, представленное такими видными романистами, как И. Андрич, Б. Чопич, М. Крлежа, М. Лалич, И. Потрч, М. Кранец и др., не переставало развиваться в упорной борьбе с модернизмом на протяжении всего послевоенного периода. Однако только в начале 70-х годов югославская критика заострила свое внимание на этом факте, словно впервые открыв его для себя на фоне прошедшего сдвига. Сейчас в югославских литературах преобладающим направлением стал реализм. В аспекте этого усиления реализма Г. Я. Ильина и рассматривает роман черногорца М. Лалича «Военное счастье», изображающего ломку в Черногории патриархально-родовых отношений на рубеже веков, незавершенную эпопею из времен первой мировой войны

сербского романиста Д. Чосича «Время смерти» и пятитомную «семейную хронику» 1913—1922 гг. «Знамена», принадлежащую перу М. Крлежи — старейшины хорватской революционной литературы.

Не только в Югославии, а вообще во всех странах социалистической системы возрождение традиций критического реализма неизбежно ведет к социалистическому реализму. В исследовании этого процесса и состоит важнейшее достоинство сборника. Но в этом пункте обнаруживается и его крупнейший недостаток — расплывчатость некоторых общих суждений о литературной условности.

Дело в том, что нынешние споры о судьбах реализма неотделимы от проблемы художественной условности. При решении же этой проблемы необходимо не только интуитивно, а и теоретически отличать условность искусства вообще от ее конкретно-видовых форм (различных тропов, приемов и пр.). Когда речь заходит об отношении последних к реалистическому изображению жизни, огульность суждений насчет плодотворного использования различных условных форм и приемов в целях обновления современного реалистического искусства становится весьма рискованной, во всяком случае — научно необудительной. Ибо, вообще говоря, искусство все условно; оно собственно тем и отличается от мифологии, религии и науки, что не претендует на действительность, предполагая элементы неподлинности, искусственности представляемого, его вымышленности и т. д. С этой точки зрения так называемое изображение жизни в формах самой жизни не менее условно, чем символ, гротеск, аллегория, параболы, хронологические смещения и пр., чего некоторые авторы явно недоучитывают. При всем том их наблюдения над тем, что современный арсенал литературных условностей резко расширился и обращение к нему писателей стало характерною чертою нового искусства, бесспорно, надо отнести к ценным научным констатациям или обобщениям.

Итак, «Новые явления в литературе европейских социалистических стран» — это книга о своеобразных путях обновления романа и вместе с тем о состоянии социалистического искусства в указанных странах. Это состояние определяется степенью развития реализма, далеко неодинаковой в разных литературах, и, может быть, самым большим достоинством этой коллективной монографии, самым интересным в ней является показ того, что развитие социалистического реализма противоречиво, оно совершается отнюдь не прямолинейно, а диалектически. Его новейшая история знает и попятные движения, на которые указывает С. А. Шерлашова; она может приводить к своеобразному противостоянию разных миро-

воззрений, как это отмечает Ю. П. Гусев; словом, его эволюция совершается, как утверждает Ю. В. Богданов, по восходящему витку спирали. Выход на этот виток, как констатирует Г. Я. Ильина, наблюдается ныне и в Югославии, где борьба

с модернизмом была особенно упорной и где поэтому и победа реалистического направления представляется чрезвычайно знаменательной.

И. К. Горский

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976—1977 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Авраменко В. Н. Социалистический образ жизни: сущность, проблемы развития. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 6.

Ауман В. Решающая сила современности. «Казакстан коммунист», 1976, № 10.

Гиббианский Л. Я. Социалистическое строительство в Югославии. «Новая и новейшая история», 1977, № 1.

Гусев И. По пути дружбы и сотрудничества. (Партийное, государственное и научно-техническое сотрудничество СССР и СФРЮ на современном этапе.) Междунар. жизнь, 1977, № 1.

Ермилов А. П., Райко С. Актуальные теоретические проблемы строительства социализма и коммунизма в центре внимания советских и польских философов. Вопр. философии, 1977, № 1.

Забрагова Л. О ревизионистских извращениях теории классов. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 6.

Зиятдинов В. Х. К вопросу формирования идейного облика молодого поколения в ПНР. В кн. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Сб. аспирантских работ. Обществ. науки. Философия. Науч. коммунизм, 1975.

Кулагин Ю. I. Про інтернаціональні інтереси соціалістичних країн. Питання наук. комунізму, 1976, вип. 33.

Монин М. Е. Победа над фашизмом — решающее условие успеха народно-демократических и социалистических революций в странах Европы. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Мошняга В. П. Взаимное использование опыта социалистических стран по коммунистическому воспитанию молодежи. В кн. XXV съезд КПСС и акту-

альные проблемы коммунистического воспитания молодежи. М., 1976.

Пайестка Ю. Польская Народная Республика в год VII съезда ПОРП. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1976.

Пашук К. К. Боевое содружество армий стран Варшавского Договора и дальнейшее укрепление их оборонной мощи. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Рудakov Е. Народная Республика Болгария (1975 г.). В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1976.

Тягуненко Л. Социалистическая Федеративная Республика Югославия (1975 г.). В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1976.

Федосеев П. Н. Всемирно-историческое значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Федосеев П. Н. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. Вестн. АН СССР, 1977, № 1.

Хуль З. Неотомизм в Польше после II Ватиканского собора. В кн. Критика религиозной идеологии и проблемы атеистического воспитания. М., 1976.

Шинкин В. А. Могучая поступь социалистического содружества. «Нева», 1976, № 12.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Власенко А. В интересах мира и социализма. К итогам бухарестского совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Под знаменем ленинизма, Киев, 1976, № 24.

Каднар М. Чехословакия после Хельсинки. Междунар. жизнь, 1977, № 1.

Коммюнике консультативного совещания представителей движений за мир социалистических стран. «Век XX и мир», 1977, № 1.

Программа действий социалистических государств. Междунар. жизнь, 1977, № 1.

Солодухин Ю. Общность целей, единство действий. Междунар. жизнь, 1977, № 2.

Шахназаров Г. Х. Изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом и проблема мирного сосуществования. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Ширяев Ю., Соколов А. Деловые связи «Восток — Запад»: возможности и реальности. Междунар. жизнь, 1977, № 1.

Шопа Е. Выступление во Втором комитете XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Будимирова И. Г. Об идейно-организационном укреплении Польской Объединенной Рабочей Партии (1971—1975 гг.). В кн. Проблемы развития демократии в социалистическом обществе. Челябинск, 1976.

Лилов А. Интернациональный и национальный долг коммунистов. Полит. самообразование, 1977, № 1.

Луков В. А. Решения VII пленума ПОРП (1972 г.) и некоторые вопросы единства в молодежном движении Польши на современном этапе. В кн. Современная идеологическая борьба и молодежь, вып. 2. М., 1976.

Родионов В. По пути укрепления сотрудничества. Парт. жизнь, 1977, № 4.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Аграрно-промышленные комплексы в Народной Республике Болгарии. Закупки с.-х. продуктов, 1977, № 2.

Ардт О. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии международных контейнерных перевозок. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Афонин Б. А. О критерии интернационального обобществления в рамках сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Бакоревский О. Д. Социалистическая интеграция и вопросы организационной структуры совместной экономической деятельности стран — членов СЭВ. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Безбородов К. О результатах научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ в 1971—1975 гг. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Бейм Т. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области транспорта в 1976—1980 гг. и последующем периоде. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Бомбог Б. Опыт сотрудничества стран — членов СЭВ в области совместного прогнозирования развития транспорта. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Бубнова Н. Ю. Актуальные проблемы развития сотрудничества стран СЭВ в черной металлургии. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Булба Т., Быков А. Социалистическая экономическая интеграция: некоторые итоги и перспективы. Полит. самообразование, 1977, № 1.

Буринский А. М., Воинов А. М. Современные тенденции развития экономических связей между социалистическими и капиталистическими странами. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1977, № 1.

Васильева М. З. Рост производительности труда и повышение эффективности производства. (На примере обувной промышленности республики Болгарии.) Труды Науч.-исслед. ин-та экономики Госплана АзССР. Баку, 1976, т. 9.

Велушев М. Экономический аспект образа жизни (К критике буржуазных концепций). Вопр. экономики, 1977, № 1.

Винтрова Р. О макроэкономических взаимосвязях развития жизненного уровня и сбалансированности экономического роста в ЧССР. В кн. Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния. М., 1976.

Вольски Т. Результаты селекции озимых зерновых культур в Польше. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Вороников В. Вопросы создания и функционирования международных экономических организаций в промышленности стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Встреча руководителей отделов печати министерств внешней торговли и главных редакторов журналов по внешней торговле стран — членов СЭВ. Внешн. торговля, 1977, № 1.

Галанов С. С. Критика современных буржуазных взглядов на кредит при социализме. В кн. Вопросы денежного обращения и кредита. М., 1976.

Голубева С. Я. Отражение затрат на науку в себестоимости и оптовых ценах промышленной продукции в странах — членах СЭВ. Вопр. ценообразования, 1976, вып. 10.

Гольдман И. Общие методологические вопросы прогнозирования жизненного уровня. В кн. Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния. М., 1976.

Горемыкина Л. Взаимная торговля стран — членов СЭВ товарами народного потребления. Внешн. торговля, 1977, № 2.

Грозданов В. Оперативное управление производственным процессом в сельском хозяйстве — на научную основу. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Гусак В. Развитие пищевой промышленности в ЧССР. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Девятков В. В. Плодотворное сотрудничество. (СССР и НРБ в производстве строительных материалов.) Строит. материалы, 1977, № 1.

Делибалтов И., Петров Л. Научно-техническое сотрудничество в области гидромелиорации. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Дзыза О. А. Критика буржуазных «неолиберальных» трактовок социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1977, № 1.

Дзюбко І. С., Грабовецький М. П. XXV з'їзд КПРС про поступове врівнювання рівнів розвитку країн соціалізму. Питання, наук. комунізму, 1976, вип. 33.

Дикунова А. М. Вопросы совершенствования форм и методов внешне-экономических связей СФРЮ с развивающимися странами. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Дудинский И. Воплощение в жизнь экономической стратегии КПСС. Междунар. жизнь, 1977, № 1.

Дякин Б. Страны СЭВ: экономический рост и подъем благосостояния народа. Под знаменем ленинизма. Киев, 1977, № 1.

Заманский И. Г. Комплексное решение проблемы сотрудничества в области электротехники. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Зломанов Л. П., Ивановский Б. Г., Тюшева В. В. Хорошие итоги, ясные перспективы. Народное хозяйство стран — членов СЭВ в 1976 г. Экон. газ., 1977, № 8.

Иванов А. Е. Координационные центры — новая форма научно-технического сотрудничества стран СЭВ. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Иванов В. К., Политов В. Н. Многостороннее международное сотрудничество стран — членов СЭВ в области стекольной и керамической промышленности. Стекло и керамика, 1977, № 1.

К внешнеторговым связям Испании с некоторыми социалистическими странами.

Бюл. иностр. коммерч. информации, 1977, 4 янв., № 2.

Калашников Б., Шабалин А. Эффективность производства товаров для экспорта. План. хоз-во, 1977, № 2.

Калиняк М. Торговля ЧССР на службе народного благосостояния. Сов. торговля, 1976, № 12.

Капустин Е. И. Социально-экономические основы развития социалистического образа жизни. Рабочий класс и соврем. мир., 1977, № 1.

Каретников Е. Сотрудничество в разработке научных основ развития контейнерной транспортной системы стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Карпов Ю. К вопросу дальнейшего развития международной отраслевой системы научной и технической информации по машиностроению. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации. М., 1976, вып. 3.

Козьменко В. П. Формирование цен в условиях функционирования совместных предприятий стран — членов СЭВ. Вопр. ценообразования, 1976, вып. 10.

Коптев Д. В. Охрана окружающей среды в Чехословакии. Науч. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1976, вып. 103.

Кормнов Ю. Долгосрочные целевые программы сотрудничества стран СЭВ. Вопр. экономики, 1977, № 1.

Кузинские С. Задачи статистики на современном этапе социально-экономического развития Польши. Вестн. Статистики, 1977, № 2.

Кузнецова З. Н. Изменение уровня и структуры народного потребления в ЧССР. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Курдова М. А. Обобществление производства в сельском хозяйстве НРБ на современном этапе. Пути повышения эффективности обществ. производства, 1976, вып. 4.

Кючуков Д. Сооружение и обустройство международных автомагистралей — важное направление сотрудничества стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 6.

Лопатов В. В. Европейские страны социализма и «третий мир». Сотрудничество в форме смешанных компаний. «Народы Азии и Африки», 1976, № 6.

Лучкина Л. Машиностроение европейских стран — членов СЭВ. Эконом. газ., 1977, № 2.

Максименко П. К. Производственная интеграция Польши со странами — членами СЭВ как фактор развития ее народного хозяйства. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Матю И. Роль сотрудничества в применении вычислительной техники и математических методов на транспорте.

Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Моравец В. Развивается сотрудничество между Дунайской комиссией и Советом Экономической Взаимопомощи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Морозов В. Новые рубежи сотрудничества. Внешн. торговля, 1977, № 2.

Найбрт Б. Участие ЧССР в международном социалистическом разделении труда в области транспортного машиностроения. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Новикова Т. Г. Научно-техническое сотрудничество социалистических и развивающихся стран. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

О построении и практическом использовании межотраслевых балансов. Эконом. и мат. методы, 1977, т. 13, вып. 1.

Опришко Н. Развивается сотрудничество стран — членов СЭВ в области воздушного транспорта. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Пашкова И. И. Проблемы сотрудничества стран — членов СЭВ в области капитальных вложений. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Полонейчик О. С., Рпсованный И. М. О критерии оценки эффективности социалистической интеграции. Пути повышения эффективности обществ. производства, 1976, вып. 4.

Салаи Д. Первое заседание Научно-технического совета по селекции и семеноводству кормовых культур. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Седых Ю. На базе межхозяйственного и агропромышленного кооперирования. «Наука и жизнь», 1977, № 1.

Сенин М. В. Экономическое сотрудничество на современном этапе социалистической интеграции. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Сергеев В. Сотрудничество СССР и других стран СЭВ в области плановой деятельности. Экономика Сов. Украины, 1977, № 1.

Силка А. Н. Социалистическая экономическая интеграция коксохимической промышленности в рамках стран СЭВ. «Юкс и химия», 1977, № 1.

Симпозиум «Комплексные программы в социалистическом народнохозяйственном планировании». Экономика и мат. методы, 1977, т. 13, вып. 1.

Соглашение об учреждении Международного хозяйственного объединения в области химических волокон «Интерхимволокно». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Стручков Я. М. Болгаро-советское экономическое сотрудничество в период первой пятилетки (1949—1952 гг.).

В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Орджоникидзе, 1976.

Телятников Н. Б. Экономические отношения СФРЮ с развитыми капиталистическими странами. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Устав Международного хозяйственного объединения в области химических волокон «Интерхимволокно». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Устав Международного хозяйственного объединения по производству технологического оборудования для текстильной промышленности «Интертекстильмаш». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Фаддеев Н. В. Курсом социалистической экономической интеграции. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 1.

Федоров А. М., Еремеев В. М. О научно-техническом сотрудничестве стран — членов СЭВ в области проектирования и строительства шахт. Шахтное стр-во, 1976, № 12.

Федотова А. Л. Развитие экономических отношений восточноевропейских социалистических стран — членов СЭВ с Японией. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Фидипова Э. Страны СЭВ обмениваются опытом планирования. План. хоз-во, 1977, № 1.

Францева И. С. Вопросы заинтересованности Франции в экономическом сотрудничестве с социалистическими странами. В кн. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Харпе В. Развивается сотрудничество между СЭВ и Финляндией в области транспорта. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Цель: повышение эффективности сотрудничества в области транспорта. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 6.

Чакайда Э. Сотрудничество стран — членов СЭВ в решении вопросов удовлетворения потребности животноводства в кормовых белках. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

Чуканов О. СЭВ: координация планов на 1976—1980 гг. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1976 г. М., 1976.

Чураков Ю. Совершенствование экономического механизма интеграции стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1977, № 2.

Шевич Л. А. Влияние высшего образования на использование специалистов в народном хозяйстве ПНР. В кн. Экономическая эффективность народного образования и капиталовложений в него. М., 1976.

Эрнст Л., Нестерова В. Сотрудничество стран СЭВ в разработке новых методов управления животноводством. Междунар. с.-х., журн. М., 1977, № 1.

Яначек К. Об опыте прогнозирования жизненного уровня в ЧССР. В кн. Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния. М., 1976.

5. Государственное строительство. Право

Апарова Т. В. СФРЮ. В кн. Условное осуждение и досрочное освобождение по законодательству социалистических стран. М., 1976.

Бафия Е., Сальва З. Защита прав трудящихся в трудовом кодексе ПНР. Сов. государство и право, 1977, № 1.

Быркалов П. Коллективные трудовые договоры в Болгарии. В кн. Коллективные договоры в социалистических странах. М., 1976.

Ванек С. Финансовое право Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. Финансовое право европейских социалистических стран. М., 1976.

Вачев Н. Финансовое право Народной Республики Болгарии. В кн. Финансовое право европейских социалистических стран. М., 1976.

Веральский М. Финансовое право Польской Народной Республики. В кн. Финансовое право европейских социалистических стран. М., 1976.

Власов И. С. ПНР. В кн. Условное осуждение и досрочное освобождение по законодательству социалистических стран. М., 1976.

Гаджиева В. М. Этапы развития законодательства о социальном обеспечении в Польской Народной Республике. Вопр. соц. обеспечения, 1976, вып. 9.

Гришаев П. И. НРБ. В кн. Условное осуждение и досрочное освобождение по законодательству социалистических стран. М., 1976.

Демченко А. В единстве с коммунистами. (Многопартийная система в евро-

пейских странах социализма.) Вопр. и ответы, 1977, № 1.

Ионова Т. Б. Критика правоопортунистических концепций о роли и месте союза молодежи в социалистическом обществе (на примере ЧССР). В кн. Современная идеологическая борьба и молодежь, вып. 2. М., 1976.

Иончик Я. Трудовой кодекс ПНР как акт кодификации. Сов. государство и право, 1977, № 1.

Мамифа И. Э. Условия правовой охраны открытий. Вопр. изобретательства, 1977, № 1.

Мирончук А. Роль и значение коллективных договоров в Польше. В кн. Коллективные договоры в социалистических странах. М., 1976.

Мурко В. Финансовое право Социалистической Федеративной Республики Югославии. В кн. Финансовое право европейских социалистических стран. М., 1976.

Незкусил И. Опыт подготовки краткосрочных прогнозов преступности в ЧССР. Вопр. борьбы с преступностью, 1977, вып. 26.

Совещание министров юстиции социалистических стран. Соц. законность, 1977, № 1.

Совещание по проблеме выявления скрытых хищений. Соц. законность, 1977, № 1.

Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Социалистической Федеративной Республики Югославии о сотрудничестве в области туризма. Внешн. торговля, 1977, № 1.

Формы морального поощрения. Соц. соровование, 1976, № 6.

Целуйко І. Партийне керівництво місцевими представницькими органами влади в державах соціалістичної співдружності. Рад. право, 1977, № 2.

Шульженко Н. А. ЧССР. В кн. Условное осуждение и досрочное освобождение по законодательству социалистических стран. М., 1976.

Яшик Л. Коллективные договоры и профсоюзы в Чехословакии. В кн. Коллективные договоры в социалистических странах. М., 1976.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бухало Г. В. До питання про використання джерел про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. у працях сучасних польських істориків. «Архіви України», 1976, № 6.

Буханов В. А. Роль государств Юго-Восточной Европы в военно-экономических приготовлениях фашистской Германии (март 1935—ноябрь 1937 г.). В кн. Политика великих держав на Бал-

канах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976.

Бычкова М. Е. Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения: М., 1976.

Гейштор А. Теория исторической науки в Польше XVI в. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы

в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Г о л ь м б е в с к и Я. Революция 1905—1907 годов и рабочее движение Польши. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. (Материалы научн. конф.) М., 1976.

Г р и г о р ь е в И. М. Деятельность П. В. Алабина в Болгарии. Краевед. зап. Куйбышев, 1976, вып. 4.

Д я д ь к и н В. В. Из истории разработки Программы партии болгарских революционных марксистов. В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Орджоникидзе, 1976.

Д я д ь к и н В. Г. IV съезд БКП и его место в истории партии и революционного движения в Болгарии. В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Орджоникидзе, 1976.

К а б а ч е к В. М. Допомога Радянського Союзу Югославії у зміцненні Народно-Визвольної Армії (1944—1945 рр.). Вісн. Харк. ун-ту, 1976, № 145.

К а л ь б и н с к и й С. Польское общество в период первой русской революции. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. (Материалы научн. конф.) М., 1976.

К о з л о в В. П. Критический анализ взглядов Бенуа-П. Эйнера на проблему «М. А. Бакунин и славянский вопрос». В кн. Историография и источниковедение. М., 1976.

К о р о л ь к о в Д. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян. (До середины XI в.) В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 5. М., 1976.

К о с а ш к и Н. К., А н т о н о в Е. М. Интернациональное боевое сотрудничество Болгарской Народной Армии и Советской Армии на завершающем этапе борьбы с фашистской Германией. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

К р ж и ж е к Ю. Отклики на первую русскую революцию в чешских землях. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. (Материалы научн. конф.) М., 1976.

Л е щ и л о в с к а я И. И., Концепция славянской общности в конце XVIII—первой половине XIX века. Вopr. истории, 1976, № 12.

Л и м о н о в Ю. А. Русские летописи и польская историография XV—XVI вв. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

М и х а й л е н к о В. И. Политика держав «оси Берлин-Рим» на Балканах в период германского наступления на за-

паде (10 мая — 24 июня 1940 г.). В кн. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976.

М и ц о в З. В. К 100-летию пребывания Н. И. Пирогова в Болгарии (1877—1977). Сов. здравоохранение, 1976, № 12.

П о б о р н и к о в а С. Первая русская революция и революционные марксисты Болгарии. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. (Материалы научн. конф.) М., 1976.

П р о х а з к а З. Помощь Советского Союза и освободительная миссия Советской Армии — основные предпосылки восстановления национальной независимости Чехословакии. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

С о б ч а к К. О некоторых аспектах освободительной миссии Советских Вооруженных Сил на территории Польши в 1944—1945 гг. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

С т а р о с т и н а И. П. О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Т а з б и р Я. Общественные и территориальные сферы распространения польской реформации. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Т о д о р о в а Х., Р ы н д и н а Н. В., Ч е р н ы х Е. Н. Энеолитический металл из Голямо Делчево. Сов. археология, 1977, № 1.

Т р г о Ф. Освободительная борьба народов Югославии и Великая Отечественная война СССР (1941—1945 гг.). В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

Ч е м п а л о в И. Н. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе (март — август 1939 г.). В кн. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976.

Ш а л ь к е в и ч В. Пламенный революционер—интернационалист. (В. Врублевский). «Коммунист Белоруссии», 1976, № 12.

Ш е в ч е н к о Н. П. Вплив Велико-го Жовтня на зростання громадсько-політичної активності трудящих жінок Західної України (1917—1939). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1977, вип. 13.

Ш м и д т С. О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Ук-

раины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Я д з я к Э. Вклад Народной Польши в победу над фашистской Германией. В кн. Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976.

K. B l a s c h k e. Wege des transkontinentalen West—Ost—Handels im hohen Mittelalter. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

D l u g o b o r s k i W. Die strukturellen Umwandlungen Schwerindustrie in Polen in dem XIX. und dem Anfang des XX. Jahrhunderts (bis 1914). В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 7. М., 1976.

D u n i n - W a s o w i c z T. Les routes commerciales en Pologne du Haut Moyen Age. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

E r s e g I. Die Nordadriatischen Hafen als vermittler im Handel sverkehr swischen der Habsburgischen Monarchie und der Türkei in der II. Hälfte des XVIII. und in der I. Hälfte des XIX. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

M a ç z a k A. Continental East—West Trade as a factor of Development in Central Europe from the Middle of the 16th to the 18 th Century. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

M a ł o w i s t M. Les traits generaux du developpement des voies continentales du commerce international entre la Baltique et les Carpathes au XVe et dans la premiere moitie du XVIe siecle. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

P a c h S. P. Osteuropa und die Anfangsperiode der Entstehung des modernen internationalen Handels im 15. Jahrhundert. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

S a m s o n o w i c z H. Problemes du transport routieren Pologne au XIVe et XVe siecle. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

T o r o ł s k i J. La réfeodalisation dans l'économie des grands domaines en Europe Centrale et orientale (XVIe — XVIIIe siecles). В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 5. М., 1976.

W u s z a ñ s k i A. Transformations administratifs des trands gomaines Fonci-

ers aux XV-e et XVI-e siècles. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 5. М., 1976.

Z a g r a f k i D. Die Bedeutung Macedoniens in dem Aussenhandel zwischen den West — und Osteuropäischen Zändern. В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 6. М., 1976.

2. Культура

А л е к с а н д р о в и ч С. Несвижский план Москвы 1611 г. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

А р а п о в а Л. И. Проблемы сотрудничества исторических и историко-революционных музеев социалистических стран. В кн. Музейное дело в СССР. М., 1976.

Б а з ы л е в Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Б а р а н о в с к и й Б. Грузия в творчестве польского писателя XIX в. Матеуша Гралевского. В кн. Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976.

Б а р д а х Ю. Литовские статуты-памятники права периода Возрождения. В кн. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.

Б а с к а к о в В. Н. «Biblioteka Narodowa» и ее роль в распространении русской литературы в Польше. В кн. Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Б о г д а н о в М. Б. Школа и образование в Социалистической Федеративной Республике Югославии. В кн. Школа европейских стран социализма. М., 1976.

Б р а т э р с к а е я д н а н н е. (Дни польской лит-ры в Белоруссии.) «Полюмя», Минск, 1976, № 12.

Б р и т а н и ш с к и й В. С Новогрудской горы далеко видно. (Дни польской литературы в Белоруссии.) Лит. обозрение, 1977, № 1.

Б я л о к о з о в и ч Б. Польские писатели о Шолохове. В кн. Мировое значение творчества Михаила Шолохова. М., 1976.

В о й т ч а к К. М. Польское кино на новом этапе. «Искусство кино», 1977, № 1.

Высокий долг писателя. Анкета журнала. Ответы писателей социалистических стран. Вопросы лит-ры, 1976, № 12.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Létopis», 1976, № 2/3

Х. Батовский. Переход небольших частей исторической территории Лужиц к Польше и их административное деление; М. Каспер. Новые даты в национальном движении лужицких сербов после первой мировой войны (1919—1932); Л. П. Лаптева. Русский славист И. С. Пальмов (1856—1920) и лужицкие сербы; Я. Петр. Адольф Черны—преподаватель сербо-лужицкого языка в Пражском университете; Ф. Матшк. Ценности народной культуры и национальная специфика в концепции сербо-лужицкой культуры Георга Зауэрвейна.

«Przegląd Historyczny», 1977, № 1

Е. Вырозумский. Союзы подмастерья в средневековой Польше; Т. Зелиньская. Майораты в средневековой Польше; В. А. Сэрчк. Запорожское казачество во время русско-турецкой войны (1768—1774); Б. Конарская. Польские эмигранты в вузах Франции в 1832—1848 гг.; А. Галос. Гаката и антидатский Германский союз; В. Владыка. Консерваторы и беспартийный блок сотрудничества с правительством.

«Historický časopis», 1976, № 4

И. Каменец. Историография и историческое самосознание словацкого общества в период построения социализма; А. Шпис. Королевская власть и городское самоуправление в восточной части Центральной Европы при феодализме; М. Вивиялова. Матей Белл — автор Апологии?; П. Раткош. Обэкономическом и социальном развитии Словакии в 9—13 вв.

«Z pola walki», 1976, № 3

Е. Жигунов. Петр Лавров и революционная Польша (70—90-е годы XIX в.); К. Урбаньский. Система репрессий по отношению к Коммунистической партии Польши в практике Келецкого воеводства в 1918—1938 гг.; Я. Борковский. Выборы в городском самоуправлении в 1933—1934 гг.; А. Ямруз. Политика и идеология французской социал-демократии в период Пятой республики.

СП. (посвященный истории рабочего движения)

Вступительное слово президента ПАН В. Тшебятовского; С. Кольябиньский. Польская общественность в революции 1905 г.; Я. Голембов-

ский. Ленинская теория революции и современность; А. Жарковская. Рабочий класс Королевства Польского во время революции 1905—1907 гг.; П. Родионов. Международное значение первой русской революции; В. Найдус. Руководители II Интернационала и их отношение к революции 1905 г.; К. Хаферкорн. Значение русской революции 1905—1907 гг. для политико-идеологической деятельности Клары Цеткин; Я. Шулич. Влияние первой русской революции на рост революционного движения в Австро-Венгрии; Т. Тимофеев. Ленинская теория революции и некоторые вопросы стратегии и тактики современного рабочего движения в капиталистических странах. С. Титаренко. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и современность; М. Боучек. Творческое применение ленинской теории перерастания революции в Чехословакии; Ю. Оганисьян. К вопросу о соотношении интернационального и национального в международном рабочем движении.

«Československý časopis historický», 1977, № 2

В. В. Марьяна. Аграрно-крестьянский вопрос в политике национальных фронтов на завершающем этапе второй мировой войны; Я. Кудрна. Историография, марксизм и историческое сознание; Э. Маур. Современные исследования о немецкой крестьянской войне 1524—1526 гг.; Б. Кржемёнская. Политический подъем чешского государства в период правления князя Ольдржиха (1012—1034 гг.).

«Slovanský přehled», 1977, № 1

В. Крал. Клемент Готвальд — стратег революции; И. Гржибек, Г. Крачмарова. Формирование государственного деятеля ленинского типа; В. Мелихар. Клемент Готвальд о военных вопросах нашей национально-освободительной борьбы и обеспечении обороны республики; Ч. Аморт. Клемент Готвальд и Георгий Димитров.

№ 2

М. Куделка. Славистика в журнале Чешского музея до первой мировой войны (к 150-й годовщине основания журнала); З. Шимечек. Исследование чешской истории, славистики и австрославизма (К развитию государственной идеологии в Чехии в XVIII и начале XIX в.; В. Штягтны. Начало так называемого прогрессивного движения славянских народов в габсбургской монархии в 80—90-е годы XIX в.

CONTENTS

The principal event of the XX century. *Jazhborovskaya I. S.* The Great October socialist revolution and the revolutionary process in the Central and South-Eastern European countries. *Michia Norbert* (Poland). The significance of the Great October socialist revolution for the restoration of the independency of Poland. *Cruškovic Mihal* (Czechoslovakia). The Great October revolution and Czechoslovakia. *Slavin G. M.* Celebrations of the Great October anniversaries by the working-people of Yugoslavia. *Jarosz B.* Scientific-technical cooperation between the Soviet Union and the Polish People's Republic (1947—1977). *Chorev V. A.* The October revolution and the formation of the socialist realism in the Polish literature of the 20-s. *Tsanev Gheorghii* (Bulgaria). Russian classical and Soviet literature in my life . . . 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Kopylov V. R. «The Participation of Yugoslav Working People in the October Revolution and the Civil War in the USSR». Collection of documents and materials. *Kaleniczenko P. H., Kolesnik V. P.* «ZSSR — Polska: przyjaźń, współpraca, pomos wzajemna». *Molok F.* «KŠC a naše priatelstvo a spojenectvo so ZSSR». *Meltser D. B.* A Valuable Publication on the History of the Soviet-Bulgarian Relations. *Gorsky I. K.* «New phenomena in the literature of the European socialist states. Fiction of the early 70-s» 107

Bibliography

The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the soviet periodicals in 1976—1977 (continued). The contents of foreign periodicals 120

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 10/VI-1977 г. Т-10262 Подписано к печати 10/VIII-1977 г. Тираж 1225 экз.
Зак. 2494 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 12,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер.,10

Цена 1 руб.

Индекс 70891